

ISSN 2075756-1

odnako.org

деловой и политический журнал

ОДНАКО

октябрь–ноябрь/2013
(170)

16+

РУССКИЙ УРОК ИСТОРИИ

Объединённый веб-проект «Однако»

ODNAKO.ORG

РЕДАКЦИЯ

главный редактор	Михаил Леонтьев
шеф-редактор	Ирина Розенберг
арт-директор	Александр Терентьев
заместитель главного редактора	Андрей Кобяков
руководитель фотослужбы	Сергей Подлеснов
бильд-редактор	Борис Печников
художник	Александр Кукушкин
литературный редактор	Оксана Полонская
корректоры	Елена Гольшева, Лариса Долбина, Татьяна Ежеская
дизайн, вёрстка	Елена Козырева, Наталья Шахова
цветоделение	Дмитрий Шваб

Рисунки: Александр Кукушкин
Обложка: правая часть триптиха П.Д. Корина «Сполохи»,
РИА «Новости»

Учредитель и издатель: ООО «Издательская группа ОДНАКО»
1-й Кожевнический пер., дом 6, стр.1, офис 408
Тел.: (495) 287 8765, info@odnakoj.ru

генеральный директор
Лариса Леонова
издательский директор
Андрей Сорокин
директор по распространению **Алексей Железняк**
технический директор
Дмитрий Антошин
главный инженер
Алексей Савельев

Журнал издаётся при финансовой поддержке Некоммерческого фонда –
Институт социально-экономических и политических исследований

Журнал «ОДНАКО. Деловой и политический журнал» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-45331 от 09.06.2011
подписано к печати 04.10.2013 заказ №1220 тираж 10 000 экз.
Отпечатано в типографии
ООО «Богородский полиграфический комбинат»
Отдел распространения и подписки. Тел.: (495) 287 8764

ОГЛАВЛЕНИЕ:**НАША ИДЕОЛОГИЯ**

ТИМОФЕЙ СЕРГЕЙЦЕВ, ИСКАНДЕР ВАЛИТОВ,
ДМИТРИЙ КУЛИКОВ

Русский урок истории . . . . . 8**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ**

НАТАЛИЯ РАЙСКАЯ, ЯКОВ СЕРГИЕНКО,
АЛЕКСАНДР ФРЕНКЕЛЬ, АННА ЛОБЗОВА

Топтание на месте 146

Отечественная экономика продолжает пребывать в состоянии стагнации — всё говорит о том, что России надо искать новую модель экономического роста.

ВЛАДИСЛАВ ЖУКОВСКИЙ

Псевдоинвестиции 158

Вместо неоправданной ставки на привлечение иностранного капитала следовало бы реализовать комплекс мер, направленных на активизацию внутренних источников роста экономики.

ИГОРЬ БЕРЕЗИН

Растущее повседневное потребление 178

За пять лет расходы россиян на покупку товаров повседневного спроса увеличились номинально более чем в два раза, а реальный рост составил около 40%: половина его пришлась на натуральное потребление, кроме того, произошёл структурный сдвиг в сторону более дорогих ассортиментных позиций.

МИРОПОРЯДОК

АЛЕКСАНДР ТЕРЕНТЬЕВ-мл.

Россия сосредотачивается 188

В современном мире очень мало государств, способных самостоятельно формулировать внешнюю политику. Помимо Соединённых Штатов это, наверное, Китай, Иран и, в меньшей степени, Индия, Бразилия и Россия. У всех этих стран есть собственный исторический проект. И даже если этот проект не носит мессианский характер, а замкнут на себя, его существование является залогом успеха и гарантией сохранения суверенитета.

АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ

Циклы российской внешней политики 202

В следующем, 2014 году мы будем отмечать невесёлый юбилей: столетие начала Первой мировой войны, которая стала для России небывалым унижением, привела её к краю пропасти, сломав, казалось бы, устои тысячелетней цивилизации. Однако, как и после Крымской войны, страна сумела «сосредоточиться» и вернуть себе ведущую роль в мировой политике.

АЛЕКСАНДР ТЕРЕНТЬЕВ-мл.

Альтернатива «исключительной нации»: как устранить перекосы в мировой системе 212

Дипломатическая победа России в сирийском вопросе и валдайская речь Путина были восприняты на Западе как серьёзный перелом в международных отношениях. О роли Москвы, её союзниках и ресурсах корреспондент «Однако» Александр Терентьев-мл. беседовал с председателем Комитета по международным делам Госдумы РФ Алексеем Пушковым.

МАРИНЭ ВОСКАНЯН

Пятый вариант 222

Будущее отношений между Россией и Германией зависит от способности Запада признать за нашей страной право создать собственную модель общественного устройства.

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

**Европа и Россия в глобальном
противостоянии США и Китая 232**

Своих ближних северных и дальних западных партнёров Пекин рассматривает с присущим ему прагматизмом — в качестве выгодных объектов внешнеэкономической деятельности и полезных инструментов в практике внешнеполитической.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ

Пороховая бочка 240

Ближний Восток всё чаще называют «евразийскими Балканами». Гражданская война в Сирии, усиление политического ислама, противостояние шиитов и суннитов, иранская ядерная проблема — всё это создаёт предпосылки для большого регионального конфликта, в который могут быть втянуты великие державы.

CORBIS/FOTOSA

День народного единства — 4 ноября — праздник, над которым принято насмехаться и издеваться у нашей креативной элиты, по причине отсутствия веры, мозга и системного гуманитарного образования. Это праздник чудесного спасения практически сгинувшей, распавшейся, развалившейся страны, в которой все воевали против всех, жгли и грабили друг друга, в Кремле — поляки, а в каждом мало-мальски поселении свой самозванец. Чудо спасения подчёркивается тем, что это праздник почитания иконы Казанской Божьей Матери, имеющей прямое очевидное отношение к его свершению.

Вот этот механизм избавления от Смуты, для которого необходимо Чудо, и есть повторяющийся, раз за разом воспроизводимый алгоритм русской истории. Русское православное сакральное государство, наследовавшее Византии и впитавшее в себя ордынскую управленческую традицию, выносило свой тип отношений с народом и элитами, государство легитимно тогда, когда оно, обращаясь к народу, «укорачивает» элиты, заставляет их работать на общий державный интерес. Когда и если государство ослабевает, элиты начинают добиваться политических прав, по сути, привилегий для себя, гарантий от «укорота». Когда и если они добиваются этого, государство теряет легитимность, потому что с народом так не договаривались. Политическая революция, как замечал Василий Ключевский, переходит в социальную, то есть истребление высших классов низшими, элиты обращаются за помощью и гарантиями защиты к внешнему врагу, разрушая государство. Для восстановления которого и необходимо Чудо. То есть нравственное мировоззренческое религиозное отрезвление страны. Таков механизм всех трёх русских смут. В первую Смуту вера, нравственные и религиозные скрепы сработали, и потому случилось Чудо. А во вторую все эти скрепы рухнули, и потому случилась неизбежная резня. То есть механизмом восстановления государства стала резня. В третью Смуту мы сохраняем шансы и на то и на другое. Потому что государство наше будет всё равно восстановлено любой ценой. Но при этом не хотелось бы, чтобы эта цена была совсем «любая».

Есть ещё один механизм в новой русской истории, являющийся приобретением нашей исторической эволюции,

точнее, петровских реформ. Западнообразный культурный слой был жёстко и искусственно имплантирован в Россию с разрушением традиций, уклада, всего строя — «синкретизма» национальной жизни в рамках форсированной принудительной модернизации. При всех проблемах и последствиях для развития страны эта модернизация представляется всё-таки необходимой (хотя о её формах можно поспорить). Поскольку с выходом России в пространство европейской политики вопрос стоял о сохранении России как субъекта этой политики или о превращении в объект, то есть, по сути, утрате самостоятельной государственности. Вот этот культурный слой, в дальнейшем воспроизводимый, и стал постоянной проблемой, «занозой» русской истории, унаследовав традиционное отношение допетровских элит к государству и прибавив к ним принципиальное «родовое» западничество.

Этот «культурный» слой и является в значительной своей части носителем той самой русофобии, о которой пишут авторы «Русского урока истории». Русофобии, которая является патологическим отражением ненависти к единственной в мире стране, которая не была покорена, побеждена, то есть «оцивилизована» в единственной доступной Западу манере. Поэтому эта страна не может считаться цивилизованной и подлежит неизбежному «оцивилизации». Вот эту патологическую идеологию «недоевропейскости», «недоцивилизованности» России и разделяет известная часть западного «культурного» слоя, превращая его раз за разом в «пятую колонну», инструмент в руках врагов России, её мировоззренческих и геополитических конкурентов. Этот слой, на современном этапе российской истории именуемый крeаклами, и является самой серьёзной угрозой существованию России. Потому что победить её «снаружи» не удавалось никогда. А изнутри... Это и есть, наверное, главный урок русской истории. Как обычно, невыученный.

НАША ИДЕОЛОГИЯ

ТИМОФЕЙ СЕРГЕЙЦЕВ
ИСКАНДЕР ВАЛИТОВ
ДМИТРИЙ КУЛИКОВ

РУССКИЙ УРОК ИСТОРИИ

ТИМОФЕЙ СЕРГЕЙЦЕВ

ИСКАНДЕР ВАЛИТОВ

ДМИТРИЙ КУЛИКОВ

Русский урок истории

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение

Часть I. Кто мы

- Глава 1. **Наша религия**
- Глава 2. **Наша история**
- Глава 3. **Наше государство**
- Глава 4. **Наша революция**
- Глава 5. **Наша демократия**
- Глава 6. **Наш социализм**

Часть 2. Наша ситуация

- Глава 1. **Наше место в мировом распределении богатств**
- Глава 2. **Наша роль в управлении миром**
- Глава 3. **Проблема нашего суверенитета**
- Глава 4. **Вызов нам**
- Глава 5. **Наш вызов**
- Глава 6. **Наш шанс**

Введение

Русский вектор европейской истории

Книга, которая публикуется в этом выпуске «Однако», представляет собой русский взгляд на историю европейской цивилизации и нас самих как безусловных и ключевых участников этой истории, ответственных за её (цивилизации) судьбу. О том, кому и зачем нужен такой взгляд, насколько возможна и оправдана такая точка зрения, посвящено данное введение.

Содержание публикуемого ниже исследования мало соответствует привычным представлениям о том, какой может и должна быть книга «про историю». Выбранный способ описания исторических процессов также нуждается в специальных пояснениях, которые и приведены ниже.

Время Обмана

Западному обывателю приятно считать «русский вопрос» уже решённым. Нет русских — и нет больше никакой России. Наконец-то... Ликвидация северного монстра (нас с вами) из стратегической задачи политиков превратилась в тактическую цель западного бизнеса.

Предполагается, что, как и двадцать лет назад, мы всё сделаем сами, своими руками. Сами доразворуем, отдадим, сдадимся на милость победителя. Далее — хаос из десятков карликовых демократий, который должен стать источником еды для пусть и уставших, но «цивилизованных» западных стран, а также жерновами для перемалывания уже органической составляющей России — многоэтнической имперской нации русской культуры, то есть собственно русского народа.

Этого хватит, чтобы занять Западную Европу освоением наших останков на ближайшие двадцать лет. Ведь США нужно что-то дать континентальному Западу. И не допустить объединения Старого Света в целом, не допустить перезапуска материнской цивилизации. Этот проект давно перекочевал из высоких кабинетов и закулисы в подстрочник и «подразумеваемое» общенародного западного демократического дискурса.

Это общий знаменатель всех западных избирательных программ, главное политическое обещание США XXI века: с русскими покончено, они уже не поднимутся.

Так ли это? Ответ на этот вопрос зависит от нас, от нашего исторического самоопределения. По-гамлетовски: быть или не быть...

То, что для западного обывателя — заблуждение, для нас, прежде всего, обман. Обманывают, когда не могут взять силой и когда клиент «сам обманываться рад» — что будет «дружба», что мы будем «как все», что будет «изобилие». Что всё, что мы до этого считали правдой (вполне обоснован-

но), — неправда. И наоборот. Что у нас будет всё и ничего нам за это не будет. И делать ничего не придётся — только поверить.

Раньше ложь была предметом разбора для многочисленных государственных учреждений, назначенных разоблачать «буржуазную фальсификацию истории». И они свою работу худо-бедно делали. Однако что для учёного аргумент, для обывателя — ничто.

И дело не только в уровне грамотности. Мы были самой образованной, в том числе и политически, страной в мире. Однако когда наш собственный красный царь — генеральный секретарь и первый и последний президент — ложь не только повторил, но и «безжалостно усилил», довёл до предельно простых и общих, понятных формулировок, сделал дискурсом нации, вот тут выяснилось, что остановить его некому и нечему. Официальная «наука» ничего не смогла противопоставить этой лжи. Да и что может сказать давно уже не наука, не философия, а «экспертиза», сервис, выполняющий заказ? Но и в «андерграунде» мыслителей не оказалось. Все бросились работать на «перестройку» и «демократизацию», искренне и честно, так же, как сейчас на «рынок», «собственность», «экономику».

Обман, как известно, наиболее эффективен и побеждает там, где у обманутого в принципе не было и не могло быть своего понимания, знания.

Знание своей Судьбы

Что должно запустить наш иммунитет против этой лжи? Что мы должны понимать, чтобы выстоять сейчас и стать лидерами в будущем? Ответ очевиден: нам необходимо знание о самих себе, о своей судьбе, своём историческом пути. Кто потерял себя — теряет всё, свою страну в первую очередь.

Сегодняшний кризис затронул не только стратегические цели. Дело не в том, что нет внятных ответов на вопрос «что делать?». Ситуация хуже: мы уже не знаем, кто мы есть. Потеряна логика жизни, её целостный образ, её «гештальт». Достоинство, самоуважение — чувства, которые мы переживаем, когда идём по начертанному пути, чувства, которых нам сегодня очень не хватает. Единый учебник истории, который никак не может появиться на свет, именно для того и нужен.

Разрушена картина мира, в которой мы могли бы увидеть себя и свой путь. Представление о том, что мы живем в «новой России», есть, по сути, отказ от судьбы как таковой, а следовательно, и от своей человечности. За словами о «новой России» нет никакой определённости, а значит, не может и быть вектора воли, энергии исторического действия.

В прошедшем столетии мы дважды испытывали на собственной шкуре, что такое разрыв преемственности как живой исторической памяти, так и историософии — в 1917–1921 годах и 1985–1991 годах. Так что можно уже и не вспомнить, кто мы такие и откуда. Этого нельзя допустить, это и есть реальная гибель. Мы обязаны опомниться, сшить разорванную ткань нашей исторической судьбы.

Сделать это механически, формально невозможно. А главное, это не даст ответа на вопрос «что делать?». Нужно нащупать внутреннюю логику нашей судьбы, вновь вспомнить/помыслить себя — без перерывов и

изъятий. Идущих по своему пути и потому существующих. Которые есть и будут.

Знание собственного пути необходимо для того, чтобы иметь возможность двигаться. Знать свою судьбу и означает, что в каждый данный момент в любых обстоятельствах можно определиться и поставить цели действия. Образ судьбы направляет нашу активность. Цели — это уже момент технический. Можно достигать цели, ставить новые — но внутри определённого образа пути, внутри наших усилий и стараний воплотить образ судьбы.

Сегодня сама постановка вопроса о собственном пути России наталкивается на яростное сопротивление всех её внешних и внутренних врагов. Отрицается необходимость творческого, проектного отношения к человеческой жизни. Отрицается, что жизнь может и должна иметь свой замысел, своё назначение, свой план. В последнее двадцатилетие часто можно было слышать призывы: «Давайте, наконец, просто жить», «Жить можно и тихими радостями», «Хватит мучить себя великими целями» и т.п.

Ничто не ново под луной... Ещё в позапрошлом веке А.П. Чехов в письме Суворину (от 3 декабря 1892 г.) писал по поводу идеологии «жить для жизни»: «Это философия отчаяния. Кто искренне думает, что высшие и отдалённые цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остаётся кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».

Бессмысленная в полном смысле слова жизнь человека — без сверхзадач и идеальных установок — скучна, никчёмна и подлинной человеческой жизнью не является. Человеческая жизнь больше, чем биологическое существование. Жизнь вне горизонтов идеального — путь к расчеловечиванию и неизбежному вырождению. Это верно как для отдельного человека, так и для народа, для политической нации в целом.

У каждого народа, у каждой нации так же, как и у человека, есть своя Судьба. Свой «многопоколенный» цикл от рождения до смерти. Судьба — это задание: что мы все вместе, все поколения должны сделать — сделать вовне, сделать из себя. Знание о судьбе объективно и должно существовать независимо от конкретных людей. В головах же отдельных личностей это задание может присутствовать какими-то частями, аспектами, фрагментами. Но важно, чтобы оно было в том или ином виде, важно личное отношение к этому предназначению, прикрепление к нему. Отношение к своей судьбе не может быть нейтральным, как к солнцу, которое восходит и заходит.

Знание своей судьбы до тех пор, пока оно присутствует в жизни народов и политических наций, позволяет им сохраниться. Им есть что защищать по самому большому счёту: свою мечту, своё предназначение, возможность прожить собственную, а не чужую жизнь. Это и есть основа солидарности ныне живущих с предками, с потомками. Для отдельного человека судьба народа и нации — тот предельный объём жизни, в котором он может мыслить себя участником. То, что задаёт ему уровень личностного становления: что он возьмёт на себя — в рамках заданной исторической судьбы. Поэтому очень важно, чтобы смысл нашей судьбы был явлен с той степенью ясности, которая возможна сегодня.

Усилие понять свою судьбу направлено не столько на обстоятельства своего рождения и на материальную составляющую жизни, сколько на то, в чём мы участвуем и в качестве кого. Что нам предстоит сделать, что мы можем и должны взять на себя. То есть полагание своего пути — это не произвол, не вымысел, не фантазия.

Судьба опознаётся как должное. Вот такой вроде бы парадокс: с одной стороны, это, бесспорно, творческий акт — никто вроде бы нам приказы сверху не спускает, мы сами в меру своего понимания и воображения полагаем себя и свою судьбу. А с другой, мы относимся к этому как к должному. Исходим из того, что не только мы являемся авторами своей судьбы. Есть ещё и Тот, перед кем придётся держать ответ как за своё понимание/ непонимание, так и за исполнение задания, которое мы должны свободно принять. Свободно, потому что мы вольны и уклониться от него. Хотя лучше этого не делать.

Свобода заключается в том, чтобы понять свою судьбу и подчиниться ей вопреки обстоятельствам и соблазнам. Свобода — в следовании своему пути. Свобода в том, чтобы быть тем, кем — в соответствии с пониманием (откровением) — начертано. Поэтому полагание пути есть одновременно и полагание себя, решение подчиниться судьбе, решение быть кем-то определённым. Это гибкость и свобода в выборе действий, в тактике и может даже стратегии, но одновременно это фиксация себя и подчинение Его воле. Это определение констант своего существования.

Помогать нам в историческом самоопределении никто не будет. Наивно было думать, что Запад протянет нам руку — навстречу протянутой нами. Запад, возглавляемый США, имеет единственную историческую задачу в отношении нас — колонизация и подчинение. Эту задачу не решить без радикальной системной деградации нашего социума и территории — культурной, хозяйственной, гуманитарной. А для этого, прежде всего, мы должны забыть, кто мы, потерять дорогу к истине.

О «конце Истории»

Следует сказать, что отказаться от своей судьбы принуждают не только нас. Сегодня системно уничтожаются представления о возможности исторического существования и сама возможность быть человеком.

Заявления о конце Истории, присутствующее в дискурсе многих западноевропейских постмодернистов и к которым столь поверхностно отнеслись их критики, на самом деле имеют довольно глубокие последствия и совсем другое значение, нежели приписываемое им окончание противостояния капитализма и коммунизма, тоталитаризма и демократии.

Постмодернистский дискурс утверждает, что Истории как пространства существования человечества и каждого отдельного человека больше нет.

Если история закончилась, то это значит, что человеку и человечеству теперь не нужно вникать в исторический смысл и значение своего бытия. Сам вопрос «откуда мы и куда идём?» оказался упразднён: больше никто и никуда не двигается. Все вопросы о назначении человека и смысле его существования упразднены: больше нет ни замыслов, ни планов. Не за что

биться, нечего отстаивать, некуда стремиться, не с кем бороться. Кругом политкорректность, толерантность и мультикультурализм. Нет больше смысла в Человеке, нет больше в мире места для личности и поступка.

Всё это, конечно, наглая ложь. Ложь, призванная обесточить своих конкурентов и «партнёров», лишить их воли и энергии идти своим путем. На самом же деле внедряется новый принцип социального устройства мира, в котором есть те, кто понимает, что такое История, и при этом знает свою историю, т.е. способны самоопределиваться в новых сложных исторических условиях, и они будут властвовать и править; и есть те, кто почему-то окажется несоразмерным историческому самоопределению, и прежде всего потому, что их убедили в «окончании» Истории.

Новые управляющие иерархии будут строиться не только из людей, но и из стран, государств и регионов. Возможно, в отведённом кому-то месте в новой иерархии (некоторые наивно называют такие иерархии «системами разделения труда») будет вполне комфортно, только для полного счастья и отсутствия фантомных болей в виде поиска смысла собственного существования, своей страны, своего народа нужно всего-навсего отказаться от своей судьбы, её понимания и от исторического самоопределения в принципе.

Пропаганда «конца истории» идёт вполне успешно. Такая интеллектуальная функция, как понимание, у современного человека в силу кажущейся ненужности атрофируется. Современный европеец не понимает своего прошлого (уже даже и не знает), а значит, он не может понять и того, что с ним происходит сейчас, не говоря уже о том, каким он видит возможное и желаемое завтра. И самое главное — он даже не подозревает о неадекватности всех своих представлений. Неизбежное в скором будущем обрушение привычных структур повседневности и радикальное снижение уровня жизни могут, конечно, вновь запустить механизмы понимания, но будет поздно: новый порядок оставит современному европейскому человеку минимальные возможности для сопротивления.

Об оптимизме

Потеря судьбы, исторического самосознания с неизбежностью приводит к разрушению всего строя жизни. Всё теряет смысл. В отличие от животных мы живем не только сиюминутной жизнью, нам важно постичь замысел. Знание исторической судьбы — основание для проектирования и целеполагания. Без него будем топтаться на месте, рассеиваться, уходить в себя, дичать.

Вместе с тем не стоит излишне драматизировать. Потеря ориентиров — ситуация штатная, регулярно повторяющаяся и вполне преодолимая. Надо лишь вспомнить о своей исторической судьбе, прояснить её, вновь сделать очевидной. И тем самым совершить новый акт самопроектирования и самостроительства.

Момент для этого вполне подходящий. В каком-то смысле раньше делать такую работу было преждевременно. Ход истории принципиально отличается от законов мира деятельности. Никакие волевые усилия, никакие новые представления без сложившихся определённых социальных условий в масштабе страны не могут повлиять на исторический процесс. Всем нам

надо было распрощаться со многими представлениями советского периода и успеть разочароваться в либерально-рыночных, перестать ими соблазняться.

А вот теперь работа по восстановлению наших исторических судьбоносных ориентиров вроде бы становится наконец-то осмысленной и современной.

Эта книга написана с позиции социокультурного оптимизма. На самом деле у нас всё есть для того, чтобы остаться людьми и жить подлинной человеческой жизнью. Пора освободиться от навязанных нам комплексов неполноценности, забыть их, как дурной сон. Мы крепко стоим на собственных ногах, нет никакой нужды жить под кем бы то ни было. Нам есть что отстаивать. Ещё ничего не предрешено. Мы обязаны вернуть себе историческое и онтологическое достоинство.

О конструировании Истории

Ответ на вопрос «кто я?» не может быть произволен. Я есть тот, кем я был, кто я есть и кем я буду. Вместе с тем «кто мы, откуда пришли и куда идем?» — вопрос творческий. Ответ на него не может быть сведён к историческому материалу, а может быть построен по нашему убеждению за счёт усилий понимания и далее — в конструктивном и проектном мышлении.

Мы не можем идти здесь путём познания «объективной реальности, существующей вне нас». Наша история каждый раз рождается в акте самостроительства и самопроектирования. Реальность возникает одновременно и вследствие человеческого самоопределения. Целостный образ жизненного пути, его «гештальт» могут появиться только в живом человеческом воображении, в актах «схватывающего понимания» и последующего его мыслительного оформления.

Конструирование истории есть одновременно и акт самопроектирования. Положив своё участие в некоем процессе, объективировав своё движение, ты одновременно совершаешь самостроительство. Картина мира — ничто без действующего агента в нём. Исторический путь вне нашего самоопределения не существует. Даже сама его граница является подвижной.

Важно, что этот целостный образ должен в своей интенции охватывать весь путь, от начала и до его конца — в исходном представлении без различения прошлого и будущего. В каком-то смысле можно сказать, что всё время, охватываемое путём, представляет собой одно «сплошное настоящее». С другой стороны, мы выхватываем этот целостный образ нашей судьбы из какого-то момента. Момент, который неизбежно разделяет для нас прошлое и будущее. Важно, что это творческое и проектное отношение прилагается не только к образам будущего, но и к прошлому. Оно тоже преобразуется. Исторический материал реорганизуется в соответствии с нашим проектом. Таким образом, прошлое преобразуется, будущее воображается, но это одна картина, один путь, одна история.

Производство знания о своём пути — ключевой момент в самоопределении. Это и есть подлинное историческое знание. Исторический материал сам по себе этого знания ещё не даёт. Наоборот, образ пути организует

фактический материал. Более того, только силой этой формы мы и начинаем понимать своё прошлое, настоящее и будущее. Она приписывает всем историческим событиям соответствующие значения. Мышление, мыслительные формы организуют и реорганизуют понимание исторических событий. Бессмысленно требовать от всех людей собственного понимания исторических процессов и мышления по этому поводу. Это дело философов и историков: понять и мыслительно оформить. Но после этого сами эти формы могут и должны быть переданы и в массовое пользование.

Что является доказательством верности той или иной исторической реконструкции? Свидетельством того, что всё это не пустой вымысел, не волюнтаризм его авторов? Ответ известен: общественно-историческая практика. Только сам деятель, реализуя в соответствии с пониманием (откровением) свою судьбу, может в исторической перспективе доказать, что его картина была верна. Она либо позволит ему сделать очередной шаг и исторически выжить, либо он сломает себе шею, и тем самым будет доказано, что он ошибался. Риск в пространстве истории неустраним. Если мыслить свою судьбу и не уклоняться от её исполнения, то есть шанс исторически выжить. Или проиграть, если мыслить ошибочно. Если же не мыслить и не действовать, то тогда остаётся лишь с неизбежностью рассеяться и раствориться.

Такие представления явно противоречат широко распространённому мнению, что нам нужна «история как она есть», «вне идеологии». Мы полагаем, что «истории как она есть» просто не бывает. Если речь идёт о наборе неких логически не связанных между собой случаев, дат и событий, то это не история, а исторический материал, пусть даже хронологически систематизированный. Если же презентуется конструкция из связанных фактов, то это всегда знание, произведённое из определённой позиции. Всякая конструкция приписывает соответствующие значения всем включённым в неё событиям, и эти значения из истории не устранимы. Уже «факт» содержит в себе такие значения, он является элементом конструкции и несёт на себе её печать.

Поэтому всякая история всегда позиционна. Вопрос только в одном: тот, кто конструирует, делает это либо открытым образом, либо пытается скрыть свою конструктивную работу, выдаёт свою альтернативную конструктивную работу за «историю как она есть». Исторический же материал сам по себе «молчит». Конечно, он должен быть учтён в мыслительной конструкции — именно как материал, как то, что только в конструкции приобретает свой смысл и значение. И как то, что может сопротивляться, как то, что должно укладываться в картину без насилия и исключения.

Отказ от подлинного исторического знания в пользу «истории как она есть» тождествен отказу от самоопределения. Это отказ от целевого человеческого действия. Нам не надо бояться позиционности истории.

На основной магистрали

Если для человека время его жизненного пути измеряется столетием, то для народа и политической нации счёт идёт на тысячелетия. Воланд в «Мастере и Маргарите» задаёт Берлиозу вопрос: «Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишён возмож-

ности составить какой-нибудь план, хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?»

Воланд, как, впрочем, ему и положено, лукавит. Вообразить план жизни на несколько тысяч лет (точнее было бы сказать, «замысел», «программу»), охватывающий как прошлое, так и будущее, является вполне умопостижимой задачей. Более того, если мы относимся к текущему кризису как к кризису базовых конструкций европейской цивилизации, а не её отдельных частных элементов, то масштаб рассмотрения и должен быть соразмерным всей цивилизационной истории. Конечно, рассмотрение программ развития цивилизации следует отличать от планов конкретных человеческих действий, масштаб которых действительно будет иным. Хотя и у плана действия может быть не один исполнитель и не в одном поколении.

Сегодня мы находимся в ситуации вынужденного переосмысления своего исторического пути. Нам нужен не исторический анализ, а масштабный исторический синтез. Хотя, может быть, мы никогда ещё своего пути ясно не понимали.

Вот первый вопрос: когда начинается наша история? Может быть, она начинается не с момента нашего рождения как народа (народов) и даже не с рождения нашего государства? История происхождения народов («генетическая» история) — большая абстракция. Для человека и человеческих объединений не так важно, от кого ты родился, как важно то, к чему подключился. Главная история — это история не крови и даже не история той или иной социальной организации, социального объединения, а история культуры, история мышления и деятельности. Ими определяется судьба.

Получается, что история наша началась задолго до нашего рождения. Если ты участник некой эстафеты, то нужно восстанавливать не только тот фрагмент пути, на котором ты включился в состязание, но весь забег целиком. Только так можно понять, откуда и куда идём. Каждый участник эстафеты отвечает и за результат в целом.

То есть если мы хотим знать свою судьбу, нам нужна не просто история России, нам нужна русская версия европейской истории в целом. От древних греков до наших дней. Нам надо увидеть себя как полноценных участников европейского цивилизационного эксперимента. Как тех, кто несёт в себе замысел европейского пути в его полноте — от самого старта до финиша. Да, у этого замысла и пути может быть не одна версия, не одна линия. Но русская версия европейской истории существует и является одной из её столбовых дорог.

Мы наравне с некоторыми другими европейцами отвечаем за цивилизационное целое. Нам надо разобраться в особенностях русского пути европейской цивилизации. Что мы взяли (должны взять) на себя? Что и у кого мы наследовали? Что из этого наследства должно быть сохранено и приумножено? Какие европейские проблемы мы призваны разрешить? Точно так же нам надо «русским взглядом» увидеть историю наших партнёров по цивилизации, выработать к их истории своё русское отношение.

Для этого придётся определить полюса, к которым тяготеют различные цивилизационные ветви. Нам придётся различить Запад и Восток ев-

ропейского. Западный полюс европейской цивилизации есть Римский полюс. Запад, собственно, и есть Рим. Мы же принадлежим восточной линии европейской истории, проходящей через Византию.

Собственно, осознание восточной линии и её продолжение должно стать целью русского урока истории. И дело не в обращении к византийской историографии. Дело в самом существовании Византии, а после — России. Византия не была империей, стремящейся к завоеванию мира. Она была скорее реализацией аристотелевского проекта ойкумены средствами более пригодными, нежели поход Александра Великого. Продолжатели этого проекта — мы.

Как близкие соседи и родственники мы связаны с Западом многочисленными нитями постоянного культурного обмена, экспорта/импорта проблем и достижений. Мы пережили все существенные моменты западной исторической судьбы, но в ином, нежели сам Запад, историческом «контрапункте». Последнее как раз и делает нас не-Римом. Эта инаковость переживания западного даёт нам возможность отнестись рефлексивно и критически к западному течению истории.

По последним ста годам русского прошлого можно понять тысячу лет истории Запада, скрытую и замаскированную западной идеологией. Революционная Россия всего XX века — это зеркало, в которое Запад заглядывает с ужасом, различая в нём свой подлинный образ. Мы несём проблему Запада, неразрешимый для него кризис в самих себе. Но мы не тождественны этому кризису. Сможем ли мы преодолеть его?

К финишу западной линии кризиса мы пришли вместе с Западом и опережая его. Конец западноевропейской линии истории означает неизбежный хаос, а в нём — новое начало, которое можно и нужно сделать русским.

Постмарксистский взгляд на историю

Рассуждения о необходимости своего пути, его конструктивности, масштабе рассмотрения ещё ничего не говорят о его содержании. Нам надо предметно указать, что является содержанием исторического процесса. Исторический процесс следует представить таким образом, чтобы это открывало возможности для действия. Само историческое знание уже должно нести в себе ответы на вопрос «что делать?».

В этом нам ничем не могут помочь представления об историческом процессе как последовательности неких событий, расположенных на оси времени. Точно так же не пригодны для задач самостроительства представления об истории как череде изменений нашей страны и государства. Простое описание территориальных потерь и приобретений, изменений в социальной организации, перипетий власти и т.п. не содержит подсказок для проектирования своего будущего.

Задача исторического творчества вынуждает нас по-особому ставить вопрос о действительности исторических процессов. У Карла Маркса творческое и техническое отношение к миру уже было ясно задано и сформулировано. Да, мир, как призывал Маркс, надо не объяснять, а переделывать. Но как при этом представлять сам мир? В каких категориях его надо мыслить с позиции исторического творчества?

По сути, сам Маркс остался в плену гегелевского «естественно-исторического» представления об истории как производящей силе (такой же, как «Бог» и «Природа»). Некие объективные противоречия двигают процессы в этом мире (например, несоответствие уровня развития производительных сил производственным отношениям), и человеку остаётся только следовать этим историческим «законам». В своей практике Маркс стоял на позициях целевого исторического действия, но исторические процессы при этом он описывал в неадекватных этой позиции «отсталых» — естественных и внечеловеческих — гегелевских категориях.

Суть постмарксистского взгляда состоит в том, что главным, «осевым» историческим процессом является процесс воспроизводства и люди сами ответственны за то, что и как воспроизводить. Существует только то, что воспроизводится. Мы воспроизводим себя и условия своего существования: наши социальные конструкции, смыслы и самообразы, материальные обстоятельства своей жизни — всё, что подпадает под категорию «общественной практики».

Причём условием полноценного воспроизводства является осознание людьми этого процесса. Нам необходимо отвечать на вопрос, что мы будем (обязаны!) воспроизводить в следующем историческом цикле? Что из того, что имеем, что является нашим наследством, мы должны сохранить и продолжить? И что будем развивать, т.е. воспроизводить с привнесением качественно новых компонент? Мы задаём эти вопросы фактически с позиции ответственности за социальное и культурное целое, как Его наместники на этой земле. Это значит, что нам надо всю общественную практику представить как изменяемую, рукотворную и конструируемую.

Таким образом, создать проект и план себя и своего пути означает ответить на вопрос о содержании очередного воспроизводственного цикла и шагов развития.

Подобный взгляд означает также отказ от поиска «исторической универсалии» (в стиле Гегеля — Маркса) — некоего принципиального противоречия, из которого можно вывести всё содержание исторического процесса. Постмарксисты видят в истории сложный полифонический процесс воспроизводства и развития мышления и деятельности.

Почему именно мышления и деятельности? Мы хотим осознанно воспроизводить условия нашей человеческой жизни и развиваться, обгоняя наших «партнёров». Поэтому нам нужно вскрыть генезис основных «единиц» общественной практики: в каких ситуациях и для решения каких проблем возникали те или иные идеи? Как они воплощались, какие трансформации, метаморфозы и мутации в новых условиях и обстоятельствах претерпели? Какие новые проблемы возникли в процессе их практики? Какие изменения нужно привнести в саму практику, чтобы продолжились Жизнь и Его Творение. Именно в таком контексте нам надо разобраться с «капитализмом», «социализмом», «революциями», «рынком», «демократией» и пр.

Такая реконструкция есть одновременно и наше освобождение от старых форм. Фактически мы заново должны продумать все мыслительные и деятельностьные ходы европейской истории. Превратить их в живую и актуальную способность мыслить и действовать. Например, исторический

опыт социалистического строительства сделать нашей политической и управленческой квалификацией. Только так в своих действиях можно стать сообразными историческим процессам.

Эта реконструкция должна позволить нам вырваться из плена прежних мыслительных форм, распрощаться с давно отжившими и не адекватными нынешним ситуациям теоретическими конструкциями прошлых эпох, освободиться от практики обветшалых культурных норм. Мы должны обрести свободу перепроектирования и переделки. Нам надо перестать быть идолопоклонниками.

А с другой стороны, необходимо понять, что же в нашем распоряжении есть бесспорно ценного, без чего ни выжить, ни развиваться нельзя. Что нужно взять с собой в нашем движении вперёд. Что из доставшегося наследства следует превратить в наше живое наследие. То, что мы храним, воспроизводим и развиваем как свой важнейший ресурс.

Поэтому наша версия европейской истории есть описание этих процессов мышления и деятельности, составляющих суть эволюции общественной практики. Точнее, описание нашего участия в этих процессах. Как именно мы к ним подключены.

Эта книга — попытка первого наброска такой истории. Это, прежде всего, схема синтеза, собственно результат исторического конструирования. Это не просто русский взгляд на европейскую историю. Это постмарксистский взгляд — «мыследеятельностный».

Об устройстве книги

В книге две части. Первая часть — история ключевых процессов общественной практики, к которым мы оказались подключены. Это описание стартовых для нашей цивилизации ситуаций и введение в мир связанных с ними идей и их реализаций, взятых исторически. В этой части затрагиваются такие темы, как «религия», «история», «государство», «революция», «демократия», «социализм». Это тот набор, конечно, не полный, ключевых «единиц» воспроизводства, которые и определяют обстоятельства нашей жизни и нас самих. В обсуждении этих вопросов и намечается наша — русская — версия европейской судьбы.

Во второй части рассматривается геополитическая ситуация России: в каком силовом поле нам придётся прокладывать свой путь. Отстаивать своё право на историческое и цивилизационное творчество предстоит в условиях ожесточённой социальной борьбы. Мы не можем игнорировать этот фактор, если хотим остаться на позициях реализма.

Часть I. Кто мы

С. 22

Глава 1. Наша религия

Решительно невозможно быть кем-то и ни во что не верить.

В области познания невозможно изгнать всякую веру и основываться только на опровергаемых представлениях, как это приписывают науке. Наука в действительности лишь меняет одни символы веры на другие — приемлемые для современного сознания. Знание растёт (строится) на каркасе веры, является формой её существования. Вера скрепляет всякое знание — и опытное, и теоретическое, и рассуждение и доказательство. Без клея веры рассыпается любая конструкция знания. Человек же, действительно отказавшийся от веры (значит, и от знания), приходит туда же, куда и Сократ: «Я знаю лишь, что я ничего не знаю».

Мы говорим здесь не о религиозном чувстве, не о субъективном переживании, а об объективном и необходимом способе включения человека в культуру, цивилизацию, историю, способе, вне которого такое включение либо неполноценно, либо невозможно вообще. Вне которого нет собственно человека.

В конечном счёте мы есть то, во что мы верим. Наша вера определяет нашу судьбу (может быть, совсем иначе, чем обещано самой верой). Без веры мы никто.

Мы включились в доминантную веру европейской (то есть средиземно-балто-черноморской) цивилизации тем же способом, что и Древний Рим — путём принятия христианства в качестве государственной религии.

Кризис либерально-демократической веры

Христианство явилось (и остаётся) революцией в человеческой культуре. Подлинно (действительно) существующим стал признаваться отнюдь не видимый (материальный, натуральный) мир, а единый и невидимый Бог, волей которого и поддерживается существование мира. Без этой революции в мировоззрении никогда не смогла бы появиться на свет и современная наука. В то же время Бог христианства в отличие от других религий единобожия — не только абстрактный субъект, но и личность, открывающаяся и доступная человеку ещё и в человеческой же ипостаси. Что во многом определило доминантный характер нашей веры, её развитие и кризисы (ереси).

Христианство окончательно и бесповоротно утвердило и закрепило отличие человека не только от животного мира, но и вообще от любого биологического вида, в т.ч. и *homo sapiens*, живущего в рамках традиций рода и племени. Христианство аккумулирует догадки о человеке, содержащиеся в иудейской и греческой традициях, других религиях. Критики христианской веры на этом основании говорят, что в христианстве нет ничего нового. Даже если принять их сравнительный подход, то он всё равно выявит

CORBIS/FOTOSA

С. 24

главное: единый и невидимый Бог (иудеи), который есть слово и истина (греки), воплотился в человеке, показав ему тем самым путь к божественному. И этот путь открыт Христом каждому. Каждый может стать человеком. И именно этот человек стал жить и действовать в Истории. До христианства никакой Истории не было и быть не могло.

Европейская вера менялась. В этом и состояла история европейской культуры и цивилизации.

Каковы бы ни были специфические различия и конфликты между историческими версиями христианства — православием, монофизитами, католичеством, протестанством, англиканами, многочисленными сектами (ересями), верой атеизма (страстным отрицанием христианского Бога), а также с младшим братом христианства исламом, — сегодня все эти конфликты уже в прошлом.

Сегодня европейское сознание в своей повседневности не задается вопросом о Боге. Этот вопрос контролируют разновидности светской веры, сформировавшиеся в результате кризиса и разложения христианского массового сознания. Две самые влиятельные из них — коммунистическая (социалистическая) и либеральная (демократическая). При всей нешуточной вражде друг с другом (на этом основании ведутся современные религиозные войны) они отличаются только техническими деталями. Джонатан Свифт едко высмеял эту характерную черту европейской цивилизации, описав в своём романе как войну «тупо-» и «остроконечников».

Обе разновидности светской веры суть обожествление натурально и материально данного «человека» — либо как индивида (либерализм), либо как коллектива, коллективного существа (коммунизм). Обе они создают вместо Бога фиктивный субъект истории — обожествлённый «народ», объявляемый метафизическим источником власти (а значит, и всего остального). Обе они заменяют путь человека к Богу (который открыл исключительно Христос и который и создаёт человека) на путь «человека» к себе — с целью простого и массового принятия этих светских вероисповеданий. В лучших традициях Рима и Киевской Руси эти светские религии везде, где распространены, являются де-факто государственными.

Сегодня рушатся и эти вероисповедания. Неясно, какое из них окажется последним. Несмотря на то что западная демократия и либерализм одержали победу в религиозной борьбе с коммунистической верой СССР (мы проиграли вовсе не в холодной, а именно в религиозной войне), стабильность западного общества (и США, и Европы, и Японии) ничто без обеспечения общего высокого уровня потребления. А это строго то же самое, что сулил социализм.

Ничего подобного демократия США не обещала и не могла обещать своим гражданам ни в XIX веке, ни в первой трети XX — до Великой депрессии. Зато тогда США были открыты для всех желающих. Сегодня они, как и Западная Европа, всеми силами защищаются от внешнего мира — так же, как когда-то СССР. Запад опустил свой собственный «железный занавес».

Анализируя и сравнивая западную ветвь европейской цивилизации и российскую, мы всегда будем находить больше сходств, чем различий.

Россия в XX веке ускоренными темпами прошла, опередила и возглавила все исторические процессы европейского религиозного генезиса и кризиса веры. Мы пережили и религиозную войну, и инквизицию, и дехристианизацию, атеизм и утверждение светской веры. Если чего и не успели за большую часть XX века, то к началу XXI полностью «догнали и перегнали». Мы должны воспользоваться своим историческим опытом переживания современных религиозных проблем, правильно осмыслив этот опыт и сделав из него необходимые выводы.

Современный либерально-демократический дискурс вынужден тщательно скрывать от самого себя своё собственное действительно родство социал-коммунизму. Его кризис — как и кризис открытого социал-коммунизма, уже ставший историей, — неизбежен, это бомба замедленного действия. К её взрыву мы должны быть готовы. Тем более что границы возможного в рамках светской (массовой) веры нам известны.

В то же время мы владеем эталоном христианства, который хранит православие. Функция такого эталона — не в массовой идеологической работе, а в обеспечении исповедующих подлинную веру.

Христианская революция

Первая великая революция европейской средиземноморской цивилизации, созданной мышлением греков и практикой римлян, — это революция иудейской веры, иудейского знания о едином невидимом Боге, это христианская, монотеистическая и гуманитарная революция. Она означала реальную встречу Бога с человеком, что и есть предмет собственно веры. Человек после пришествия в мир Христа получил возможность разговора с Богом, стремления к Богу, спасения в Боге, а не просто служения Ему. Эта революция определила до того неясное ещё у Платона отношение человека к идеальному, обосновала, собственно, смысл существования человека — греки этого сделать не смогли. Христианская революция ввела принцип существования самого идеального. Одновременно родился и главный соблазн европейского человека — самому стать Богом, занять Его место.

У идеального есть недостижимый центр, предел, к которому человек может двигаться бесконечно, — Бог. Любая идея в этой функции ограничивала бы мир идеального — с чем и столкнулся Платон. Бог — создатель и хозяин идеального мира, принцип его единства, а через него и мира вещей. Бог делает возможными и необходимыми не ограниченные ничем синтез и гармонию.

Человек подобен Богу, значит, мир идеального — и его мир. Значит, сам человек может через творчество менять идеальный мир, который не есть застывшая данность. Любой сотворённый человеком идеальный мир ограничен, его можно разрушить, опровергнуть, проблематизировать. И сотворить новый.

Бог — рамка для этого неограниченного творения и претворения. Бог — возможность работать с идеальной картиной мира, менять частное знание об идеальном, опираясь на постоянную и неизменную веру в Него, Который не тождествен никаким частным идеальным сущностям.

Христианством была открыта высшая сущность человека, благодаря которой он может участвовать в жизни и процессах идеального мира. Душа — в мышлении, в то время как у греков душа вполне материальна (к чему апеллирует современная психология).

Христианство стало интеллектуальной революцией, перевернувшей и реорганизовавшей всю греческую программу мышления, открывшей для неё ранее недоступные горизонты. Наука Нового времени никогда не могла бы появиться без интеллектуальной парадигмы христианства. И эта наука шагнула далеко за пределы науки греков.

Христианская революция во много раз увеличила мощь европейского цивилизационного проекта. Государство теперь должно было стать богособразным. Его статус и власть — а значит, и долг — становятся абсолютными. Государь же отныне не просто представитель идеального мира, мира правил и норм. Он выразитель воли Бога. Душа Государя должна вмещать государство и быть соразмерной ему. Государь лично отвечает перед Создателем за человечность государства. Он сам становится (т.е. обязан быть) примером и образцом человека. Смысл существования государства — защита истинной веры (т.е. в Бога), обеспечение существования и процветания Церкви (общины верующих).

Противопоставление государства обществу как сумме индивидуального эгоизма, как материальному фактору связано с выполнением им (государством) этой цивилизационной миссии. В этом противостоянии на христианское государство возложена миссия защиты позитивной человеческой свободы от принуждения, зависимости и эксплуатации (то есть рабства разного рода) со стороны общества.

Кризис западного христианства

Передовым вариантом реализации европейского проекта после падения так называемого Великого Рима стала Восточная Римская империя — Византия (это название дано ей Западом). Западная же Римская империя была, как известно, уничтожена варварами, которые, собственно, и стали впоследствии западноевропейскими народами, осознавая отпечатанную на них в основном дохристианским римским владычеством и войнами цивилизацию. Для Запада во времена расцвета Византии наступили «тёмные века».

Поэтому, отказавшись от построения Града Божьего на земле, начав рецепцию римского права, западные страны (интегрированные тогда существенно больше, чем сейчас) стали использовать христианство для построения светской власти. В эту политику закономерно вписывались и мероприятия по прозелитическому распространению католической веры — крестовые походы, миссионерство, обращение (и завоевание) других народов. По этой причине Запад делал всё для уничтожения Византии — государства изначального христианства, хотя она могла бы быть его сильным союзником для защиты от натиска исламидов. Но в цивилизационном смысле Запад считал Византию более опасным соперником, чем ислам. Тем не менее Византия простояла тысячу лет.

Этот урок «партнёрства» с Западом Россия выучила, главное — его не забыть.

Россия приняла цивилизационную европейскую инициацию от Византии задолго до её падения. В том числе мы обрели и сохраняем наименее искажённый, ортодоксальный вариант веры в Христа — православие.

Кризис же западного христианства характеризует всю историю Запада. Сначала он выразился в самом появлении католичества (папской ереси). Далее — в инквизиции и Реформации (включая появление англиканской церкви и многочисленных протестантских сект). После — сначала в деизме, абстрагировавшем Бога от его Личности, а потом и в неизбежной на этом пути идеологии Просвещения, представлявшей собой полностью негативную религию, веру в «ничто» вместо веры в Бога. Просвещение готовилось и предшествующей идеологией Возрождения, верой в человека, понимаемого в дохристианском, языческом смысле.

Просвещенческое «ничто» весьма функционально. На это «пустое место» впоследствии с лёгкостью подставляются и Природа, и Разум, и самообожествлённый Человек (человек, обожествивший свою природу и свой разум), народ. Так или иначе, Человек становится на место Бога. Западноевропейский человек объявляет себя самого источником Воли, то есть усилия по отношению к бесконечному. Развивается философия обоснования субъекта, который есть основа либеральной свободы, предполагаемой волевой состоятельности как индивида, так и народа — источника власти.

К началу XX века эти носители «субъективности» уже демонстрируют явные симптомы несостоятельности, а начало XXI века обнаруживает её окончательно. Реально ни индивид, ни народ (ни их промежуточное состояние — коллектив) ничего не могут. Они — материал истории. Кризис, который мы переживаем во всех измерениях — политическом, культурном, экономическом, — есть кризис философии субъекта, религии человекобожия.

Это вовсе не значит, что разрешение кризиса, выход из него лежит на пути «объективизации». Сам объект есть фикция того остатка бытия, пассивного и мёртвого, который остаётся после вычитания из него воли, присвоенной человеком. Любой «объективизм» всегда заканчивается вульгарным материализмом и натурализмом — через попытку объективно обосновать узурпированную человеком субъективность, не нашедшую основания в себе самой. Так материя — условность, вполне пригодная в рамках метода размышления, — объявляется существующей, разумной и в конечном счёте Божественной.

Наука и идеология: расставание с Богом

Просвещение выдвинуло вместо принципа синтеза знаний в рамках теологии — идеи средневекового Университета — принцип Энциклопедии, знания, лишённого теологического, философского и методологического осмысления, знания разрозненного, частного, аналитического. Именно в этом виде и создаёт его разделённая по предметам наука Нового времени. Идея Энциклопедии как таковая была выдвинута, чтобы похоронить цивилизационный проект Университета как якобы провалившийся.

Вера в Бога, позволившая появиться собственно Науке и толковавшая существование как проект и проблему, была с помощью Просвещения за-

мещена верой в Природу (исходившей из очевидной каждому данности существования). Отсюда берёт начало натурализм — идеология и обоснование научного и философского метода вульгарного материализма, имеющего в конечном счёте языческую природу (вещи существуют сами по себе такими, какими мы их воспринимаем). Верой в Природу были наделены и сами учёные — хотя и не все и не сразу.

Для открытия фундаментальных законов Бог был необходимым интеллектуальным условием. Таков Он у Ньютона, Лейбница, Кеплера, Коперника и многих других. А вот француз Лаплас может обойтись «без этой гипотезы», занимаясь лишь расчётами на базе уже имеющихся законов. Эйнштейн позицию Лапласа и многих других идеологических последователей натурализма не разделяет. В частности, он не приемлет квантовой механики, поскольку убеждён, что Бог «не играет в кости». При этом специальную теорию относительности Эйнштейн строит с использованием очевидного метафизического монотеистического положения — свет обладает очевидным абсолютным существованием, коль скоро он был создан ранее всего другого. Это позволяет сделать онтологический вывод из известного эксперимента Майкельсона — Морли, до которого сами экспериментаторы не додумались.

Природа не мыслит и не является личностью в отличие от Бога. Те, кто формулировал фундаментальные законы науки, ясно осознавали, что сама возможность их формулировки, само их существование как законов невозможно без обеспечения их существования в идеальном мире, без существования самого идеального мира, без возможности нашего проникновения в него. Совокупность этих «условий» существования идеального и есть Бог в европейской цивилизационной парадигме. Аристотель вообще не предполагал самого существования законов в своей физике. Он считал физический мир приблизительным, а не точным. Натура (т.е. природа) в переводе с древней латыни — это родовое отверстие у овцы, буквально «то, что рождает». В этом качестве природа переносит из языческого, мифологического, магического сознания в научное и философское принцип «подобное от подобного». В «научной» идеологии, не имеющей отношения к самой науке по существу, Природа как магическое начало отвечает за наделение существованием того, законы чего открыты и «уже существуют» (ведь иначе они — не законы).

Впоследствии эта формальная онтологизация смыкается с «идеологемой опыта», утверждающей, что научное знание якобы вытекает из опыта. Опыт действительно становится предметом научного мышления, но прежде всего — как преобразуемый этим мышлением. Для этого научный метод содержит в себе эксперимент, «допрос» Природы. Наука целенаправленно опровергает имеющийся опыт и создаёт принципиально новый. Снова и снова.

Проследив путь, по которому эволюционировала идеология Просвещения, заместившая Бога Природой и Разумом, мы увидим, как личностная ипостась Бога (у Природы явно отсутствующая) контрабандой возвращается сначала частично, через божественные функции просвещенческого Разума, а потом — и в полной мере, через обожествлённого Человека. Хорошо известного нам по коммунистической идеологии как «Человека с большой буквы» или по либеральной — как «Личности, творящей, что ей хочется».

Просвещение ещё не знало, что все «законы» относительны и будут проблематизированы.

Изгнание Бога из научной методологии и философии идеологией натурализма приводит к необходимости Его скрытого, нелегального присутствия в научном мышлении. Роль этого сакрального убежища долгое время играла математика, вовлечённая в научный метод до такой степени, что без неё он уже невозможен. Математика довольно долго обеспечивала «непосредственную данность» самодостаточного («божественного») существования идеальных объектов. Однако «неклассическая» ситуация в науке XX века, масштабный кризис математики и логики возвращают нас к вопросу о восстановлении необходимой полноты философского, методологического, теологического пространства. В котором только и возможно действительное понимание феномена научного мышления, его границ, перспектив дальнейшего развития, а также восстановление синтетической картины мира, фрагментированной натурализмом (Просвещением) с помощью энциклопедического знания.

В XIX и XX веках просвещенческий энтузиазм идеологов натурализма не только не иссяк, но, напротив, получил мощный допинг в виде социального прогрессизма, опирающегося на промышленную революцию, использующую научные результаты предыдущих столетий. В рамках идей социального прогресса Человек уже вполне осваивается в роли Бога.

Наукой уже в XIX веке обобщённо называли инженерное дело. А в это же время в самой науке в узком смысле довольно быстро выяснилось, что фундаментальные законы вовсе не окончательны, что новый опыт, создаваемый самой наукой, позволяет формулировать их совершенно иначе раз за разом, что научное знание исторично. Математика также лишилась своего сакрального значения. Выяснилось, что любое доказательство условно, следовательно, исторично. Выяснилось, что претендующие на объективность сущности типа натуральных чисел, множеств, геометрических фигур (начиная с точки) неочевидны, могут задаваться по-разному. Иными словами, объективность привносится в математику откуда-то извне. Течений и направлений в математике (как и в логике) вообще много, они сильно различаются и противоречат друг другу. И в каждой математике существуют утверждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Таким образом, самое время вспомнить, что объекты науки даны нам вовсе не естественным образом, а являются искусственными конструкциями (творениями) мышления, и человеку они даны через мышление. В этом отношении человек подобен Богу, создавшему мир, в точном соответствии с христианской теологией и верой.

А вот как мышление даётся человеку? Как он попадает в мышление, как подключается к нему? С теологической точки зрения — в результате откровения, через Историю. Человек должен «принять» мышление, соответствовать ему. Как минимум человек должен знать, что мышление и сознание ему не принадлежат, они даны ему в пользование. Что это мышление — как одна из ипостасей Бога — обращается к нему.

Наука Нового времени как историческая смена онтологических картин мира стала возможна именно благодаря метафизике единого Бога, открывающегося человеку. Это главный интеллектуальный шаг европейской

цивилизации после Древней Греции, и совершён он благодаря христианству. Европейская наука — один из путей Откровения, вызов человеку.

Западное христианство не смогло реализовать духовный «проект Университета» — выход духовной жизни в т.н. «тёмные века» из монастыря в мир, при котором теология является условием и источником развития философии и науки, и все они образуют синтез знания. Оно слишком завязло в социальной практике и не смогло адекватно отнестись к собственному детищу — Науке Нового времени. В результате такой продукт христианской теологии и философии, как наука Нового времени, оказался изолирован идеологией Просвещения от своего собственного источника и происхождения, лишён рефлексии. Утрата философских, теологических, методологических рамок науки была объявлена прогрессом, шагом вперёд. Интеллектуальная ситуация, созданная таким пониманием прогресса, уже в начале XX века осознавалась как кризисная, как «Закат Европы», то есть «Закат Запада».

Просвещение: от Человека к индивиду. Торжество светской веры

Идеология Просвещения совершает ещё одно искажение исходных постулатов европейской цивилизации. Изначально причастность к мышлению и идеальному не может быть гарантирована человеку. Это вопрос его судьбы.

Первым актом действительного мышления, благодаря которому человек включается в мышление, является понимание. Оно может и не состояться, не случиться, человек может «не сподобиться». Ведь понимание направлено не на вещь, не на сущее, не на знание, а на бытие, из которого всё появляется и куда всё исчезает. Понимание исторично, возникает благодаря участию в истории, её проживанию. Условия включения в мышление заданы культурой, нормами, они известны. Но чтобы воспользоваться ими, их нужно понять. А вот заставить понять, видимо, нельзя. Сначала человеком должна овладеть воля к пониманию, мышлению, существованию. В своих отношениях с Богом человек подлинно свободен.

Здесь пролегалает онтологический предел всякой власти, самодостаточности всякого социального единства, претендующего на поглощение человека. Подлинная вера в Бога лежит за пределами отношений власти. Ими пронизано общество, ибо оно само есть борьба за власть. Поскольку всякое государство должно стремиться к суверенитету, к полной юрисдикции над любыми отношениями власти, к заключению любой власти (и следовательно, общества) в себе, то вера в Бога — и только она — позволяет установить внешнее отношение к государству, дать ему назначение, создать государство как средство контроля над властью.

Однако можно подменить веру отношениями власти, которые будут веру имитировать. Достаточно исключить из веры Бога. Конечно, такая вера заведомо не может сформировать позицию и положительные требования по отношению к государству. Напротив, вера сама становится инструментом общества в борьбе за объявление государства элементом этого общества, в подчинении ему государства в качестве орудия власти.

Подменить веру властью можно, только навязав частное знание (а знание всегда частное) в качестве онтологии, всеобщего представления о существующем. Последнее, в свою очередь, требует корректировки меняющейся исторической действительности, её подгонки под заданную онтологию власти. Метод тут один: ограничение внимания к явлениям и уничтожение самих явлений, не укладывающихся в официальную картину.

Ортодоксальное христианство в этом пункте исходит из невозможности навязать веру, из веры как принципа свободы человека. В этом смысл сказанного: «Богу Богово, а кесарю — кесарево». Католицизм произвёл фундаментальное замещение веры властью — как внутри Церкви (Церковь только одна, подчиняется только папе, папа при жизни получает статус святого), так и вне её (католическая Церковь играет ведущую роль в установлении и обеспечении светской власти государей). Католический прозелитизм — движущий механизм в захвате Западом всей планеты, основа нового колониализма (если старым считать колониализм дохристианского Рима).

При всей ненависти к Церкви идеология Просвещения по методу стала прямым продолжением католического прозелитизма и миссионерства: уверовать должен буквально каждый, и это «возможно», поскольку верить теперь нужно в себя, в субъективность. Просвещение взяло на вооружение принцип Декарта «мыслю, следовательно, существую». Акт мысли полагается просветителями как самоочевидный, натурально данный. В то время как мышление совершенно не тождественно самоочевидной для индивида психике.

Мышление в этом отношении подобно такой инфраструктуре, как язык. Не человек говорит «языком», а язык «человеком» и «через человека». Каждый человек обнаруживает себя в контексте исходно заданного и исторически развернутого языка — он осваивает речь и вырабатывает собственный способ участия в языковой деятельности. Так и мышление существует как особая субстанция. И лишь будучи подключённым к этой субстанции, существует человек. Иными словами — чтобы существовать, надо как минимум мыслить. Декарт же полагал «я мыслю» за несомненную данность, из которой вытекает существование субъекта.

Можно сказать, что способом освоения человеком мышления по аналогии с речью является ум, интеллект. Носящие, как и речь, внешний, объективный, орудийный характер, они есть средство участия человека в мышлении. Ум — не психика и не сознание в современном вульгарно-материалистическом понимании. Ум сопричастен бессмертному существованию души. Из чего состоит ум? Мы уже постулировали, что для акта мышления нужен как минимум акт понимания, который сам по себе — событие историческое, судьбоносное. Однако нужна ещё проверка: мышление ли это? Понимание ли это? Что, собственно, понято? Таким образом, вслед за актом понимания для включения в мышление необходим ещё и акт рефлексии: нужно установить, имело ли место понимание и на что именно оно было направлено.

Уже здесь идеальное существование человека принципиально расходится с натуралистическим пониманием существования индивида. Индивид в переводе с латыни означает «неделимый». То есть его существование

постулируется материалистически — как мы его видим. Человек же (в отличие от индивида) существует в мышлении множественным образом (т.е. идеально делимым образом). Уже на самом первом отрезке вхождения в мышление он расщепляется как минимум на две позиции — понимания и рефлексии. Необходимость связи этих позиций рождает другие интеллектуальные функции, такие как мысль — коммуникация, мышление в конструкциях знаков и символов, мыследействие.

В конечном счёте индивид в обеспечение своей неделимости отделён не только от других индивидов, но и от бытия, от мышления. Он сам бытийствует, сам мыслит: сначала «себя», потом «объект».

Человек же в отличие от индивида, наоборот, включён в бытие и мышление — или точнее, бытием и мышлением включён в них. Его корни в мышлении прорастают всё глубже во всех направлениях исторического времени. Множественность позиций человека в мышлении позволяет встречаться в мышлении большим распределённым в пространстве и времени коллективам людей — таким образом, мышление становится общим делом человеческого рода, историей. Однако если не было понимания, т.е. в родовом смысле слова откровения, полагания существования — ничего этого не было бы.

Чтобы обеспечить каждому индивиду способность мыслить, т.е. существовать в качестве обязанности, картезианские идеологи полагают мышление за натурально данный признак также натурально данного индивида, т.е. за род сознания, психики. Это, конечно, подмена предмета. Она обеспечена фрагментарным энциклопедическим знанием «обо всём», которое заменяет в этом случае действительность мышления. В принципе, такая конструкция реализует католическое требование каждому уверовать в Бога, даже если этот каждый с Ним и не встречался (не понимает), но существование которого гарантирует Святой Престол.

Так родилась собственно светская вера, кризис которой мы наблюдаем сегодня как кризис веры не только в коммунизм, но и в либерализм и демократию вместе взятые.

Именно благодаря властному навязыванию веры западное католическое христианство претендовало на непосредственное осуществление светской власти Церковью (и осуществляло её), что привело к вырождению духовного поиска (откровения) в идеологическую работу, к идеологическому охранению собственной власти и репрессиям на идеологической основе (инквизиция и охота на ведьм). Идеология Бога, пропаганда Бога приводит к его вульгаризации, материализации, натурализации, к требованию непосредственно усматривать его проявления в вещах (явлениях, событиях). Это путь назад, к язычеству. Бог находится не «по ту сторону» материального, поскольку там вообще ничего нет (в том числе и «Природы»). Бог находится по эту сторону идеального, как его творец и гарант его существования, как личность.

Православие — точка отсчёта для «перезагрузки» христианской веры и продолжения прерванного пути. Сегодня, когда необходим рывок в развитии гуманитарных, а не точных знаний (не физики в широком смысле слова), это может быть очень продуктивным. Русские гуманитарные дисциплины должны быть средством выражения и развития русской души,

рождением которой во многом мы обязаны православной церкви Киевской Руси. Начала православной философии есть в нашей культуре.

«Западники» и «славянофилы»: бессмысленный спор

Россию некорректно рассматривать в ряду стран так называемого Востока.

Спор с Западом для нас имеет другой смысл и другие геополитические параметры, нежели для стран настоящего Востока — Китая, Ирана, Ирака, Индии, Японии. Наша рецепция оснований европейской (средиземноморской, средиземно-балто-черноморской) цивилизации полна и окончательна. Мы проросли из этого корня и, хотим мы того или нет, мы такие же европейцы, как и все остальные, — то есть обречены бороться со всеми прочими европейцами (как и они друг с другом) за первенство и наследство. Это один из определяющих кодов нашей цивилизации.

Глупо — как это делают западники, а также их современные наследники, неоллибералы всех мастей — призывать к слиянию с культурно и географически определённым Западом, к заимствованию чужих национальных социальных институтов или тем более виртуальных «европейских стандартов». Разве сам Запад однороден? Разве слились Франция и Германия? Или США и Япония? Англия и Италия? Мы обязаны отстаивать собственную идентичность и версию развития цивилизации, если не хотим исторической смерти.

Так же недальновидно игнорировать тот факт — как это делают славянофилы и их современные последователи «евразийцы», — что мы, приняв тысячу лет назад проект европейского цивилизационного устройства жизни, при всех наших культурных отличиях от различных других географических европейцев не имеем никакой другой исторической программы самоопределения и деятельности, кроме как европейской. Отказавшись от неё, мы просто исчезнем.

Лишь вульгарному материализму участников с обеих сторон мы обязаны продолжением спора «западников» и «славянофилов» по сей день, попыткам свести характеристики цивилизации к её материальному, географическому, экономическому измерению. Противоречия между различными носителями средиземноморского цивилизационного проекта заключены уже в самом этом проекте. Если бы их не было — не было бы и Истории.

Нам же просто придётся приспособить, обтесать или выгодно использовать свои (действительно существующие) материальные особенности в рамках функциональных нагрузок европейского проекта.

Западники не понимают, что отличия от западной версии цивилизации действительно существуют, но определяются отнюдь не «материалом» людей и культуры, а множественностью решений европейской системы уравнений. Они не понимают, что мы реализуем другой идеальный вариант развёртывания европейской ойкумены, который, может быть, и является основным, а не «отклоняющимся» (если не считать эти варианты равноправными). Западники думают, что став «европейцами», мы тут же будем приняты в «семью» европейских народов, будем «дружить» с ними. Хотя с точки зрения самого Запада никакой семьи европейских народов нет, т.е. гармонии просто не может быть. Никто не воевал друг с другом и

не истреблял друг друга беспощаднее, нежели европейцы. И ответом на этот многовековой опыт взаимного истребления европейцев является ещё один многовековой сценарий — возрождение в Европе имперского порядка. Правда, теперь под «зонтиком» США: после Второй мировой войны — это уже история американской империи.

И здесь мы подходим к другой ошибке, которую делают западники современные: европейцем можно быть при слабом государстве или вообще без такового. Это уже не заблуждение, это ложь.

Существование, действие и выживание в европейской истории возможно только через собственное сильное государство. Личность и человек не существуют иным образом в истории. Те государства в мире, которые осуществляют рецепцию европейских достижений сегодня, делают это исключительно с целью собственного усиления (как Пётр I).

Сама экспансивная природа европейского государства (и цивилизации) как проекта приводит к принципиальному соперничеству государств, к их борьбе за выживание, к потенциальному стремлению, в том числе стать единственным государством на континенте. Истории неизвестно ни одно государство европейского типа (да и не только европейского), которое бы ставило своей целью выживание другого государства как таковое. Отказ от этого принципа приводит к удалению из истории, прекращению исторического бытия, цивилизационной смерти отдельных людей и целых народов. Может, кто-то и будет этим высокоразвитым европейцем, но уже не мы, отказавшиеся от своей страны и истории.

Очень хорошо это понимали англичане и другие европейцы, заселившие Северную и Южную Америки. Создав минимальное хозяйство и население, они решительно отделялись от материнских империй с помощью оружия, пропаганды и собственного государственного проекта. Им нужны были свои страны — при всём культурном родстве с породившими их государствами.

Попытки осовременить сегодня спор «западников» и «славянофилов» нелепы вдвойне по следующей причине.

Очевидно, что мы, реализуя свой цивилизационный проект, сумели раньше других европейцев обнаружить ключевую проблему новейшей европейской истории. Мы гораздо раньше наших соперников пережили религиозный кризис доминирующей христианской веры, причём в самой острой форме. Мы на собственном опыте познали, что такое полная и окончательная замена веры в Бога верой в ту или иную социальную конструкцию, что такое отказ от критического мышления, отказ от постоянного проектирования и перепроектирования систем организации жизни и деятельности. Мы уже знаем, что такой отказ приводит, в свою очередь, к быстрому вырождению человека, государства и общества, к поражению в борьбе за историческое существование. У нас есть опыт исторического летального исхода — смерть СССР. Следование этому сценарию будет означать и смерть России.

У американцев есть поговорка: ты умри сегодня, а я завтра. По сути, Запад — и в первую очередь США — играют именно в эту игру. Они пытаются максимально оттянуть свою кончину, избежать того, что однажды довелось пережить нам. Соответственно, у нас больше шансов раньше за-

падных европейцев вернуться на путь Откровения (понимания и мышления), на путь раскрытия Божьего замысла о мире и сотворения мира, то есть вернуться в Историю.

Глава 2. Наша история

У

изначального европейского принципа мышления и самоопределения нет материальных пределов. Путь к Богу не имеет конца. Но все наши мысли и действия, все государства, все вещи, все жизни, все смыслы, все знания и представления, все ценности имеют и начало, и конец. Они (и мы) должны рождаться (происходить) и умирать (разрушаться).

Это и есть история. Она освещена внутренним светом нашего понимания себя, мира, Бога. История состоит не из вещей, а из событий, т.е. из изменений самого существования, из проявлений воли и представлений, из того, что имеет смысл и значение. Историю нельзя разделить на части, как вещь. И нет смысла говорить об истории вещи. История, как и Бог, одна — в качестве принципа и рамки самоопределения, мышления, воли.

«Своя» история, история человека — это его участие в единой истории культуры, мышления, цивилизации, это его связи с последними и их изменение, это то, как он видит и понимает историю в целом, понимая и определяя самого себя. Глупо думать об истории России, истории русской цивилизации (то есть истории русских европейцев), как о том, что происходило на её территории, да ещё и в сегодняшних границах. Да ведь и границы менялись. Польша длительное (историческое) время входила в состав Российского государства. Является ли её история частью истории России? Такое направление мысли бесперспективно, да и поляки обидятся. История России (или история для России) — это история всего, что составляет Россию, всего, что определяет её прошлое, настоящее и будущее, всех влияний и вкладов мира в Россию, и всех влияний и вкладов России в мир.

Попросту история России — это мировая история, приводящая к России и освоенная (присвоенная) Россией. История России — это сфокусированная в России История мира. Такой истории России у нас пока не написано.

Мы, например, не понимаем (и просто не знаем) исторического процесса возвышения и тысячелетнего существования Византии (то есть христианской Римской империи, Восточной Римской империи) как прототипа и источника нашей собственной культуры и государственности, в свою очередь, принявшего историческую эстафету непосредственно у Великого Рима.

Мы не интересуемся источниками своей революции. Мы не понимаем, что это был экспорт в Россию английской революции (через Францию). У нас нет представлений о заложенных в неё (революцию) средств управле-

XII ВЕК. КНЯЗЬ СУЗДАЛЬСКИЙ ВЫСТУПАЕТ
СО СВОИМ ВОЙСКОМ ПРОТИВ НОВГОРОДА.

GETTY IMAGES/ФОТОВАНК

ния миром в целом и нами в частности, не говоря уже о самих механизмах, средствах и участниках экспорта.

Мы не понимаем специфически немецких источников нашего права и нашего социализма как оппозиции английской линии либерализма и индивидуализма (а также английскому праву) в рамках светской веры. Мы склонны думать, что права у нас нет, и необходимо нам какое-то «европейское право» вообще.

Мы не отдаём себе отчёта в том, что эти линии мысли (немецкого идеализма и английского сенсуализма) не просто «теории философов» из «истории философии», а практические, конкурентные стратегии исторической борьбы. За ними стоят, с одной стороны, линии Аристотеля и Платона в понимании человека — как политического животного и как существа, причастного миру идей соответственно (предпосылка христианской революции). С другой стороны, из английской и немецкой философий вытекают исторические практики борьбы. Для Англии — за выживание острова — с

неизбежной претензией на захват внешних ресурсов и контроль заморских территорий. Для Германии — борьбы за предельно рациональное, системное использование ограниченного ресурса при отсутствии «жизненного пространства».

Глядя на проблему шире, стоит заметить, что ничего нельзя понять в истории России в рамках исторической схемы «Античность — Средние века — Ренессанс — Новое время — Просвещение — Новейшее время». Абсурдность этой схемы и во временном, и в пространственном измерениях ясно показал Шпенглер в «Закате Европы». От себя добавим лишь, что в современном сознании эта схема призвана обосновывать «неизбежное» избавление от веры в Бога, прежде всего, от христианства, светскую веру в прогресс и другие современные светские религии, включая т.н. экологию, а также мировую гегемонию Запада.

Идея истории

Вместе с проектом государства-цивилизации греко-римский этап развития человечества инициировал собственно Историю как процесс становления европейской цивилизации, приключения идей, мышления, абсолютного духа в материальном пространстве собственных реализаций.

У Древнего Египта, Вавилона и других цивилизаций Истории в этом смысле, видимо, не было. Было скорее повторение и воспроизводство одного и того же. Эти цивилизации жили в Вечности, в космическом цикле смены суток, сезонов, лет и даже эпох, на пути из этого мира в загробный, но не во Времени, имеющем направление (как у греков и римлян), начало и конец (это уже для христиан).

Время даёт цель и смысл жизни отдельным поколениям и даже отдельным людям, Время делает актуальным настоящее, а через него — и прошлое с будущим. Для европейца история — это актуальное пространство существования его целей и действий как идеальных сущностей, смысла его жизни и деятельности. Если благодаря Времени мы можем впервые заметить происходящие изменения, соотнести их со своими усилиями, следовательно, впервые можем, собственно, действовать.

Человеческое действие — основное содержание Истории. Это не значит, что мы говорим о субъекте. Напротив, человек находит себя в Истории, поскольку История — это место и время, где к человеку обращается Бог, истина, сущность Бытия. Именно в Истории Бог, истина, сущность Бытия замечают человека, открываются ему. Если человек находит своё время и место, история раскрывается как должное: что нужно сделать, чтобы быть человеком.

История, даже если мы ещё не знаем её (т.е. не имеем исторической рефлексии — не путать с историографией, со «сказками», которые презирал Декарт), уже дана нам как обстоятельства нашего действия и условия нашего собственного существования. Но это не исключительно и не в первую очередь материальная данность как таковая. История не просто «свёрнута» в вещи, в материальное наличное прошлое. Если бы было достаточно самих вещей, не было бы и действия, истории. Однако вещи меняются, создаются, разрушаются, и источник этих изменений — вне материального, не внутри него.

История — не «результаты» изменения вещей, не временные «срезы» их «состояний».

История — внутренняя жизнь самого источника изменения, действия, его оснований.

История — это сила, смысл, назначение событий, обнаруживаемых в действии, в том числе вещных обстоятельств. События — это развитие действия, то, что меняет его обстоятельства, его цели и нас самих как его агентов.

История — это максимально возможное для человечества действительное включение в процессы мышления, в идеальный мир.

История — это объемлющая рамка (контекст) по отношению к другим способам включения в мышление, таким как культура и язык.

История — один из каналов Откровения, носящий всеобщий характер, адресованный ко всем людям во Времени и пространстве, во всех обстоятельствах.

История — способ человека мыслящего (включившегося в мышление) вырваться за пределы пространственно-временной редукции собственного сущего, на которую он, казалось бы, обречён. Причём, как выражался Маркс, способ «вполне посюсторонний». Культурное и языковое творчество само по себе теряет свой смысл и функции, если не является историчным.

В историческом должном лежит понимание того, что нам дано историей как «наше время», или «современность». Причём дано не как неодушевлённый, косный, мёртвый, вульгарно-материальный набор «ограничителей» или «ресурсов». Исторические обстоятельства следует понимать как разумные, одушевлённые, действующие существа. Типы этих существ весьма и весьма разнообразны. Это всегда люди, а также народы, государства, культуры, организации, языки. Такова, наконец, сама деятельность человека, как родового существа.

Понимая это, правильнее будет сказать: не «что дано», а «кто дан». Разумеется, есть и исторически сложившиеся материальные ограничения,

справка

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

Немецкий философ-экзистенциалист, оказавший огромное влияние на немецкую и общемировую философию XX века. Создал учение о Бытии как об основополагающей и неопределимой, но всем причастной стихии мироздания. Одна из его фундаментальных работ «Бытие и время» (1927). Согласно Хайдеггеру, подлинное понимание должно начинаться с наиболее фундаментальных уровней исторического, практического и эмоционального существования человека — тех уровней, которые поначалу могут и не осознаваться и которые, возможно, влияют на деятельность самого разума. Он подверг критике абстрактно-теоретические представления о «разуме», характерные для классической традиции европейского Просвещения.

они же возможности. Но они — как и в любом невульгарном материализме — должны пониматься как предел и актуальная граница мыслимости (умопостижимости), как то, что принципиально вторично, что не имеет собственной сущности, а проявляется по отношению к совершенному идеальному полаганию. Такое материальное, определяемое всегда относительно мышления и деятельности, не первично. По мере развития мышления материал исчезает и появляется «в то же мгновение» заново при смене типа мышления. Собственной преемственности, длительности существования, т.е. истории, у материала нет.

История — это вызов пониманию. Историю, а значит, и собственную судьбу, собственное должное, нельзя понять без философского или теологического размышления. Без обнаружения бытия. История имеет смысл только как целое, как вся история. Только так её и можно понять.

Посылы Бытия

Развитая политическая нация — то есть народ, доказавший способность к историческому выживанию путём создания и развития одного или нескольких государств, — не может не стремиться к метафизическому прояснению собственного существования, к прояснению бытия как такового. История и есть проживание, испытание посылов к судьбе, к существованию, к бытию.

Здесь мы смело можем следовать главному метафизику и, можно сказать, методологу метафизики — **Мартину Хайдеггеру**. Европейская история — то есть собственно история, никакой другой нет, — есть история истины, история изменения истины. Мы могли бы даже сказать — судьба истины. Мы, русские, втянуты в эту историю, мы её неотъемлемый орган.

Если мы хотим обрести себя — а значит, избавиться от обмана, — мы должны вспомнить всю эту историю: то есть нашу историю целого и в целом, понять свою связь с каждым элементом истории, с каждым судьбоносным посылом. Это исполнимо, поскольку как раз история ничего не скрывает. Наоборот, она сама есть процесс раскрытия сущности бытия, то есть истины. Поэтому история может и должна быть источником понимания.

Мы — орган европейской истории, европейской цивилизации, её фокусировка, носитель, один из посылов и так далее. Поиски себя за пределами этой целостности — как в пространстве, так и во времени — пустое занятие, которое не прибавит нам ни ума, ни силы, не обеспечит будущее. Это обман. И дело вовсе не в комплексе неполноценности (или борьбе с ним) — что, мол, мы европейцы не хуже других европейцев. А нам говорят, что «хуже», что именно «недоевропейцы».

Это не предмет для спора. Не следует доказывать очевидное. Это провокация — одна из тех, что поддерживает обман. И это попытка отнять у нас главный ресурс существования и развития — собственно историю. «Вы не отсюда — и это не ваше». Мы это уже слышали от Гитлера. И от Наполеона. Так что перед этими нациями, как верно сказал президент Путин, у нас нет комплекса неполноценности. Как и перед другими континентальными гостями. Теперь они все наши партнёры по истории. Скажем честно: име-

ется кое-какой пиетет перед англосаксами. Мы их в войне не побеждали (да и войны как таковой в современном понимании не было — Крымская не в счёт), по их территории не прошли. Однако и побеждены не были — поддаться обману ещё не значит проиграть в смертельной схватке (в этом смысле не было никакого «поражения в холодной войне»). Они от нас всегда ускользали, всегда прятались за чужими спинами. Их истинное лицо ещё нам не открылось. Потому быть нам партнёрами по истории они пока не могут. И возможно, уже не смогут.

Так что русское самоопределение осмысленно только как европейское, только как европейцы мы можем занять изначально судьбоносную позицию, после чего выявится наша европейская уже специфика — возможно, весьма конфликтная и неудобная другим европейским же партнёрам.

Вся целостность европейской истории обозрима. Общих посылов европейской цивилизации не так уж много. И ко всем мы так или иначе подключены.

Вот основные послы нашего собственно европейского исторического бытия:

— иудейское знание о Всевышнем, едином и невидимом Боге, доступное непосредственно только через племенную принадлежность еврейскому народу;

— греческое мышление, открывающее истину и освобождающее человека в его сущности от семьи, рода, племени;

— римская власть, основанная на военной силе, политике и манипулировании народами, ведущая к собственному самовозрастанию;

— вера Христу, открывшая путь к Богу и истине для каждого.

Это всё. Остальное — империи, науки, экономики, революции — явления соединения и перерождения изначальных элементов.

Наше происхождение

Родиной нашей культуры являются Спарта, Афины, Рим, Иерусалим и Константинополь. Термином «европейская» в отношении нашей цивилизации мы будем пользоваться в силу сложившейся традиции. Правильнее было бы говорить о «средиземноморской» цивилизации.

США, Латинская Америка, Канада, Австралия, Новая Зеландия — всё это «выплески» европейской цивилизации за пределы «материнской», средиземноморской Европы. Такой же выплеск и зона ислама, точно также являющаяся версией, ветвью единого европейского (средиземноморского) цивилизационного корня. К нашей цивилизации следует относить и Турцию, наследницу Османской империи, и арабский Ближний Восток. Русские (народы Российской империи и русской культуры) — также европейцы по цивилизационному происхождению.

У всех перечисленных ветвей общая Святая Земля (от Иудеи до Мекки) и общий исходный планетарный регион самоутверждения — Средиземное море, а также близкие ему моря — Балтийское и Чёрное. «Морской» характер цивилизационного корня определил впоследствии и дальние морские (океанские) сообщения, само появление «выплесков». России пришлось догонять других европейцев в морском развитии, завоёвывать выходы к

морям. Трудности этого процесса дали России толчок к сухопутной экспансии, создавшей самую большую страну мира.

Борьба между ветвями европейской цивилизации (католиками и протестантами, коммунистами и либералами, христианством и исламом, между их государствами и империями) порождена именно их цивилизационным родством, близостью, а не различием. Именно друг в друге видят они достаточно сильного и опасного противника, имеющего сходные интересы и претендующего на те же ресурсы, а потому подлежащего покорению (или уничтожению) в первую очередь. Такое соперничество — генетическая черта самой европейской цивилизации, важнейший механизм её ускоренной эволюции, т.е. развития.

Борьба — действие, ведущее к мышлению. Борьба востребует мышление, направленное на реорганизацию и модернизацию имеющихся форм деятельности. Война развивает. Война оформляет и разделяет государства, но и создаёт общие интересы. Достаточно вспомнить хитроумного Одиссея, изобретающего всё новые способы и приёмы борьбы с превосходящим по силе противником, ищущего выходы из безвыходных ситуаций.

Мыслить то, чего ещё нет, мыслить то, что ещё только может быть создано или организовано, наличное же мыслить как доступное для изменений — эта установка и есть родовой код европейской цивилизации.

Платон две с половиной тысячи лет назад различил и разделил мир вещей и мир идей. Собственно, с момента этого различения и целенаправленного культивирования мира идей и начинается история. Именно в этот момент средиземноморская цивилизация принципиально разрывает с судьбой традиционных древних социумов. Теперь вся совокупность образцов жизни и деятельности, по которым воспроизводится тело социума, у европейцев находится, прежде всего, в «идеальном», в форме идей, а не только в виде материальных организованностей, подверженных распаду, неконтролируемым изменениям и т.п. Согласно Платону, подлинное существование есть только в мире идей. Вечное существование возможно лишь в мире идей в отличие от человеческого исторического мира, где у всего есть начало и конец.

У европейской средиземноморской цивилизации принципиально иной механизм воспроизводства, нежели у традиционного социума. Идеальные образцы жизни и деятельности противопоставлены людям внешним образом. По этим образцам осуществляется воспроизводство социальной системы, а не через материальную преемственность поколений. Таким образом, сложная социальная организация и вся совокупность деятельности на новом месте (новом материале) может быть воспроизведена «с нуля». Более того, в процессе этого воспроизводства могут корректироваться «чертежи» и реализоваться модернизированная версия социума.

Это обстоятельство вместе с внутренней конкуренцией-борьбой-войной предопределило экспансионистский характер европейской цивилизации, а также её способность восставать из пепла кризисов и разрушений. Там, где традиционные общества гибнут безвозвратно, европейская цивилизация воспроизводится, должным образом изменяясь сама и меняя материал.

Традиционные социумы также становятся материалом для нашей цивилизации и захватываются ею в более или менее конфликтном режиме.

Поэтому европейская цивилизация захватила и взяла под свой контроль другие цивилизации на планете, имевшие другое устройство, другой родовой корень, другую священную землю (Гималаи). Индия, Китай, Япония, Юго-Восточная Азия, Африка (кроме Северной) не являются изначально частями, ветвями или выплесками европейской цивилизации. Тем более не являлись таковыми уничтоженные европейцами индейские цивилизации Северной и Южной Америки.

Сегодня (начиная с XIX века) не-европейские цивилизации последовательно сами осуществляют рецепцию европейских цивилизационных конструкций. Это последняя стадия подчинения их европейскому порядку. Китай начал с коммунизма, Индия — с аналога американской демократии, Япония — с империализма европейского типа. При этом все они в материале всё ещё остаются традиционными социумами (цивилизациями). Поэтому их историю, проблемы и противоречия развития нужно рассматривать особо. Здесь важно, что ни западное распространённое обобщение этих стран с Россией как «Востока», ни проведение любых аналогий между Россией и этими странами как «восточными» или «традиционными», «архаичными» совершенно неправильно.

То же самое можно сказать о наших цивилизационных «братьях» — исламских арабах, о Турции и ряде других стран, которые по происхождению, как и Россия, относятся к европейскому (средиземноморскому) родовому цивилизационному корню. Их точно так же нелепо рассматривать ни как традиционный социум, ни как планетарный «Восток» (Индия, Китай, Япония, Юго-Восточная Азия).

Их вера (в основном ислам) берёт начало из того же корня, что и христианская, она лишь не стала доминантной в смысле европейского экспансионизма. Может быть, пока не стала. Мы связываем этот факт с отсутствием в этой вере явления Бога в образе человека, человек не имеет здесь своей, признаваемой Богом воли, нет идеи прощения человека Богом. Аллах — это во многом вернувшийся грозный Всевышний иудеев, устанавливающий людям правила и законы, не слишком интересующийся отдельной личностью, а тем более — каждой личностью, сообщаящий нечто людям лишь по своему усмотрению, Бог Ветхого Завета. В этой вере меньше человеческого измерения. Это до известной степени контрвариация, шаг назад. Зато эта вера, по существу, не знает ереси человекобожия, светской веры в Человека как в Бога, ставшей главным кризисом христианства, причиной его возможного падения, основой как либеральной, так и коммунистической идеологии.

Россия — это Восток европейской цивилизации, прямое историческое продолжение Восточной Римской империи, образовавшейся после раскола Великого Рима. Никакого различия в цивилизационном происхождении между Россией и, например, Грецией просто нет. Различие — в масштабах сохранённого наследия. В России он несопоставимо больше. Россия защищалась и не была завоевана. В этой связи становится понятной особая заинтересованность России в твёрдых позициях на Балканах.

Одним из главных объектов критики советской историографии была идея «Москва — третий Рим» (и в этом советская наука была преданным союзником историографии западной). Критиковалась в основном претен-

зия на якобы ничем не обеспеченное величие. Якобы далеко и Москве, и России до двух величайших в европейской истории империй.

Дело, однако, в другом. Москва — не третий Рим, а второй Константинополь. Таково наше действительное происхождение. Определяя и признавая свой генезис, мы активируем программный, генетический, а точнее, культурно-исторический код, который заложен в фундамент нашего исторического существования.

Эта идея невероятно важна и самодостаточна. Не имея ответа на вопросы «Кто мы? Откуда?» нельзя ответить правильно и на вопрос «Куда мы идём?»

Основания европейского проекта

Собственно, цивилизация как европейское понятие — это искусство жить в городе, т.е. в точке концентрации всех процессов, определяющих собственно человеческое бытие. Этим точным термином мы обязаны римлянам, а самим городом — грекам.

Античный полис — это больше, чем государство или общество. Это, собственно, и есть отклик человека на призыв бытия к расширению его сущности. Деревня — всегда внутренний, встроенный, подчинённый элемент европейской (средиземноморской) цивилизации, который наша культура всегда эксплуатирует и по необходимости организует. Можно представить себе аграрные цивилизации, в которых власть организует жизнь и деятельность в основном крестьян, будь то Китай или Египет. Но и там власть и государство для своего утверждения нуждаются в защищённом городе, нуждаются в цивилизационной основе. Китайская деревня также цивилизационно несамодостаточна. Была, пожалуй, только одна цивилизация, противопоставляющая себя городам, где силовой фактор закреплён не в городе (и даже не в замке), — кочевников Чигисхана, но экспансия монгольской империи была столь стремительной, что её хватило лишь на пару столетий.

Европейская цивилизация — это, прежде всего, европейский город. Черты греческого (римского) города по сей день проступают в облике любого полноценного европейского города: храмы, административные здания, площади, стадионы, цирки, каменные дома. Города переживают захватившие их государства.

Основателями европейской цивилизации являются греки. Они сделали общедоступной культуру города, культуру искусственного происхождения всего, культуру, имеющую авторов и конкретное место, время и обстоятельства создания каждого элемента, культуру человека, которому открывается истина. Которую мы и определяем как культуру мышления. Греческая программа мышления является также и программой учреждения соответствующей этому мышлению социальной организации.

Собственно, проект европейской цивилизации подытожил и внятно сформулировал Платон. Проект этот строится на противопоставлении мира идеального (мира идей), того, что существует вечно и независимо от жизни людей, и мира материального — мира человеческой повседневности и вещей, т.е. мира временного и преходящего во всех своих прояв-

лениях. Платон утвердил принцип устройства человеческого мира вещей по образу и подобию, в соответствии с устройством мира идеального и его «жителей» — идей. При этом мир идей имеет приоритет, он первичен по отношению к миру вещей. Подобие является односторонним принципом. Вещи подобны идеям, но не наоборот. Мир идей содержит идеи и отношения между ними, которые не подобны никаким вещам. Нельзя «прийти» к идеям, «идя» от вещей. Идеи можно лишь «вспомнить». А вот прийти от идей к вещам и можно, и нужно. Этот путь и есть собственно История.

Основной единицей соответствия человеческого мира миру идеальному (а значит, и единицей цивилизации), по Платону, является государство. Государство — своего рода клетка цивилизации. Основными отличиями проекта цивилизации, т.е. государства, по Платону, от существовавших великих цивилизаций Египта, Вавилона и других традиционных обществ стали:

— возможность освоения человеком идеального пусть и относительная, но способная к продолжающемуся развитию. Платон обосновал реальность участия человека в мышлении, т.е. самое существование мышления как человеческого;

— принцип наложения проекции идеального на материал даёт свободу относительно природы материала, из которого создаётся государство. Платоновское государство, а значит, и европейская цивилизация, может быть реализовано в принципе на материале любого или нескольких любых этносов, традиционных обществ. Разница будет лишь технической. Такое государство не зависит от традиций и сакрального в них, от рода как такового, т.к. в основе лежит доступное любому человеку, а не только определённой касте, жрецам идеальное, мир идей. Присоединяясь к вере греков, человек покидает род как единственное и главное основание своего бытия. Это не значит, конечно, что родовая организация общества исчезает. Но она становится материалом, который начинает жить по законам другой системы, в которую он включён. Собственно, греческие, а впоследствии и римские боги были обречены уже в этот момент.

Осуществлённая самим Платоном попытка опробовать проект на конкретном греческом городе-государстве не имеет исторического значения перед лицом той тотальной реализации проекта, которая последовала после. Европейское государство-цивилизация универсально и независимо от материала реализации (материал зависим от него) и поэтому абсолютно экспансивно. Вместе с проектом государства-цивилизации возникло и представление о возможности экспансии одного государства-цивилизации на весь географический мир, создание ойкумены, империи. С этой версией проекта Аристотель отправил Александра Македонского в первый поход, а римляне доказали принципиальную жизнеспособность и историческую реализуемость такого проекта.

С тех пор идея мирового господства одного государства, борьбы государств за это господство, является ведущей в европейском цивилизационном развитии. И сегодня европейцы от неё не отступились. Отказ от этой идеи означал бы отречение от самих основ европейской цивилизации.

Потому наличие своего государства, своей страны — единственный способ жить и быть, т.к. европейская цивилизация в силу своего устройства основана на внутренней борьбе и внешней экспансии. Отказ от своей страны означает, в принципе, отказ от дальнейшего существования в качестве носителя цивилизации такого типа.

Принцип исторического синтеза

История России есть история европейской (средиземноморской) цивилизации, её восточной самодостаточной ветви. Но никак не какой-то части европейской цивилизации и никак не того, что ей противостоит. Это значит, что история России — это и история Европы, понятая как своя собственная, а также — и мировая история, понимаемая как развитие и распространение европейской цивилизации.

История России — это история всех народов (в общем-то одного русского сверхнарода), вместе создавших и Киевскую Русь, и Российскую империю, и Советский Союз, вместе раздвигавших границы европейской цивилизации. Мы обладаем наследием Крещения Руси, православным христианством, а также уникальным историческим и культурным опытом общей государственной жизни в течение более 500 лет на одной территории, опытом солидарного общежития православных христиан и мусульман. По праву прямых наследников нам всем и каждому из нас принадлежит вся наша европейская история, всё достояние европейской культуры.

Русские (все русские по государственной культуре народы) «генетически», культурно и социально совместимы с западной ветвью европейской цивилизации. Поэтому возможны переносы и обмен элементами между ветвями. Поэтому возможны взаимная «любовь», «ненависть», «ревность», «зависть» и т.п. Но и радикальные отличия вплоть до противопоставления (и невозможности определённых «переносов») понять нельзя, не разобравшись в истории развития общего корня.

В постижении особенностей своего исторического пути нам не поможет вульгарно-материалистическое славянофильство — что у нас якобы «всё своё», «традиционное», иное, изначально и всегда происходящее в ином месте и в иное время. Так может быть у Китая или Индии (но и у них не до конца так), или у Бутана и Непала, но точно не у России.

Так же бессмысленна «теория» двух идентичностей русских — «западной» и «восточной» («азиатской») — предлагаемая западными идеологами для надления нашего сознания шизофренией и создания почвы для гражданской войны. История России должна мыслиться и делаться как история европейской цивилизации, как «фокусировка» общего средиземноморского исторического процесса.

Россия — один из героев общеевропейской цивилизационной драмы. По отношению к ней применим принцип греческого театра — единство времени, места и действия. В этом плане греческая трагедия — предшественник христианского историзма, для которого в качестве обречённого на гибель героя выступает человечество, а в качестве единого места и времени — собственно история человечества, имеющая начало и конец. Хри-

стианский апокалипсис (окончательное откровение, открытие всех тайн) — интеллектуально позитивный, развитый род катарсиса. Можно сказать и по-другому: историческое знание приобретает смысл лишь при актуальном синтезе в понимании, в отличие от естественно-научного знания, синтез которого может быть «отложен» и вынесен в более общее философско-методологическое и теологическое пространство, в развитие предмета, а смысл может быть и вовсе не востребован.

Из сказанного вытекает важное методологическое следствие. Чтобы понять историю России, нужно из позиции этой истории промыслить и общую европейскую, мировую историю, и историю западной ветви европейской цивилизации, с тем чтобы понять их как свои собственные. Одну — как тождество, другую — как отличие, но не внешнее, необъяснимое, неумопостижимое, а внутреннее, рождённое собственными механизмами развития. Легко догадаться, что такая картина исторического процесса будет сильно отличаться от картины, представляемой на Западе. Западную историю придётся освободить от западной же идеологии, т.к. нет более эффективного носителя идеологии, чем исторические представления и знания.

Первое, что мы должны сделать как для целей исторического синтеза, так и для деидеологизации западного историзма, — отказаться от идеи интеллектуального, культурного и цивилизационного превосходства Запада. Идеи столь естественной и для западников, которые высказывают её открыто, и для славянофилов, которые скрывают её за ширмой нашего «особого пути», замкнутости, несравнимости с Западом. Идея превосходства как идея истории основана на нашем «отставании» от западной ветви.

Да, мы более поздняя и потому во многом более, а не менее исторически развитая ветвь европейской цивилизации. Мы на многие современные события западной ветви смотрим из будущего, многое из западного исторического будущего для нас уже в прошлом. Произрастая из единого цивилизационного корня, мы находимся в постоянном и двустороннем (а вовсе не одностороннем — только от «них» к «нам») обмене культурными и цивилизационными результатами исторического творчества, в процессах обоюдного и взаимного влияния. Наши мышление, деятельность и культура принципиально «генетически совместимы». Поэтому никакое достижение «у них», как и «у нас», не может являться решающим преимуществом ни для кого в историческом состязании.

Нам нужно отказаться от идеи «исторического мира и полного объединения с Западом» как от вредной и исторически неперспективной утопии. Эта утопия разрушила наше государство в 1985–1991 годах. Это ни в коем случае не означает подготовки «превентивной» войны (такого в нашей истории вообще не было) или отказа от военных, экономических и политических совместных действий. Напротив, базируясь на собственном суверенитете, а далее и общем «Восточно-европейском проекте», мы можем такие действия совершать, а при определённых условиях и навязывать. Например, «Европу от Атлантики до Тихого океана». Разумеется, такой план подразумевал бы замену США на Россию в роли гаранта общеевропейской континентальной безопасности и развития.

Никакого нашего растворения «в Западе» не может быть ни в каком обозримом будущем. Наш вариант европейской цивилизации до конца не исчерпан в своём историческом развитии. «Слияние» означало бы решение проблемы раскола Великой Римской империи на Западную и Восточную, что не просматривается. «Диалектика» их относительно самостоятельного развития и отношений пока не понята и не отрефлексирована.

Главный кризис Запада (а значит, и наш) ещё впереди. Запад по-прежнему хочет подчинить нас политически и экономически. Другой исторической концепции развития и целей у него нет. Мы должны быть раздроблены и ассимилированы. Наши ресурсы должны быть захвачены и использованы. Нам не стоит об этом забывать. Поэтому наш план должен заключаться в самосохранении и ассимиляции элементов посткризисного Запада. И он (план) не может быть чисто военным.

Столицу империи на Восток двинул сам римский император (её не варвары учредили). Мы называемся третьим Римом ошибочно: по существу, мы являемся вторым Константинополем. К этому привела христианская революция европейской цивилизации. Языческие культы востока Средиземноморья оказали меньшее сопротивление христианизации, нежели западные, религиозное сознание этой территории оказалось созвучно христианству. Западная империя гнила, прежде всего, изнутри, варвары лишь добились её, а Восточная после этого простояла ещё тысячу лет. Она — Византия — в конце концов пала (само падение, впрочем, было растянуто на двести пятьдесят лет) и уступила геополитическое первенство Западу, но как цивилизация непосредственно продолжена нами. Мы просуществовали ещё тысячу лет, но теперь вновь встал вопрос о будущем.

Поэтому нам надо полагать реальность и непрерывность нашей собственной истории как истории европейской цивилизации, продолжать и развивать свою собственную философию, прежде всего постмарксизм и православное философское богословие, а также строить на их базе собственный корпус социально-гуманитарных дисциплин. Нам нужна критическая рефлексия английских, французских и немецких заимствований в нашем мировоззрении и их проблематизация через призму нашей истории.

Две цивилизационные ветви — это надолго.

Нет смысла верить в своё падение, поражение и уничтожение как в историческую неизбежность и даже данность — это просто глупо. Однако сегодня нам навязывается именно такая уверенность в качестве господствующей идеологии. Стоит возвысить голос против системного, идеологического поклонения Западу — и в ответ поднимается многоголосый вой «экспертов», «учёных» и «общественности». Не стоит забывать, что Запад свои успехи (включая капитализм и науку) всё равно получил за счёт веры, а теперь именно религиозные (и в поверхностном, и в глубинном смысле) основания западной ветви европейской цивилизации (и западной веры) находятся в глубочайшем, многоуровневом и многоэтапном кризисе, в том числе и сравнительно с нами. От такого «партнёра» с неизбежностью нужно ждать подвоха, подножки и предательства на каждом шагу.

Глава 3. Наше государство

Наше государство изначально есть империя. Мы не просто защищаем кусок земли и собственную этническую принадлежность. Наше государство — самодостаточный планетарный носитель для полного воспроизводства культуры и цивилизации, человеческого бытия.

Разумеется, у европейской цивилизации не один такой носитель. Мы находимся в отношениях конкуренции и взаимовлияния с другими носителями этого же класса. Это определяет нашу историческую динамику, актуальную желательность и потенциальную возможность нашего устранения другими со-масштабными государствами-империями. В принципе, любое государство по своей сущности претендует на то же самое, что и мы. Но не все могут справиться с этой задачей в течение всего времени своей исторической жизни.

Считалось, что по итогам Первой мировой войны с Русской империей покончено, как и с Австро-Венгерской, Британской, Османской и Японской. Но по итогам Второй мировой оказалось, что не покончено. Многие страны выбыли из этого состязания и теперь являются сателлитами, фактическими элементами империи США. Но это пока не мы. На-

XVI ВЕК. ИВАН ГРОЗНЫЙ В КАЗАНИ. ОБЪЕДИНЕНИЕ РУСИ ЗАВЕРШАЕТСЯ.

деяться, что нас оставят в покое, не приходится — из-за нашей исторической претензии, на которую «настроена» наша культура, социальные институты и политические традиции. А также из-за всех тех богатств, которыми мы пока обладаем благодаря труду и деяниям всех русских поколений.

«Русский» — это не этническая принадлежность, это, прежде всего, государственный статус человека (речь не о должности), обоснованный общей историей, культурой и языком. «Русский» — это осознанная опора на русское государство для личного участия в истории, обретения смысла жизни. Только империя может позволить и себе и человеку освободить и свою и его идентичность от ограничений натурального, в том числе генетического характера, предоставить человеку историческую свободу не только от рода, племени, но и от так называемого «общества».

Это свойство империи есть прямое проявление характера европейской цивилизации, выражающегося в принципиальной экспансивности, безразличии к материалу реализации, отсутствию изнутри установленных пределов. Поэтому любые конкретные границы для европейца по культуре — явление временное. В принципе волей Бога (или «человека», занявшего Его место) должны быть охвачены все люди, весь мир. Отсюда — целенаправленное европейское проникновение за известные географические границы, миссионерство, конкиста, тотальная (в отличие от античной) колонизация территорий (греки селились только у берега моря и не шли в глубину). Мы участвовали в этом процессе одновременно с другими европейцами, преодолевая в первую очередь не море, а сушу в планетарных масштабах. Освоение нашего собственного пространства и сегодня остаётся нашей цивилизационной целью.

Государство европейского типа

Мир окончательно захвачен европейской цивилизацией. Те страны, что изначально не принадлежали к этой культуре, вынуждены европеизироваться. Однако это не означает само по себе, что мир должен стать буквально одним государством. Империя сегодня может строиться за счёт отношений подчинения территориальных самоуправлений (формально имеющих титул государств) реально суверенному государству (формально их в себя не включившему).

Идеология тотальной власти над миром сегодня доминирует, она представлена в «безобидной» фразеологии «глобализации». И создана эта идеология — так же, как и её практика — вовсе не США, а католической церковью. Вот её краткое выражение: «один Бог, один Мир, одна Церковь, один Папа». Собственно, эта идея и выражена в слове «католический» — т.е. в переводе с греческого «вселенский, всеобщий».

Ортодоксальная (православная) христианская вера допускает существование многих самостоятельных церквей, решающих одну задачу. Мы не стремимся к прямому господству над миром и сейчас. Мы отвечаем за свою самостоятельность.

Посткатолическая идеология власти сегодня представлена в мире явно. Она используется в реальной политике вовсе не Ватиканом, а совре-

менной версией Британской империи, созданной на базе США (передача управления состоялась по итогам Второй мировой войны) и имеющей в качестве государственной религии светскую веру в демократию.

Европейская экспансия на новый материал продолжалась не менее двух с половиной тысяч лет с момента её создания. За это время из захолустья и задворок географического мира европейская цивилизация почти полностью поставила под контроль планету. Этот процесс шёл несколькими путями.

Россия более 1000 лет назад осознанно и согласно самостоятельно принятому решению стала источником европейской экспансии. И сформировалась на этом первом пути как страна и государство. Поэтому мы и говорим об общем европейском цивилизационном корне. Большинство стран Западной Европы шли вторым путём — за счёт завоевания и подчинения. Они европеизировались извне.

Третьи страны, изначально сформированные безотносительно к Средиземноморью, попали на путь европеизации — внешнего влияния европейской цивилизации — совсем недавно. Объём этой европеизации включает в себя «не много» и точно «не всё», по сравнению с Западной Европой он принципиально ограничен. Это только капиталистическое промышленное производство, наука и инженерия, а также демократические представительские формы правления.

Япония приняла этот «пакет помощи» во второй половине XIX века и «в рассрочку» (демократизация стала актуальна только после поражения во Второй мировой войне), а Китай и Индия — во второй половине XX века. То же касается и Юго-Восточной Азии в целом. При этом Китай, Вьетнам, Северная Корея заимствовали не демократию, а коммунизм.

Эти недавние по историческим меркам заимствования обусловлены, прежде всего, стремлением к суверенитету, желанием уравнивать военные и геополитические шансы с «гегемонами», такими как США, СССР, «развитые» страны Европы, а не с «любовью» или с «завистью» к европейской цивилизации. С точки зрения человеческого материала, культуры, традиций и привычек эти страны существенно не изменились. Они разительно отличаются от географической Европы и США. По итогам XX века эти страны своей цели добились — они обрели военное, экономическое и политическое влияние, сопоставимое США, а Китай даже обладает реальным суверенитетом, что позволяет ему быть своеобразным экономическим партнёром США. Эти страны «последней волны» европеизации в наименьшей степени находятся под идеологическим контролем глобальной имперской политики США, придерживаются позиций функционального вассалитета и не имеют собственных цивилизационных претензий европейского типа. Такие претензии есть только у США, Западной Европы и России.

Русское государство и его враги

Русское государство оформилось в качестве современного европейского государства уже при Иване Грозном, 500 лет назад. Слияние Московии, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств можно рассматривать как учреждение современной России. Кроме того, именно при Грозном

возник класс чиновничества, и сегодня являющийся основой Российского государства.

Примерно с этого же времени Западом ведётся борьба на уничтожение нас как государства государств, как цивилизации. Управляющими этим процессом последние 300 лет являются Британия и, в качестве её преемника, США. Непосредственных исполнителей всегда хватало. У стран материнской средиземноморской Европы мы всегда вызывали ненависть и агрессию, всегда приходилось обороняться — от поляков, шведов, немцев, французов...

Мы в отличие от них не ставили цель завоевать географический мир. Мы не уничтожали другие народы. Но мы не дали Азии завоевать Европу — и наоборот. Мы не колонизировали присоединённые территории, а делали их равноправной и полноценной частью страны. Такой стала европейская цивилизация в нашем восточноримском, «византийском» исполнении. Тысячелетняя ненависть Запада к Византии теперь обращена на нас. При этом мы отвечаем за куда большую и богатую часть континента.

Мы тысячу лет играем в обороне, а не в нападении. Поэтому русская онтология, принцип существования русского государства и русской власти — это совместное имперское государство, способ совместного исторического действия для всех народов России, основанный на развитии, заселении и освоении её территорий. Россия за время своего существования построила исторически реальный, а не утопический межэтнический и межконфессиональный мир. Возможным это стало не за счёт правовой и политической техники, а прежде всего, за счёт действительного цивилизационного лидерства русских, за счёт партнёрства народов в исторической деятельности. Поэтому нам нельзя ограничивать себя рамками национального государства образца XIX века, которые активно навязываются нам как «современные» механизмы и суть демократии «для нас». Такой русский национализм заведомо разрушителен для нашего способа исторического существования.

Континентальные государства Западной Европы выступали в качестве непосредственных военных врагов Российской империи. Таким же врагом была Османская империя — с XVII по XX век. Западноевропейские страны — Польша (XVII век), Швеция (XVIII век), Франция (XIX век), Германия (XX век) — покушались на Россию в целом и в результате проиграли начатые ими континентальные военные кампании, определившие западноевропейские границы Русской империи. Все эти кампании ставили целью завоевание и ликвидацию России.

Сама Великобритания воевала с нами непосредственно только два раза: в Крымскую войну 1856 года и интервенцию 1918 года, и оба раза в составе сил «коалиции». Однако, будучи долговременным геополитическим противником всех континентальных стран как таковых (воюя против Испании, Франции, позже Германии), Британия стала основным геополитическим противником России как большей и основной части континента, способной взять его под полный контроль. Кроме того, Британия всегда рассматривала Россию в качестве главного своего препятствия на пути к колонизации Азии. Политика Британии, которая из этих стратегических, управленческих соображений чаще становилась тактическим и формаль-

ным союзником России (и успешно маскировалась в этой роли), всегда была направлена на создание военных конфликтов для России, управление непосредственными военными противниками России, обеспечение для них благоприятных условий, на то, чтобы не допустить создание континентальных союзов с участием России (Россия — Франция или Россия — Германия). Британия боролась с Россией с помощью Турции (XVII — XIX вв.), Персии (XVIII — XX вв.), Японии (1905 г.) и, в конце концов, с помощью гитлеровской Германии (1941 г.). Став империей, лидером в борьбе за мировое господство, Британия не могла смириться с существованием другой империи сопоставимых размеров, при этом недоступной для завоевания «через море». США не могут смириться с этим и сегодня.

Геополитические цели Британии лежали внутри цивилизационных. Британия раньше других западноевропейских стран (почти на 150 лет раньше Франции) прошла через буржуазную революцию, направив экспансию буржуазии вовне страны, решив тем самым проблему отношения общества и государства. Алчность и жажда власти, присущие английскому обществу, были канализированы британским государством на другие территории. Сумев в ходе революции быстро восстановить государственное управление и государственную власть, Британия создала огромные колонии, которые, отделившись от неё, приняли у неё цивилизационную эстафету. США, Канада, Австралия, Новая Зеландия вместе с самой Британией — сегодня это так называемый «бритиш пипл», как говорят сами англичане, единая цивилизационная сила, несмотря на множественность составляющих её государств.

Возникновение США фактически стало результатом экспорта буржуазной революции за пределы самой Британии, которая стала революцией Американской. Однако это не единственный результат британской международной деятельности. Великая французская революция, которой сами французы так гордятся, есть всего лишь перенесение на французскую почву английских буржуазных политических идей, а сами французские просветители вторичны по отношению к английским буржуазным философам, идеологам, политическим проектировщикам. Наполеон, по сути, лишь подобие Кромвеля. Россия стала следующей целью британского революционного экспорта после Франции и через Францию в том числе.

Англия выработала собственную философию, оппозиционную магистральной линии развития европейского идеализма, идущей от Древней Греции через христианский монотеизм к немецкой классике и далее к марксизму и постмарксизму. Британский эмпиризм и агностицизм стал основой государственной демократической идеологии — краеугольного камня Американской революции и конституции. Так, **Джон Локк** — один из социальных инженеров-проектировщиков государства в США. В отличие от Платона он был лично успешен.

Британия внесла свой вклад в Реформацию и раскол Католической церкви созданием независимой Англиканской церкви, которую возглавляет не иерарх, а глава государства, что доводит протестантскую революцию до логического конца. Это привело впоследствии к развитию, прежде всего, в британской Америке не антиклерикальной атеистической веры, как на родине Просвещения Франции, а к размножению сект и

справка

ДЖОН ЛОКК

Британский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма. Способствовал распространению сенсуализма, один из самых влиятельных мыслителей Просвещения и теоретиков либерализма. Его идеи сильно повлияли на развитие политической философии. Письма Локка оказали воздействие на творчество Вольтера и Руссо, многих шотландских мыслителей Просвещения и американских революционеров. Его рука отчётливо чувствуется в тексте американской Декларации независимости. Теоретические построения Локка отметили и более поздние философы, такие как Давид Юм и Иммануил Кант. Локк первым из мыслителей раскрыл личность через непрерывность сознания.

захвату нового колониального пространства гонимыми на континенте еретиками.

Именно США создали конституцию как элемент государственного устройства, воспринятый в качестве цивилизационного стандарта сначала в Западной Европе и уже через неё навязанный России.

Британия и её исторический наследник, преемник и продолжатель США сформировали полностью альтернативный русскому способ освоения территорий, предполагающий полное искоренение или порабощение живущих там народов, доведя до совершенства, собственно, западноевропейский способ. Россия в отличие от европейцев, ставших американцами, не освобождала для своей «крови» и культуры территории, а укрепляла жизненные ресурсы населяющих её народов. Повторить «успех» США в зачистке жизненного пространства, необходимого для создания государственной территории в сопоставимом масштабе, в самой Западной Европе попыталась лишь гитлеровская Германия.

И неслучайно Иван Грозный, фактически создавший Российскую империю, стремился к династическому браку именно с английской короной, а не с какой-нибудь другой. В постримской и поствизантийской европейских цивилизациях по сей день никогда не завоёванными и не покорёнными остались только два сверхгосударства: империя Британии — США и Русская империя. Трудно назвать это исторической случайностью.

Корни русофобии

Русофобия — это патологические страхи и ненависть, имеющие характер психической проблемы и соответствующие клинические проявления. Это синтетическое историческое явление, порождённое долговременной геополитической и цивилизационной целевой установкой на ликвидацию Руси и России и регулярными неудачами в достижении этой цели. С западной русофобией бессмысленно бороться, пытаясь изменить, улучшить «имидж», «репутацию» нашей страны, поскольку сама русофобская аргументация иррациональна.

С. 54

Пока не будет отменена установка на уничтожение России, не может исчезнуть, не может быть излечена и русофобия.

Это не значит, конечно, что не нужно разоблачать «мифы о русских» и заниматься контрпропагандой. Но надо понимать, что тот, кто принял западную позицию против России как против врага и конкурента и вместе с тем органично согласен с мифом о естественном превосходстве Запада, на деле является расистом. А расизм не лечится с помощью рассуждений. Он искореняется путём победы и наказания.

Основа русофобии заключена в факте незавоёванности и непокорённости России, который западное сознание не приемлет — «вытесняет», как сказал бы психоаналитик. Цивилизованный хозяин не цивилизовал силой, т.е. не насиловал, следовательно, не учил, не исправлял своей властью, не оплодотворял, наконец, косный материал, который представляют собой варвары, живущие к востоку от Польши и Австро-Венгрии. Из этого факта делается непосредственный вывод об очевидной нецивилизованности непокорённого. Другого варианта цивилизования западные европейцы не знают, поскольку сами, будучи варварами, были учены римлянами именно этим путём — из-под палки, через рабство.

Достоин сожаления, что, прежде всего, из-за философской слабости позиций сам спор славянофилов и западников о превосходстве западного или российского путей исторического развития стал каналом трансляции западного мифа и пропаганды — через роли обоих участников спора.

Главный тезис любой русофобии состоит в обвинении России в отсутствии свободы и права. Все остальные тезисы о «русском варварстве» зиждутся на этом фундаменте. На деле русское государство стояло на основах справедливости, то есть более глубокой идеи, нежели право. Справедливость есть порядок, который готовы поддерживать и сохранять сами его участники. Право формально исполняет функцию справедливости, но оно уже требует принуждения. Достаточно просто прочесть «Русскую правду», чтобы оценить её силу справедливого убеждения в сравнении с правовым принуждением.

Западная цивилизация к моменту создания «Русской правды» отказывалась от идеи справедливости дважды, пока та не вернулась в образе социализма. Рим, уходя от принципов справедливости, создал своё римское право. Второй раз тезис справедливости был отвергнут Западом на выходе из «тёмных веков», на рубеже XI–XII веков вместе с отказом от построения «Града Божьего на Земле». Этому цивилизационному слову соответствует начало рецепции римского права в Западной Европе.

Нет ничего удивительного в том, что Западная Европа воспроизвела римские порядки. Другой культуры у неё просто не было. Существенно, что буржуазный революционный процесс в Западной Европе (Англия — XVII век, Северная Америка — XVIII век, Франция — XVIII и XIX века) не пошёл дальше выхолощенной, формализованной, лишённой содержания справедливости, понимаемой в негативном смысле как правовое равенство. Идеология замены справедливости правом владеет умами западной цивилизации до наших дней.

Таким же образом — либерально, в негативном смысле «от», а не «для» — была реализована и идея свободы. Свобода, равенство и брат-

ство как содержательные понятия — в христианском понимании — так и не были постигнуты Западом. Христианская свобода — «для», а не «от», и уж точно не ради торговли. Христианское братство — в Боге — исключает расизм, которым насквозь пропитано западноевропейское мировоззрение с его обязательным делением мира на цивилизацию и варваров. Это размежевание является для Запада основной идеологией завоевания и покорения. Христианское равенство — в Боге и перед Богом, т.е. преодолевающее фактическое неравенство индивидов.

После падения Византии русская православная монархия осталась единственной в мире носительницей идеи справедливости как действительной социальной гармонии и стабильности, а также свободы, равенства и братства в христианском понимании. Позже эта идея войдёт и в русский коммунистический проект. Поэтому, решив проблему исторического выживания, внутренне укрепившись, Россия превратилась в серьёзного не только геополитического, но и цивилизационного конкурента Западу. Конкурента, которого Запад уже однажды уничтожил в виде Восточной Римской империи (Византии). И намерен уничтожить вновь.

Семейный союз народов

До создания единого имперского государства русских, в период т.н. «монгольского» завоевания (которого, скорее всего, не было в буквальном смысле, т.к. современные генетические исследования почти не находят ни у русских, ни у татар следов монгольского генотипа), русские вовсе не были цивилизационно уничтожены или «перецивилизованы», покорены. Они существовали в цивилизационном общении с монгольским (по принятому историческому определению) государством. По существу, подчинение русских состояло в уплате дани — ясака, а также получении русскими князьями вассального «мандата» на правление — ярлыка.

Русские не утратили ни своей культуры, ни своей религии, ни своей социальной организации. Они не должны были скрывать их и прятать. Русских не уничтожили (и не уничтожали) как народ. Русские восприняли от «монголов» (напрямую или через народы-посредники) лидерские цивилизационные идеи: идею большого государства — вместо мелких разрозненных княжеств, освоения большого континентального пространства — онтологию «степи».

«Монголы» подчинили и Китай, который тоже остался при своей культуре. Они были безусловными цивилизационными лидерами. Именно «монголы» показали, что «человек на лошади» может определяться не в локальных границах города или небольшой страны, а на континенте в целом, рассматривая его как пространство своей жизни и деятельности. Чингисхан ненавидел города, он не просто перемещался в пустых просторах, он в них жил и действовал. И вывел в них большой народ. Степи и пустыни стали не препятствием, а возможностью для продвижения на континентальные (планетарные) расстояния: ведь лес и горы это серьёзные препятствия. Степь и пустыня для «монголов» стали тем же, чем океан для европейцев, причём на триста лет ранее. Именно «монгольской» («татарской») школе мы отчасти обязаны последующим приобретением 1/6 части суши. «Монголы» привили нам и нашу пресловутую «морозостойкость». Ведь они

двигались, жили и действовали в условиях суровых континентальных зим, когда 50-градусные морозы держатся месяцами.

В процессе распада «монгольского» государства русские выделились из него вместе с несколькими другими этносами, объединившимися в одно государство вместе с Московией. Имевшие место военные конфликты не были войной народов. Они были не более чем борьбой за власть в одном общем пространстве нового государства. Государство русских сложилось с полноценным участием других народов без их завоевания, колонизации, покорения или тем более истребления. Московия вместе с Астраханским, Казанским и Сибирским ханствами образовали крайне жизнеспособное государство — Россию, основанное на семейном союзе народов, подлинном братстве, отсутствии какого-либо расизма и этнической неприязни. С 1654 года Российское государство строится совместными усилиями русских, белорусов и украинцев. Все они — ветви одного многоэтнического русского народа.

В России не был уничтожен ни один, даже самый малый этнос или народ. Каждый народ сохранил и «внутреннее» пространство, самоуправление. Каждый народ мог делать «карьеру» в империи в целом. За такую «большую» Родину имело смысл бороться и умирать.

Принцип братства был реализован в конструкции российского государства задолго до того, как он появился на знамёнах и в геральдике Запада, в ходе Великой французской революции. И где он никогда не был реализован, включая самые последние концепции «мультикультурализма», предназначенные для удержания в узде как натурализованных, так и нелегальных эмигрантов, используемых для старой доброй марксовой эксплуатации труда.

Русское государство исторически защищало православную церковь. При этом другие вероисповедания, прежде всего ислам, не чувствовали себя ущемлёнными. Напротив, мусульманам, отличившимся на государственной и военной службе, полагались специальные награды. Русское государство традиционно защищало ценности, являющиеся общими для православия, мусульманства, иудаизма. Так называемое светское, а тем более антиклерикальное государство к этим ценностям безразлично или даже враждебно. Русская держава должна сохранить эту традиционную опору на межконфессиональный консенсус, а сам консенсус должен стать предметом для институционального проектирования.

Глава 4. Наша революция

Наша революция совершена не нами. И не французами, от которых мы, как нам кажется, импортировали её в течение XIX века, съездив на экскурсию в Париж в 1815 году.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА. СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ.

Буржуазную революцию как способ подчинения государства обществу исторически создали англичане, Наполеон лишь продолжил в континентальных условиях дело Кромвеля, который при жизни — в отличие от Бонапарта — так и не потерял власть. Но наши аристократы были лишены удовольствия лично столкнуться с Кромвелем, они встретились лишь с Наполеоном. Франция казалась им оригинальным образцом, в то время как им в действительности была Англия. Французская философия и идеология революции — Просвещение — всего лишь переписывала на свой литературный манер английский сенсуализм и его натуралистическую пропаганду. В то время как французы марали утопиями бумагу и жили за счёт культурного и политического наследия Ришельё, Мазарини и Людовика XIV, Англия уже почти полтора столетия совершенствовала государственный механизм нового типа. Она уже отобрала господство в Новом Свете у Испании, создала и потеряла главную колонию в Северной Америке, сделала из этого исторические выводы, превратилась в мировую империю, основанную на колониях постамериканского типа.

Нельзя сказать, что наше руководство было не в курсе происходящего. Великий политический проектировщик английского империализма и идеолог власти, основанной на простых элементах — «боли и наслаждении», к которым и сводится человек как политическое и общественное животное, **Иеремия Бентам** лично консультировал Александра I и его конституционного советника Сперанского. Но не срослось.

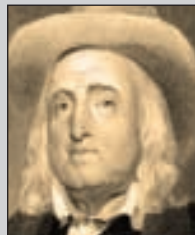
Буржуазия пришла к власти в России лишь в феврале 1917-го. Кошмар продолжался полгода. После, ценой террора и гражданской войны, была восстановлена централизованная государственная власть. Монархия и православие уже не могли сдерживать революцию, это сделали диктатура и немецкая религия коммунизма (социализма). Эту послед-

С. 58

справка

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ

Выдающийся английский мыслитель, один из крупнейших теоретиков идеологии либерализма, основоположник теории пользы, или утилитаризма. В конце XVIII века, после скептицизма и критицизма принципов и лозунгов эпохи Просвещения, вновь начался поиск системного объяснения окружающего мира. Среди авторов, которые делали попытку создать такую целостную картину, которая бы могла охватить и объяснить все явления окружающего мира, был единственный юрист — Иеремия Бентам.

Родился он в 1748 году в семье адвоката. Был чрезвычайно одарённым ребёнком (в четырёхлетнем возрасте знал латинский и греческий языки), окончил университет в Оксфорде, работал адвокатом и много путешествовал.

нюю разделяло подавляющее большинство всех Государственных дум и русских парламентских партий, большевики же сделали её ещё и общенародной.

Суть буржуазной революции

Победа общества над государством, составляющая суть буржуазной революции и её английского оригинала, предполагает обращение общества вовне и ограбление колоний и других стран через «свободу торговли», которую и обеспечивает государство. Франция, пройдя через революцию, была успешна ровно настолько, насколько ей удалось развернуть систему собственных колоний и навязать свой экспорт складывающемуся мировому рынку. А какие колонии собиралась получить Россия? И способна ли она на это?

Проблема власти внутри страны после буржуазной революции решается за счёт другого механизма. Знамена этой революции потому и украшены броскими лозунгами свободы и права, что в социальной действительности давно уже выработаны совершенно другие, во многом невидимые, лежащие за пределами правового поля и государства многочисленные механизмы власти, нежели те, которые публично критиковала и отменяла революция. Восстание для того и было нужно, чтобы ограничить старую власть — власть публичную и государственно контролируемую, нормированную правом — и дать возможность резко расширить применение новых, чисто общественных механизмов власти и подчинения. Полагаемый Просвещением Человек и есть на деле объект этих новых механизмов власти. Сегодня о них говорят как о дисциплинарной власти и дисциплинарном обществе. Нетрудно заметить, что наёмный труд стал одним из величайших механизмов такой новой власти, созданной во многом именно буржуазией.

В России же дисциплинарное общество в отличие от Запада вовсе не предшествовало как факт буржуазной революции, а было создано ускоренными темпами, проектно в результате действий уже Советского государ-

ства. Поэтому после демонтажа публичной государственной власти, основанной на самодержавии, в России возникли хаос и безвластие.

Буржуазная революция может вести не только в будущее, но и в прошлое.

Продолжение нашей буржуазной революции последовало в 1991 году уже в абсурдном варианте с точки зрения английской классики XVII века (и французской XVIII века). Власть от самораспустившейся коммунистической церкви была передана номинальной «буржуазии», которую ещё только предстояло создать усилиями самого государства. То есть власть была передана номинальным держателям и внешним управляющим ставшей бесхозной общенародной собственности. Новой олигархии, которая только ещё должна была ограбить, но уже не колонии и покупателей дорогих промышленных товаров, как это было в Англии и Франции, а присвоить в первую очередь уже накопленное национальное богатство.

Английская буржуазия захватывала власть, чтобы сделать своё государство инструментом мировой экспансии. Она продвигала — в первую очередь через философию и идеологию, а также с помощью штыков и пушек — идею свободной торговли как механизма и денег как сущности богатства по всему миру, прежде всего, чтобы создать контролируемые ею самой механизмы концентрации, «втягивания» ресурсов всего мира. Свобода торговли всегда понималась Англией как прежде всего английская свобода, английское преимущество английской торговли на английских условиях.

Двух таких центров влияния одного типа в мире быть не может.

Сегодня это влияние перешло от Англии (Великобритании) к США, модернизировалось. Но суть осталась той же. Если мы принимаем эти правила, значит, тоже должны стремиться взять верх над соперником, отобрать у него преимущества, неизбежно вести нескончаемую борьбу, в которой выживет только один. Иначе наша революция обернётся против нас самих. Но исторически мы никогда этого не делали. А без войны такие преимущества не отдают. Хотим ли мы оставить свою собственную, русскую стратегию самодостаточности и включиться в борьбу за выживание «по-английски» или «по-американски»? Хотим ли мы отобрать у США возможность грабить весь мир? Ведь если нет, то и смысла для нас в этой революции тоже нет.

Наша последняя русская «английская» буржуазная революция 1991 года в социальном отношении замечательна вот ещё чем. В феврале 1917-го олигархи и коррупционеры, устроившие переворот, были исторически сложившимися субъектами, что хоть как-то сближало их с английскими, французскими, немецкими «коллегами», культивировавшими историческую идеологию своей избранности. Нынешняя русская олигархия текущего дня аристократичностью происхождения похвастаться не может. Это буквально такие же советские люди, как и все остальные. Их возвышение — результат чисто формального перераспределения богатств. На своём месте они оказались случайно. Приписывание им характеристик исторической буржуазии типа «предприимчивости», «способности к риску», «прогрессизма», «самодетельности», «креативности» и т.п. — не более чем художественный вымысел, лукавое мифотворчество.

Понимание механизмов нашей революции невозможно без понимания того, кем стала буржуазия в современном мире. Современная «буржуа-

справка

ФРЭНСИС БЭКОН

Английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма, автор знаменитого афоризма «Знание — сила» (лат. *Scientia potentia est*).

Родился в 1561 году в семье «новых дворян», в своё время поддержавших английскую монархию в феодальных междоусобицах. Его отец некоторое время занимал должность лорда-хранителя королевской печати.

В возрасте 12 лет Бэкон поступил в Кембриджский университет, в 23 года он уже был членом палаты общин английского парламента, где выступал противником королевы Елизаветы I по ряду вопросов.

В 1597 году опубликованы «Опыты, или Наставления нравственные и политические», представляющие собой высокохудожественные эссе на различные темы — от морально-бытовых до политических.

зия» всё ближе к прямому значению собственного имени — «горожане». Никакого другого смысла это слово в себе не содержит. Житель города полностью зависит от денег, всё его существование основано на их обороте. Этим он всегда отличался и отличается от аристократии, духовенства, крестьянства, чьё богатство и источники жизнеобеспечения не имели собственно денежной природы.

До промышленной революции государства более-менее держали города под контролем, которые тем не менее обладали определённой степенью самостоятельности, будучи центрами торговли и ремёсел. Буржуазная (т.е. буквально «городская») революция вернула власть городу, в некоторой степени сблизив современное государство с античным полисом. Отсюда — новая демократия. Разумеется, такое впервые произошло не в Англии. Уже Флоренция времени Данте пережила подобное превращение, позже Венеция, Нидерланды. Но тотальное распространение получил образец именно английской революции, нераздельно связанный с мировой колониальной экспансией.

Маркс считал проблемой победившей европейской буржуазии пролетариат, социальное воплощение негативного класса, придуманного ещё Гегелем. Сегодня эта проблема внутри самих европейских государств снята, общий и минимальный уровни потребления так высоки, что ни о каком пролетариате говорить не приходится. В городской эстетике (архитектуре, дизайне, моде) окончательно победил стиль пролетариата XIX века: мы живём в экстерьерах и интерьерах складов и цехов, довольствуясь их минимализмом и прагматизмом. Пролетариат полностью втянулся в буржуазию и стал полноправным горожанином. Таков сегодня любой человек, включённый в современную деятельность, хоть собственник бизнеса, хоть работающий по найму. Различаются только уровни потребления. Но здесь есть эквивалент, уравнивающий принцип: и «Фиат», и «Бентли» — в равной мере автомобили.

Единственный смысл революции 1991 года — это смена принципа распределения богатств. С радикально социалистического — через государственное планирование — на либеральный: кто сколько урвёт.

Но что обеспечивает общий высокий уровень потребления — от

«Фиата» до «Бентли»? Пресловутая «эффективность» капиталистического способа производства? Единственная разница между социалистическим и капиталистическим предприятием только в том, что при реальном социализме лишние (незадействованные, ненужные для деятельности) люди содержатся в коллективах предприятий, а не в общественных резерватах. А эффективность технологий одинакова в любой точке планеты.

Высокий уровень потребления в государстве может быть обеспечен только опережающим притоком ресурсов извне. Механизмы обеспечения этого притока лишь модернизировались, но не изменились по сути. Сегодня это неокOLONиальная финансовая политика жизни в долг, который никогда не будет отдан, навязывание сырьевых и вообще специализированных экспортных специализаций странам, эксплуатация зарубежного и иммигрантского пролетариата, политическое сдерживание распространения технологий.

Революция как событие мышления

Революция — это историческое событие, заключающееся в изменении способа мышления и господствующих представлений, определяющих опыт и деятельность людей. Как событие мысли она происходит с точки зрения исторического времени мгновенно. Революция — это смена веры, смена парадигмы, господствующей догмы.

Событие революции часто ошибочно связывают с применением насилия против действующей власти. Революция — прежде всего крушение самой власти, обнуление той суммы добровольного согласия с авторитетами общественной коммуникации, которое в конечном счёте и есть власть. Над нами властвует то, с чем мы согласны. Вера во что либо, предрассудки

1917 ГОД. РЕВОЛЮЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ.

С. 62

и «идолы» **Френсиса Бэкона** и есть действительная стихия власти, в которой — вместе с освобождением философии и науки от контроля со стороны веры в Бога и десакрализацией самой власти — разразился исторический шторм.

Великая французская революция произошла не тогда, когда «народ» (то есть толпа) взял Бастилию — своеобразный дом умалишённых под охраной инвалидов, которые сами же впустили нападавших (чтобы те не пострадали) и заплатились за это своими жизнями. Великая французская революция произошла в тот день и момент, когда участники Генеральных штатов отказались сесть в подготовленном для них зале по сословиям, перешли в частное здание, а именно — в зал для игры в мяч (по-нашему, спортзал), в пустое пространство. Стоя, то есть будучи на одном уровне и смешавшись между собой, они назвали себя единым «народом» Франции. Возник новый субъект.

Консенсус, то есть мыслительное согласие, коллективный синхронный мыслительный акт, отрицающий необходимость государства и захватывающий общество и есть революция. Проходит он бескровно и даже тихо, с мирным воодушевлением. Разруха и кровопролитие начинаются после, когда лишённый идеального организующего начала — государства — социальный организм превращается в материю, природное образование.

Февральская революция в России совершилась в момент, когда Николай II согласился с мнением своих генералов о необходимости отречения, превратив заговор в революцию. Все остальные события (как правило, кровавые) уже не были собственно революцией, но её социальными последствиями. Что было невысказано и невозможно — теперь мыслимо, возможно и даже должно. Что существовало и было вечным, теперь более не существует и даже несущественно.

Философское осмысление механизма любой революции наиболее рельефно дано в осмыслении исторического развития одного из самых догматических видов мышления — научного, принадлежащего к религиозному типу мысли. Общеизвестная современная методология науки описывает научную революцию как смену комплекса догматических представлений. Представлений, утверждаемых как истинные против одних фактов, которые научная школа — она же секта — игнорирует в пользу других фактов, которые школа-секта принимает во внимание. Революция социальная, как и научная, — это смена парадигмы.

Социальная революция происходит как смена социальной парадигмы, онтологии, метафизики — картины существования социального мира, лежащей в основе устройства власти и государства. Такая картина для людей, включённых в социальную систему, необходимым образом имеет характер веры. Вера эта обладает равной силой и для «низов» — «масс», и для «верхов» — «элит». И те и другие её меняют. Рушится и вся система социального знания, консолидированного социальной верой, онтологией прошлой власти. Правящий класс перестаёт знать, как править, а управляемый — как подчиняться. Правящий класс лишается своей идеологии, а управляемый — утопии. Эта система социального знания, структурирующая общество и обеспечивающая социальную организацию, не появляется сразу после провозглашения новой веры. Поэтому революционное обще-

ство — это общество, полностью избавившееся от государства на какое-то время. Сами революционеры никогда новое государство не строили и на это в принципе не способны. Его строят другие — те, кто революцию прекращает: Кромвель, Наполеон, Сталин.

У революции нет авторов. Сами мятежники — это недовольные, социальные маргиналы, часто террористы, иногда даже носители нового типа мышления (гости «из будущего»), но производит их революционный исторический процесс. Они — дети революции, а вовсе не наоборот. Даже если всех их истребить в какой-то момент, они рождаются (воспроизводятся) вновь. Российскому государству, которое довольно долго в своей истории боролось именно с революционерами, полагая их субъектами, а не с революционным процессом, это хорошо известно. По существу, между декабристами и разночинцами нет никакой внутренней содержательной связи, кроме воспроизводства самого явления недовольства. Советская идеология истории вынуждена была выстраивать связь разных поколений революционеров мифологически («декабристы разбудили Герцена», который «развернул агитацию»). Впоследствии революционеры могут представлять дело так, что революцию «совершили» именно они, но это не более чем пропаганда и самовнушение.

Революции являются естественными процессами, процессами исторического самодвижения (развития) мышления. Они приводят к формированию новых исторических субъектов, которые не надо путать с самими революционерами. В этом принципиальное отличие революций от захвата власти, государственных переворотов, которые производятся как предельно искусственное, целенаправленное действие чётко очерченной группы людей и являющейся историческим субъектом — до и после переворота.

Естественный характер революционного процесса хорошо понимали русские консерваторы, крайние правые, осмысляя его — в совокупности с фактом непонимания этого же властью — как неизбежность революции.

Революция и контрреволюция

Николая II отстранили от власти и лишили трона вовсе не русские социал-революционеры, не террористы, не большевики, а широкая либеральная оппозиция. Надо думать, её подавляющее большинство вообще не представляло себе исторической сути происходившего в стране. Это большинство, безусловно, выражало интересы специфической русской буржуазной олигархии, обожавшей военные поставки, и одновременно являлось носителем новой на тот момент социалистической европейской светской веры. Противоречивость такого комплекса представлений очевидна.

Поэтому нет ничего странного в том, что возникшее Временное (и вправду временное) правительство само за восемь месяцев разрушило остатки власти и государства в России. Власть обнулилась, Россия полностью превратилась в революционное общество без государства.

Только тогда власть взяли прагматики, «профессиональные революционеры» (то есть вовсе и не революционеры), имевшие марксову рабочую теорию общественного устройства и боевую организацию. «Красные» оказались обладателями оснований для построения социального знания нового

справка

МАКСИМИЛИАН КАРЛ ЭМИЛЬ ВЕБЕР

Немецкий социолог, философ, историк, политический экономист. Идеи Вебера оказали значительное влияние на развитие общественных наук, в особенности — социологии. Наряду с Эмилем Дюркгеймом и Карлом Марксом Вебер считается одним из основоположников социологической науки. Вебер ввёл в научный оборот термин «социальное действие».

Максимилиан Карл Эмиль Вебер родился в 1864 году в Эрфурте в семье состоятельного и известного государственного служащего. Был очень развитым и способным ребёнком. Занятия с учителями не производили на мальчика никакого впечатления и были для него скучны. Зато на Рождество 1876 года 13-летний Макс-младший подарил родителям два исторических эссе — «О направлении германской истории, с особым указанием на фигуры Императора и Папы Римского» и «О римском имперском периоде от Константина до переселения народов».

правлящего класса. Им стала государственная бюрократия, освобождённая от сословных ограничений самодержавия, — по сути, основа идеального государства **Макса Вебера**.

«Красные» стали новым субъектом истории, рождённым революцией. Именно они строили новое российское государство. В исторической борьбе с «белыми», с либеральной оппозицией государству как таковому «красные» победили благодаря реальному (не словесному) патриотизму — установке на преодоление революции, на создание действительного государства, а не на его фактическое разрушение. А также благодаря обладанию основами самого современного социального знания, способного быть идеологией, знанием о новом управлении обществом. «Красные» не побоялись спроектировать новое российское государство. Правящим классом стала проектная бюрократия, больше известная как Коммунистическая партия большевиков.

Стремительно развивавшийся в России крупный капитал пошёл в атаку на российское государство ещё до 1917 года. Процесс фактического отстранения царя (и династии) от власти зашёл очень далеко уже к 1905 году, что выразилось не только в волне восстаний, недовольств и согласия монарха на созыв Государственной думы, но и в ходе и результатах Русско-японской войны. Степень коррупции в военном руководстве стала угрожающей. Повторение этого явления мы видели в современной России в ходе т.н. «первой» чеченской войны. Институты правящей династии мешали российской крупной буржуазии «зарабатывать», т.е. получать сверхприбыли. Коррупция и вообще диктат «интересов» захватили и Госсовет, и правительство и военных. Полным ходом шёл процесс подчинения российского государства, представлявшего собой восточно-христианскую империю, финансово-промышленному капиталу, освоившему в ходе Английской и Французской революций практику превращения государства из формы организации общества и системы контроля над ним в орудие самого общества, в оружие правящего класса.

Война 1914 года с Германией была нужна в России прежде всего русским олигархам для извлечения сверхприбылей и для контроля над государством. Переход войны в крушение государства и власти был детально предсказан Дурново в его записке Николаю II в феврале 1914 года в виде развёрнутого тактического сценария за полгода до начала катастрофы. Всё было известно. Не говоря уже о стратегических требованиях Столыпина двадцати лет «спокойствия» для России. К войне толкали и «союзники» России, прежде всего Англия и Франция. Николай II покорился Судьбе, т.е. неизбежной Революции ещё в 1914-м. А выглядело всё так, что мы вступились за сербов.

Неудивительно, что когда осенью-зимой 1916-го русская армия во главе с императором одержала решительные победы, а перспектива укрепления царской власти, её легитимности, как сказали бы сегодня, стала в результате весьма реальной, устранение императора и самодержавия стало насущной необходимостью. В этом интересы русской олигархии, либеральной оппозиции, в том числе среди генералитета, а также и Германии полностью совпадали. Так родился февраль 1917-го.

Утопический характер воззрений широкого спектра революционеров всех социальных категорий выявился очень быстро. Что делать, они не знали. Точнее, они делали только то, что давно хотели, но не то, что было нужно и должно.

Взятие власти большевиками в октябре 1917-го было основано на возвращении к решению самых насущных задач выживания государства — прекращения войны с Германией, устранения врагов государственной власти (разумеется, уже новой, поскольку старая самоликвидировалась). В сущности, в этот момент некоторые большевики перестали быть революционерами — в силу самоопределения. Революция свершилась — революционеры больше не нужны. Эсеры (как и многие другие) этого понять не смогли, и им пришлось уйти с исторической сцены.

Большевики никогда не занимались до этого проектированием новой России. У них не было такой задачи до окончания революции. Они решали насущные проблемы революционной борьбы и укрепления боевой партийной организации. Такая организация могла быть в дальнейшем преобразована в группу власти. В практике её работы выросли кадры, способные нести бремя реальной исторической работы по строительству государства. Большевики овладели эффективной социологией буржуазного общества, в совершенстве манипулировали догматикой светской веры в социализм-коммунизм. Проект же реального социализма-коммунизма, который нужно было построить «в одной отдельно взятой стране», ещё только предстояло разработать. Эта работа называлась «революционной» лишь по словесной инерции. Реально эта деятельность стала контрреволюционной, была направлена на уничтожение революционеров и свёртывание революционного общества. В этом суть «красного проекта» в отличие от целей левого движения.

Прямым продолжением революции для революционеров-утопистов — т.е. для «белых», широкой либеральной оппозиции государству — стала Гражданская война. «Красные» же вели войну за восстановление власти и государства. Замечательно, что Ленин, в первую очередь как вождь именно

Революции, уже был не очень к месту в этой ситуации. Скорее всего, он это понимал. Его болезнь и смерть сразу после окончания Гражданской войны очень «логичны» и «своевременны», как в будущем будет очень «логична» и «своевременна» смерть Сталина. Инерция революционной утопии и фразеологии войдёт в углубляющиеся противоречия с практикой проектирования и строительства реального социалистического государства, экономики и общества, будет преследовать социалистическую Россию в течение всего срока её жизни и станет одной из причин её падения.

Проектировщиком, а не революционером выступил новый государь — Иосиф Сталин, прошедший долгий путь выживания и отбора, подлинную школу власти XX века. Ему и самому ещё пришлось преодолевать инерцию революционности и утопизма, фактически начать и провести контрреволюцию, создать условия для утверждения новой парадигмы власти. Контрреволюция означала для «старых большевиков», не желающих отказываться от революционного образа жизни, безжалостное историческое уничтожение, так как утверждались новое государство и новая социальная реальность.

Контрреволюция в большевистской России стартовала в 1928 году как во внутренней политике, так и во внешних отношениях. Революция свёртывалась, а модернизация и проектирование государства — развёртывались. Однако полностью прекратить революционные процессы и вернуться к реалистическому консерватизму правящая коммунистическая бюрократия не смогла.

Государство и революция

Сегодня ясно, что СССР как государство не сумел за 70 лет своего существования завершить дело Великого Октября — антифевральскую контрреволюцию, так и оставшись в рамках её светской «ереси» — коммунистической веры. Коммунистическая религия не позволила понять и удержать результаты реального исторического творчества, развития российской государственности как таковой.

Репрессии — направленные на завершение революции социальные контрреволюционные меры — были осуждены как деятельность государства и лично Сталина как государя. А ведь в них принимал участие весь народ и не только в порядке одобрения. Репрессии осуществлялись самим обществом как продолжение борьбы революционеров и контрреволюционеров, а в значительном объёме за счёт механизма коммунальных конфликтов (без примеси какой бы то ни было политики) как обеспечение власти при слабом государстве. Ведь и сама власть после периода полной революционной анархии восстанавливалась сначала за счёт террора. А при последовательной реализации государственной политики не столько осуждению, сколько историческому осмыслению должна была быть подвергнута именно революция, её жертвы и последствия. Но это было невозможно — в полном противоречии с действительной практикой государственного строительства Революция обожествлялась.

Все реальные достижения государства при этом всегда умалялись самой же революционной верой в «ещё более светлое будущее», а потому не

могли быть положены как настоящее, как наличная и самоценная данность, как предмет перепроектирования, продолжения проектирования.

В истории СССР можно выделить несколько волн политических контрреволюционных усилий: Гражданская война, НЭП, подготовка к мировой войне, сама Великая Отечественная, последовавшее восстановление народного хозяйства. В этих периодах можно увидеть несколько системных попыток укрепить государство и построить механизмы его воспроизводства. Соратники по мировой революции справедливо отмечали эти события как отступничество от идеалов «марксизма-ленинизма». Но были и революционные «возрождения» — такие как «перегибы» коллективизации, хрущёвский революционизм.

При этом тот факт, что СССР есть наследник Российской империи, не был нормативно оформлен, хотя Великая Отечественная война эту историческую преемственность во многом фактически восстановила. А ведь для воспроизводства государства это необходимый и неизбежный исторический момент. Он не был принципиально и осознанно пройден, как не пройден он и сейчас.

В целом можно констатировать, что благодаря противоречивой революционной идеологии власти и застывшей коммунистической светской вере политическое развитие государства после смерти Сталина стало всё больше отставать от интенсивного экономического и культурного развития страны.

Перестройка стала проявлением кризиса светской веры в коммунизм. Вот тут бы и вспомнить об истории пятисотлетней России (с момента создания царства, царя и бюрократии государем Иваном Грозным). Однако русского ума для этого не хватило. Коммунистическую веру заменил импорт либерально-демократического мифа, проводником которого без со-

мнений был М.С. Горбачёв вместе с большей частью верхушки партийного руководства.

Западное общество вновь идеологически сдвинуло нас назад, от «октября» к «февралю» 1917-го. Результат был известен заранее: исторически — снова безвластие, анархия и снова «Временное правительство». Снова та же безумная Государственная дума, та же неуправляемая война — на этот раз в Чечне с перспективой разрастания на весь Кавказ. По существу, это та же тактика наших европейских конкурентов поддержки революции в Российской империи, которая должна привести Россию к поражению в мировой войне. А поражение в этой войне есть не что иное, как историческое уничтожение. Эта ситуация в XX веке никогда не снималась с повестки дня, актуальна она и сегодня.

Конечно, никто у нас после краха собственной социальной веры в чужую светскую веру исторически надолго не уверует. Однако не стоит обольщаться. Интенсивность демократической пропаганды очень высока, эта пропаганда обладает преимуществами легитимности. Есть средство и против нашего собственного исторического опыта — нужно до предела обольстить новые поколения, лишить их возможности получить элементарное образование и действительные исторические знания. Необходимые демонтаж образования и интенсивные действия, направленные на деградацию будущих поколений, проводятся в рамках либеральной культурной политики. Так что мы по-прежнему находимся в ситуации революционного общества с очень слабым центром власти и неопределёнными характеристиками необходимого нам государства.

Мировая буржуазная революция

Буржуазная революция 1985 — 1991 гг. в Россию была импортирована. Как и в 1917-м. Впрочем, как и во Франции 1789-го. Правда, тогда потребовалось существенно больше времени, французское Просвещение почти полтора столетия переписывало английских сенсуалистов-натуралистов. В XX веке англо-американская пропаганда справилась с нами менее чем за полвека. Есть и другое несомненное достижение.

В этот раз экспорт революции был осуществлён не просто в одну страну, пусть и большую. Под удар удалось поставить всю Восточную Европу, а также Латинскую Америку. То есть весь мир европейской цивилизации. А вот экспорт революционного процесса в Китай не удался. В 1989 году Поднебесная ответила на попытку «либерализации» событиями на площади Тяньаньмэнь, без всяких сантиментов расстреляв мятежных студентов. Так же, как Наполеон расстреливал уличные толпы в революционном Париже из артиллерийских орудий силами регулярной армии (это было нововведением, с которого Наполеон и начал делать свою карьеру, — этому судьбоносному моменту в жизни Бонапарта посвящены его широко известные портреты на Аркольском мосту).

Рецепция нами Вашингтонского глобального либерального буржуазно-консенсуса в 1989 — 1991 гг. (как и социалистическо-коммунистического консенсуса в 1905 — 1917 гг.) ясно обнаруживает нашу историческую судьбу как социума, входящего в популяцию исходных носителей европейской

цивилизации. Вот Азия, Китай в Вашингтонский консенсус не поверили, а мы — вместе с бывшими латинскими колониями — поверили. Этот консенсус нас всех разорил, но мы от него не отказались до сих пор. Это нельзя объяснить только политической силой Вашингтона.

Поэтому мы обречены на борьбу в первую очередь с другими «евроцивилизованными» государствами внутри их популяции за своё выживание, а в составе всего евроальянса — с остальным неевропейским по происхождению миром, вооружённым европейскими экономическими и технологическими орудиями. Попытка выйти из альянса в сторону какой бы то ни было «азиатской» судьбы будет ничем не оправдана. У нас там нет никакой почвы и никакой истории. Оставаясь же в альянсе европейского цивилизационного ядра, мы сможем выжить, только либо захватив лидерство, либо сумев завоевать особое исключительное положение (на чём всегда и стояла Россия). И то и другое требует ясного исторического понимания сути судьбы всех государств европейского цивилизационного корня.

Гипотеза заключается в том, что идея мировой революции, высказанная многими теоретиками и практиками европейского развития ещё в начале XX века, вовсе не была утопической. Нужно лишь понимать мировую революцию на обязательном первом этапе как буржуазную. Тогда экспорт буржуазной революции — закономерность, а лидерство англоамериканских государств — следствие их первенства в этом процессе, а позже в управлении этим процессом. Пора и нам брать его (управление процессом) в свои руки.

Мировой же социалистический порядок возможен только после максимального распространения по миру буржуазного революционного процесса, возникновения мирового революционного общества, «растворяющего» в себе национальные государства. Это и есть природа нарастающего глобального кризиса европейской цивилизации. Надо лишь добиться того, чтобы другие государства, и в первую очередь США, «растворились» раньше нас. Есть основания считать, что известная группа неоконсерваторов (начиная с Буша-младшего), сформировавшая политику США сегодняшнего дня, придерживалась подобных взглядов, будучи фактически постмарксистской группой по своим философским основаниям.

Другими словами, непродуктивно и неэффективно рассматривать российские революционные события 1985 – 1989 – 1991 – 1993 годов как национальные (что было верно для Англии XVII века, для Франции XVIII и даже почти верно для России начала XX). Мы вошли в XXI век участниками мирового буржуазного революционного процесса, осуществляемого альянсом стран европейской цивилизации под руководством её англосаксонской ветви.

Если буржуазные революции в одной отдельно взятой стране преследовали цель ликвидировать исторически сложившееся абсолютистское государство, развитую монархию, глядя на это государство «изнутри» — с национальной точки зрения, то для мировой буржуазии (олигархии) любое государство в поле её мировой (глобальной) активности находится извне, является внешним субъектом. И в этой «извне-данности» государство ничем не отличается от монархий, ограничивавших национальную буржуазию в отдельных странах прошлого, но уже без всякой национальной специфики.

с. 70

Поэтому мировая буржуазия стремится к тотальному уничтожению всех исторически сложившихся государств, невзирая на конкретную форму их правления. Она стремится уничтожить историческую сущность этих государств — их суверенитет. При этом ей совершенно безразлично, автократия перед ней или демократическая республика.

Идея мировой буржуазной революции — в ликвидации истории как актуального фактора, в создании всех государственных конструкций заново — как управленческих инструментов, не имеющих собственного исторического содержания, собственной онтологии, подчинённых внешнему и непубличному управляющему. В этом смысл Вашингтонского консенсуса как полного экспортного пакета мировой буржуазной революции. Он есть глобальная политическая программа. Не «экономика» должна подчиняться государству, а государство — «экономике», то есть буржуазному сверхобществу. И чем меньше будет в мире этого государства, тем лучше. Заметим, что тезис исторического уничтожения государства написан как на знамёнах либеральной светской веры, так и коммунистической.

Эпицентр мировой буржуазной революции — США — сам погружён в нарастающий кризис. Финансовая несостоятельность «последнего государства» европейской цивилизации — обязательная составляющая глобальной революционной ситуации. Применяя ко всему миру системный революционный мыслительный подход, США не могут исключить из зоны его действия самих себя. Государство, экспортирующее революцию, само неизбежно становится её мишенью.

Англия восстановила своё государство после революции за счёт выведения его из-под удара буржуазии, направив экспансию английской буржуазии (а вместе с ней и свою Революцию) вовне — на весь остальной мир. Но вследствие этого было создано уже новое государство того же типа, однако свободное от исторически сложившихся недостатков — а именно Соединённые Штаты Америки. США не смогли остаться в XX веке изоляционистским государством, они перешли к экспансии уже после Первой мировой войны, начав инвестировать в экономику побеждённой Германии. После Второй мировой войны США окончательно перешли к экспансионистской модели примирения своего общества и государства, строго следуя британскому историческому образцу.

Сегодня эта модель приближается к пределам ресурсов своего существования.

Всякое следующее революционное общество, присоединяющееся к мировой популяции олигархий, попадает в более сложную историческую ситуацию. Ему остаётся меньше мирового пространства для экономической и финансовой экспансии, с другой стороны, оно само уже является объектом такой экспансии, с чем не может не считаться. Мучительные колебания Франции между монархией и республикой на протяжении полутора столетий, а также судьба её колониальной зоны ответственности ясно показывают, что значит быть хотя бы вторым. Судьба Германии в XIX и XX столетиях ещё более контрастна и жестока.

Мировая буржуазная революция конца XX и начала XXI веков, захватившая практически все общества европейского цивилизационного типа, противопоставляет их всему остальному неевропейскому миру как один

коллективный экспансионистский Запад. Судьба Запада в этом противостоянии — в условиях исторического бунта против Запада всего не-Запада, использования не-Западом экономических преимуществ исторической трудовой этики и государственных традиций, не говоря уже о демографических параметрах, — незавидна. То, что проклятие мировой войны наступит таки США (притом что войну они развяжут сами), лишь дополняет картину. И мы — часть этого Запада.

Выход для нас — в предвидении будущих фаз революционного процесса, участниками которого мы являемся. Так или иначе, революция на последуется контрреволюцией. Чистая революционная социальная «плазма» не может долго существовать сама по себе. Государства возвращаются — и в этом главный исторический опыт СССР. Истории вне государств и без государств пока не предвидится. США, будучи лидером мировой буржуазной революции, вынуждены соразмерно наращивать государственную мощь в виде концентрированной военной силы, финансов и светской веры. Это главное историческое противоречие (проблема) их существования.

Реабилитация и реформация государства после революции может опираться на разные исторические механизмы — вне зависимости от стиля личности восстановителя государства (Кромвель, Наполеон, Сталин), который неизбежно становится и его историческим реформатором (модернизатором). Голландская, английская и американская революции были канализированы реконструированными (вновь созданными) государствами во внешнюю буржуазную экспансию. Наполеон в своей экспансии оказался ограничен — как и Гитлер, сворачивавший немецкую революцию и демократию. Хотя оба очень стремились к завоеванию мира. Францию после Наполеона возвращали в рамки национального государства всем европейским миром, в результате чего сложился «европейский концерт» — организация европейской цивилизации вплоть до Первой мировой войны. Германию — после обеих мировых войн — тоже. Результатами второй «нормализации» Германии стали и НАТО, и Европейский союз, какими мы их видим.

Легко заметить, что и тот и другой механизмы реанимации и реформирования государства ограничены национальной спецификой, они не могут быть одновременно применены ко всем странам, вовлечённым в мировую буржуазную революцию.

В случае России контрреволюция Великого Октября 1917-го пошла по иному системному сценарию. Социалистическая «революция» оказалась мощным универсальным контрреволюционным механизмом восстановления и модернизации государства, никак не ограниченной местом или национальной спецификой. Поэтому вернуть Россию «в рамки» и «нормализовать» удалось лишь частично.

Выход мирового буржуазного революционного процесса к своим пределам, а именно — поглощение всех стран европейского цивилизационного типа и достижение пределов внешней экономической экспансии, неминуемо обостряет противоречия перераспределения богатств внутри самого евроцивилизационного альянса.

Участники альянса всё меньше согласны с руководящей ролью и долей в распределении экономических благ лидера (гегемона) альянса — США. В качестве фактора кризиса к противостоянию стран не-Запада и альянса

с. 72

Запада добавится резкое усиление внутренней борьбы, характерной для любого сложного сообщества, объединённого революционным процессом. Друг к другу революционеры будут ещё более жестоки, чем к внешним «врагам».

К чему всё это должно привести? Каковы неизбежные следствия Вашингтонского консенсуса?

Так или иначе, но кристаллизация новой европейской государственности, которая только и способна сдерживать Азию, может возникнуть только на системной основе. Мировую буржуазную революцию обязана сменить мировая (в отношении мира европейской цивилизации) социалистическая контрреволюция. Она уже не будет иметь многих черт социализма, характерных для одной отдельно взятой страны, защищавшейся от агрессоров в мировой войне. Эта новая государственность определит новых мировых лидеров. Сумеет ли мы осмыслить и использовать свой исторический опыт для участия в этом процессе?

Как ни странно, но предчувствие мировой контрреволюции, прекращающей буржуазную экспансию, содержится уже в катехизисе мирового буржуазного революционера, а именно в идеологеме неизбежности создания Мирового правительства. Олигархия может быть центром мировой экспансии, но она решительно не может образовать правительства, т.е. государства. Ясно, что если в мире и останется однажды лишь одно государство (когда ресурсы всей планеты понадобятся мобилизовать для решения действительной, а не выдуманной общепланетарной задачи), то это точно не будет «буржуазное» государство.

Глава 5. Наша демократия

Продолжительное по меркам истории и развитое волеизъявление масс — часть нашего исторического опыта. Это волеизъявление, конечно, совсем не похоже на буржуазно-демократическое бытие «народа» в качестве метафизических «единственного источника» власти и «носителя» суверенитета, предусмотренных Конституцией России 1993 года. То есть «народ» властью сам не обладает, ему власть не принадлежит — конституционно. Так оно и есть. Революция 1991 года заключалась в окончательном уходе масс из власти, отказе от исторической воли и ответственности, делегировании власти как таковой немногочисленным представителям, которые никто и звать их никак, но при этом они могут делать всё, что им заблагорассудится.

Можно считать, как уверяет демократическая пропаганда, что «народ устал» — революция, две войны, репрессии. Когда уже мы заживём нормально, «как все», т.е. не заботясь о будущем, не обращая внимания на проблемы и не решая их, не загоняя себя в рамки дисциплины? И вот — зажили.

При этом отказ от ответственности за свою историческую судьбу осуществили вовсе не те, кто заплатил жизнями и напряжением всех сил за безусловную социально-психологическую реальность общего счастья, созданную в стране к концу 50-х — началу 60-х. Они к моменту «перестройки» действительно состарились. А вот поколения, родившиеся или выросшие в самой этой обстановке счастья, стали считать созданные социокультурные богатства сначала нормой, отправной точкой для начала ещё более сытой и ещё более счастливой жизни, а потом — чем-то недостойным, чего бедный должен стыдиться перед лицом богатых родственников или соседей.

Современная демократия по своему политическому содержанию — это блажь сытых, коллективный эгоизм и стремление потреблять всё больше и больше, не задумываясь об источниках богатства. Сказка Пушкина о золотой рыбке в этом отношении представляется архетипической.

Прежде чем мы начали выбирать из ограниченного круга неизвестно откуда взявшихся людей тех, кто будет грабить нас уже в прямом, а не в переносном смысле (как это якобы делали — в представлениях либеральной пропаганды — управляющие общенародной социалистической собственностью), мы тоже ходили на выборы. Эти выборы были объявлены впоследствии лицемерием и абсурдом, поскольку участвовал в них только один кандидат.

Теперь-то мы знаем, что и семь кандидатов могут быть равно непригодными. Ведь это не выборы из многих тысяч потенциально пригодных руководителей, а только среди тех, кто дорвался до статуса кандидата (если не принимать во внимание «подставных»). И только самим кандидатам выборы дают реальные правовые возможности — бороться друг с другом. Но не нам.

Чем же плох тогда один кандидат? И чем это так уж отличается от ситуации, когда их несколько? Особенно учитывая, что предлагаемая единственная кандидатура никогда не была случайной и соответствовала весьма развёрнутому и требовательному набору норм. Такое голосование само по себе вполне осмысленно и культурно, представляет собой вотум доверия, известный ещё Древнему Риму. Глядя на римлян — самый развитый пример и культурный образец демократии — и продолжая принятую нами у либеральной пропаганды линию обвинений в абсурде, почему бы не пойти дальше: если один кандидат это абсурд, то же касается и первых руководителей. У римлян было два консула, один назначался только как диктатор. Так что тот факт, что в США или Франции один президент, — либо абсурд, либо режим диктатуры («выборной монархии», как говорят сами французы).

Выборы в советские органы власти стыковались с выборной системой внутри партии, т.е. системой власти в собственном смысле. Партийного руководителя выдвигали сверху, но утверждали снизу, он не мог не быть лидером своей партиячейки. Поэтому реальная «расфокусировка» нашей власти, утрата ею позиций действительной социальной ответственности, а как следствие — властной компетентности, произошли вовсе не из-за несоответствия выборных процедур «формулам демократии». Выбор таких «формул» в культуре весьма разнообразен, а система советского партийно-

го народовластия работала эффективно более шести десятков лет, разрешала кризисы нашего выживания, считавшиеся многими западными наблюдателями непосильными. Направив критику нашей власти по формальному пути, подсказанному западной пропагандой, мы, в принципе, лишили себя возможности определить действительные проблемы институтов нашей власти, не смогли обеспечить её воспроизводство. Так что свергать никого не пришлось, верхушка и первое лицо сами совершили предательство, когда институты народовластия уже не работали.

Наша партийная и советская демократия как система выборов и продвижения кадров власти была классической (по культуре) демократией, понимаемой как действительная власть меньшинства над большинством. Эта характеристика неизбежна для любой формы власти, если власть понимается по существу, принимается как первая и основная реальность социума.

Сущность античной демократии

В истории Западной Европы демократия в полном смысле слова как основная форма организации власти и государства существовала по большому счёту только однажды — в дохристианский период европейской цивилизации, в древнегреческом городе и после в Римской республике. Эта демократия — не что иное, как форма и способ организации социальной солидарности (сплочённости) меньшинства граждан (свободных людей) против большинства неграждан, т.е. несвободных, зависимых людей, прежде всего, рабов. В этом дохристианском государстве понятие свободы было предельно конкретно: противоположность рабству не как злу, а как нормальному и необходимому состоянию части и, возможно, большинства людей в государстве.

Если количество свободных уменьшается, то в пределе остаётся один свободный — тиран. Так что тирания — предельная форма демократии. Для несвободных неважно, кто их тиран, — один человек или группа. Если же число свободных растёт, то всё кончается хаосом и властью худших, т.е. «всех». Античная греко-римская демократия — базовая для европейской цивилизации — очень зависима от балансов и пропорций, а потому, как правило, является переходным, а не стабильным состоянием государства, что не раз показывала история европейской цивилизации.

Греческий или римский гражданин не просто голосует. Он обладает долей во власти, которая позволяет ему непосредственно защищать свои интересы. За долю во власти он платит риском для своей жизни и здоровья, поскольку его место в обществе — это место в строю, конном или пешком. У римлян и голосование было организовано по воинским подразделениям. Ни римская, ни греческая демократия не предназначены как институт власти для какого-либо государственного планирования, для какой-либо заботы о будущем. Античная демократия лишь уравнивает распределение сил влияния и интересов свободных людей в данный момент, сиюминутно. У подлинной демократии нет ни памяти, ни воображения, ни прошлого, ни будущего. За реальное участие во власти античный гражданин несёт неограниченную ответственность.

От греко-римской демократии к христианскому государству

Христианская революция ввела другое понятие свободы — свободы идеального существования каждого человека, независимо от его власти и власти над ним, свободы от социальной реальности как таковой. Рабство становится уже не сущностным, а техническим понятием. Можно быть свободным, будучи рабом. Разумеется, историческая и материальная трансформация рабства в его новое качество происходит столетиями. Современные люди вовсе не ощущают себя рабами, т.к. никто не приписывает им «рабскую природу» (рабство по рождению). Хотя технически они несвободны ничуть не менее.

С момента христианской революции государство было поставлено в новые рамки. Его носитель — император, государь, монарх — должен был быть уже не просто социально свободен в старом римском смысле. Он должен был быть свободен, как это угодно Богу, т.е. быть человеком в собственном смысле слова, а не только политическим животным. Опять-таки нужно учитывать проектный, идеальный статус этого требования, реализация которого исторически занимает не одно столетие и проходит через массу перипетий. Это же требование предъявляется ко всем социально свободным «членам» государства, т.е. к тем, кто разделяет вместе с Государем возможность сказать: «Государство — это я!», к правящему классу. Христианское государство как цивилизационный проект наделяется функцией защиты и воспроизводства института (способа существования) человека.

Первым человеком, знающим о том, что он человек, что это значит и чем он отличается от политического животного, был собственно Христос. Греки и римляне не смогли в своей философии ответить на вопрос о сущности человека, хотя греческая политика уже была практикой человека. Одно из выражений (но не единственное) обязанности христианского государства защищать человека заключается в необходимости защищать свою церковь и подлинную (т.е. в Бога) веру. Возможность быть человеком в христианском государстве дана каждому гражданину. Проект христианского государства, в отличие от государства платоновского, отделил понятие свободы как онтологическое от понятия власти, обнаружил технический характер любой власти, сделал свободу независимой от власти, а власть как таковую — подчинённой принципам христианской государственности. Государство перестало быть механизмом бесконечного самовозрастания власти, как это было в Древнем Риме и в период республики, и в период империи.

Проект христианского государства разворачивается на материале Византии. Христианский проект (в пределе — построение Града Божьего на земле) развивает проект платоновского государства через трактовку идей блага и справедливости. Западный же мир в начале второго тысячелетия отказывается от идеи строительства Града Божьего на земле и переходит к рецепции римского права.

Греческая и римская демократии в отличие от идей христианской государственности строились на принципиальной склейке и неразличении

власти и свободы, на онтологизации свободы как власти. С древнеримской (древнегреческой) точки зрения свободен тот, у кого власть, т.е. гражданин. И напротив — свободный гражданин не может быть сущностно подвластен кому-либо, это делало бы его рабом. Он, не теряя своей свободы, может лишь разделять власть с другими свободными гражданами. Кстати, этот же греческий (римский) гражданин платил за свою «долю власти» в действительной демократии воинским долгом и, если придётся, самой жизнью (не деньгами!), обеспечивая тем самым онтологическое тождество свободы и власти.

Техническая демократия

Кризис западных христианских католических институтов веры, её подмена в конечном счёте светской верой (вполне сочетаемой как с контр-религией атеизма, так и с многообразным сектантством, оккультизмом и новым язычеством) могут создать иллюзию возможности возвращения к греко-римской, дохристианской модели государства. Таковы были иллюзии Великой французской революции, Американской революции. Участники и наследники этой последней даже воспроизвели онтологическое, сущностное рабство как обязательный элемент своего демократического государства. Продержалась система в этом виде недолго (с 70-х XVIII века до 60-х XIX, почти как советская власть). Потом сущностное рабство пришлось заменить техническим, реальной социальной зависимостью и подвластностью, дисциплинарной властью, лежащей вне правового поля.

Основной принцип демократии — организация власти меньшинства над большинством — при этом выполнялся. Граждане, обладающие правом избирать, составляли от силы десятую часть населения. Тем более что модернизированное капиталом общество создало сверхэффективный механизм социальной зависимости осуществления дисциплинарной власти — трудовой наём. То, к чему стало можно принудить рабочего по найму, не идёт ни в какое сравнение с «объёмом» принуждения римского раба или крепостного крестьянина. Техническое рабство формально свободных людей стало в модернизированном капиталом обществе куда жёстче, чем сущностное рабство времён Древней Греции или Рима.

Маркс пытался выразить суть этого явления через понятия эксплуатации и отчуждения. Однако, прежде всего, это «старые добрые» отношения и механизмы власти.

Буржуазные революции западной ветви европейской цивилизации (Англия, Америка, Франция), определившие устройство западных государств, установили уже не сущностную, не онтологическую демократию греко-римского типа, а демократию сугубо техническую, являющуюся приложением к централизованному государству, сложившемуся в период до революций (голландской, английской, американской, французской). Выборность короля, который называется теперь президентом или премьер-министром, мало что меняет в жизни подавляющего большинства граждан. Они не отдают свою жизнь за «долю во власти», они платят налоги. Соответственно, и получают они от государства только то, что можно «купить», а не «завоевать».

КОНСТИТУЦИОННЫЙ АКТ	ФОРМУЛА ВЛАСТИ
Основные государственные законы Российской империи, 23.04.1906 г.	Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть.
Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, 10.07.1918 г.	Вся власть в центре и на местах принадлежит Советам (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — Авторы)
Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, 21.01.1937 г.	Вся власть в РСФСР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.
Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, 12.04.1978 г.	Вся власть в РСФСР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов. А также: Руководящей и направляющей силой советского общества... является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.
Конституция Российской Федерации, 12.12.1993 г.	Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.
Проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии народного депутата СССР, академика А.Д.Сахарова	Формула власти отсутствует. Но в качестве цели декларируется «создание в будущем Мирового правительства»

Монархия при этой технической демократии вообще может быть реставрирована, сохраниться как форма государства. Однако техническая демократия в каком-то смысле обеспечивает господство модернизированного капиталом общества над государством, фиксирует историческую победу общества над государством в их непрекращающейся борьбе. Сравнивая пред- и постреволюционные периоды, можно сказать, что аристократия как часть общества всегда боролась с государством, но всегда сама соглашалась стать государством как сословие, жёстко выделенная и отграниченная часть социума. Буржуазия, победив государство, отказывается быть сословием, прячась за провозглашённую ею утопию всеобщего равенства, и, как следствие, отказывается быть государством, нести ответственность за власть. Она предпочла бы, чтобы социум самоорганизовывался, а она бы его контролировала, управляла процессами в свою пользу, оставаясь за сценой.

При технической демократии нестабильность государства становится организационным принципом, революция технологизируется и превращается в рутину. Такая техническая демократия есть, по существу, лишь узаконенная форма и рецепт систематического осуществления государственных переворотов мирными, социально бескровными средствами. Точнее, то, что раньше было государственным переворотом, теперь становится постоянным перераспределением «богатств власти» в рамках правящего класса с неясными, размытыми, непубличными границами.

Техническая демократия не имеет ничего общего с «долей во власти», которую имел римский или греческий гражданин. При сущностной демократии выбирается огромное число должностных лиц. Технические представительные институты несопоставимо слабее греко-римских и по относительной численности выборных лиц, и по их полномочиям (вспомним, например, о трибунах, обладавших правом вето). При этом граждан в государстве гораздо больше. Вместо выборной магистратуры работает административный аппарат. Его работники — формально не рабы, но они и не свободны в техническом социальном отношении. Они обладают властными полномочиями, но сама власть им не принадлежит. Они выступают от лица

государства и народа, не будучи при этом ни народом, ни государством (в отличие от магистратов сущностной демократии). Такую машину, как государственный аппарат, необходимо контролировать извне, и это становится самостоятельной проблемой воспроизводства власти, источником нестабильности государства. Римские же граждане свою свободу и свою власть обеспечивали сами, не нуждаясь в контроле извне. Но «вместительность» сущностного демократического государства по сравнению с империей несопоставимо мала.

В империи же возможности контроля со стороны центральной власти — императора, суверена — без опоры на сословие весьма ограничены. Буржуазия, уклоняясь от сословной государственной ответственности, никогда не возьмётся контролировать аппарат управления. Напротив, она стремится этот аппарат коррумпировать, приватизировать его властные возможности в интересах частного обогащения. Государство, подчинённое буржуазному обществу в качестве орудия власти, теряет свою сущность и становится госаппаратом.

Христианское государство — каковыми исторически являются современные западные «демократии», что бы они ни заявляли в своих идеологических программах, — взяло на себя обязательство обеспечивать «идеальную» свободу граждан в обмен на действительную передачу власти от общества — группы граждан, распределяющих власть между собой, — государству.

Этот принцип отчуждения власти при одновременном превращении её из сущностного отношения людей в технику государства действует и в том случае, если идеальный план государства захвачен либеральной идеологией, вытеснившей христианскую идею свободы «для» своей формальной и негативной идеей свободы «от». Власть всё равно отчуждается от граждан и общества «демократическим» государством, граждане не получают обещанной позитивной свободы человеческого существования, а получают негативную «свободу» быть эксплуатируемыми обществом, прошедшим модернизацию капиталом.

Техническая демократия, созданная в конце XVIII века в западных государствах (прежде всего в Англии, Франции и США), соблазнившая российский правящий класс и образованных людей России в веке XIX, была явлением сугубо цензовым, что до известной степени роднит её с демократией сущностной, греко-римской. Демократическое распределение власти в обществе было ограничено сословным, имущественным, половым, расовым цензами в пользу радикального меньшинства избирателей. В этом качестве она была подобием, «отражением» первой и последней сущностной демократии, делящей общество на свободных людей и рабов. Она также являлась способом управления большинством со стороны радикального меньшинства и одним из технических элементов власти в обществе, контролируемом капиталом.

Можно сказать, что техническая демократия является той допустимой и необходимой для капитала модернизацией власти и государства, которая позволяет капиталу эффективнее использовать государство (и власть) в своих целях. Капиталистическое общество ликвидирует позицию суверена и занимает его место — непублично, незаконно, вне права. В отличие от сущностной демократии при демократии технической раздел власти в

РИА «НОВОСТИ»

обществе происходит тeneвым образом, путём преобразования отношений власти в управление и влияние. Либерализм — идеальное состояние, когда формально свободны все, а реально только избранные (успешные), — становится идеологией капиталистической технической демократии.

Всеобщая управляемая демократия

Порядок технической цензовой демократии мог существовать только до тех пор, пока в мире не возникло первое коммунистическое государство, контролирующее половину планеты.

Государство, победившее в мировой войне, обеспечившее себе научно-техническое лидерство (или как минимум паритет с Западом), действительно дало всем своим гражданам то, что оно им публично (то есть правовым образом) обещало. Советский гражданин принимал участие во власти за счёт массовой солидарности с публично объявленными историческими целями, к которым власть действительно стремилась. Идеологически конкурировать с таким общественным порядком техническая демократия могла, только став всеобщей.

Обещания советского государства включали в себя концепцию человека, которую надо понимать как онтологическое содержание понятия «свободы», как постхристианскую светскую религию. Российские коммунисты прошли на один шаг дальше в религиозном кризисе, чем современный им Запад. Эта русская светская вера стала массовой, т.е. верой не только правящих слоёв, но каждого советского гражданина, претендовала на полное замещение собой христианской веры. Отсюда — подлинный антагонизм с

с. 80

христианством, с православной церковью, а не просто атеистический нигилизм и социальная вражда с духовенством времён Просвещения и Великой французской революции. Западное кризисное религиозное сознание никогда не могло полностью заместить христианские представления либеральными. Ни в сектантских США, ни в протестантской, англиканской и католической Европе.

Сразу после Второй мировой войны при непосредственном участии неотомистских философов в США формируется проект создания демократии как светской веры. Этот проект — стратегическая составляющая борьбы США и Западного мира в целом с советским имперским проектом России, исторически победившим в мировой войне.

Проект светской веры в демократию становится следующим шагом модернизации и перепроектирования США, ставших после войны самым мощным государством Запада. США взяли на себя защиту западноевропейских государств, запретили им воевать друг с другом, сосредоточили в своих руках экономическую выгоду от войны, т.е. стали сверхгосударством, государством над другими государствами. И именно США должны были сформулировать ответ СССР. Подобное проектное решение, разумеется, является насилием над взятым теперь уже в качестве материала механизмом технической, цензовой демократии. Как таковой этот механизм просто не рассчитан на вместительность для всего населения — вместе с женщинами, «латиносами», неграми и бедными. Однако без наделения каждого американца избирательными правами и «избирательным поведением» демократия не может стать официальной религией, верой всей нации, не может стать всеобщей. Не отказавшись от ценза, такую демократию нельзя поставлять в качестве образца на экспорт (старый добрый католический прозелитизм!). С этого момента выработка управленческих решений (а также их политическая реализация), что составляет суть современной власти, и демократические декорации окончательно разделяются и более никогда не встречаются.

Суть производимых властным сообществом подлинных решений и действий публично никогда не обсуждается и, более того, скрывается, что становится существенным условием их реализации. Светская вера в демократию строится как всеобщая за единственным и существенным исключением — само властное сообщество эту веру не исповедует. Эта вера — утопия для управляемых. Западная политика превращается в имитацию дискуссии и «борьбы» за уже вменённые решения. В СССР же продолжает сохраняться публичная власть, открыто обсуждающая свои планы, и, что крайне важно, сама исповедующая собственную официальную религию.

Всеобщая управляемая демократия, вырастая из демократии технической, являясь её предельным вариантом, в то же время находится уже «по ту сторону» от реальности власти, утрачивает всякую связь с подлинной онтологической демократией античности. Всеобщая управляемая демократия — это чистая имитация участия во власти с нулевой ответственностью для участника. Всеобщая демократия окончательно оформляет профессиональную политику как сферу деятельности тех, кто, не обладая ни капиталами, ни властью, должен разыгрывать спектакль для массового всеобщего избирателя, подчиняя задачу формирования доверия к этому спектаклю всю свою жизнь, биографию, карьеру.

Всеобщая управляемая демократия открыто противоречит главному признаку реальной власти. Ведь власть — это открытое, публичное подчинение большинства меньшинству. Власть — основное общественное отношение. Государство — высшая цивилизационная форма власти. Ничего этого нет в конструкции всеобщей демократии. Меньшинство якобы подчиняется большинству. Само большинство никому не подчиняется. Государство существует дополнительно к согласному с самим собой большинству только для приведения к порядку меньшинства, поэтому становится сервисным институтом и в исторической перспективе исчезает. Всё это потому только так соблазнительно для массового потребителя утопии, что ложно от начала и до конца.

Народ и власть

В XX веке развитие ситуации с властью и демократией в мире нашло полное отражение в наших собственных национальных документах. Что говорят о принадлежности власти наши российские Конституции?

Принадлежность власти понятному, физически и юридически реальному субъекту заявлена только в 1906-м (император) и 1918-м (Советы).

В 1937 году власть Советам уже не принадлежит, но ещё осуществляется «в их лице». В 1978 году Советы вовсе из «лица» (то есть хоть какого-то субъекта) превращаются в чистый механизм («через» них), одновременно народ наконец-то номинируется на роль обладателя власти. Правда, тут же вводится другой субъект, с точки зрения английского языка (сила = power = власть) также являющийся субъектом власти, — КПСС. Так что власть либо принадлежит просто КПСС, гораздо более определённой по сравнению с народом (это как минимум организация), либо народу опять-таки «в лице» КПСС.

И наконец, действующая Конституция, 1993 год. Никакой принадлежности власти народу в России нет. Народ — лишь носитель суверенитета и единственный источник власти. Это метафизическое, беспредметное положение власти к народу является догматом светской религии демократии. Это чистый символ веры, прямо исключающий возможность реального народа-властителя. Всё честно. С этим согласен и демократический здравый смысл: власть не может действительно и актуально принадлежать народу, так как предполагает содержательную наличную непрерывную волю. «Народ» может обладать такой волей только в узком субъективном смысле — как самоназвание конкретного и немногочисленного коллектива людей, такого, например, как авторы американской Декларации независимости. Помните? «Мы, народ Соединённых Штатов...» Это конкретные люди себя так называли. Или же воля народа, который сам есть меньшинство общества — греко-римские свободные — формулируется разнообразным выборным магистратом.

Расширить такой коллектив воли к власти до массовых масштабов можно лишь в рамках тоталитарного проекта, то есть при достижении реального исторического единства воли. Масса, реально проявляющая не единую волю, а две несогласные воли, исторически неизбежно вступает в гражданскую войну.

Поэтому, разумеется, голосование и выборы — лишь имитация, иллюзия обладания властью. Население (народ в пассивном, объективном смысле, то, что нарождается, демография) не определяет ни содержания властных решений, ни личности тех, кто эти решения продвигает. Электорат выбирает между данными ему кандидатами. За кого бы ни голосовал избиратель, главное в акте голосования — легальный и легитимный отказ голосующего от собственного, личного обладания властью. И осуществляют этот отказ все голосующие. Чем выше явка, тем выше уровень отказа. Поэтому во многих современных западных демократиях голосование является принудительным. А по действующей Конституции в России власть не принадлежит не только народу, но и никому другому.

Открытое сословие и народовластие

Глубина контроля государства над государственным аппаратом — один из показательных критериев его (государства) мощи. Ведь государственный аппарат — это не само государство, а лишь его инструмент, в той мере, в которой государство может отвоевать его у общества.

Буржуазная борьба с государством, уклонение буржуазии от государственных обязанностей и сословной ответственности при захвате фактической власти делают государство слабым, неустойчивым, находящимся в постоянном кризисе. Государственный аппарат при этом приобретает самостоятельность и начинает отождествляться в глазах населения с государством. Этот своевольный госаппарат буржуазия объявляет самим неэффективным государством, с которым грех не воевать, от которого грех не освободиться. Такая «борьба» становится одним из имитационных процессов, на которых держится всеобщая управляемая демократия, её декорации.

Либерализм, на деле максимально ослабив государство, в своей риторике выставляет его всемогущим злом, с которым надо продолжать историческое противостояние. Речь при этом всегда в действительности идёт о государственном аппарате, которым буржуазия, то есть общество, продолжает скрыто пользоваться.

Отказ буржуазии стать формально закреплённым сословием власти и нести государственную ответственность за свои действия составляет суть современного цивилизационного кризиса.

Исторически буржуазия стала первым открытым сословием, войти в которое стало возможно не исключительно по рождению, но и по участию в деятельности, благодаря собственным усилиям. Однако первое открытое сословие не стало государственным и вообще отказалось быть сословием.

Советская империя России создала пример современного государственного сословия — формально закреплённого корпуса государственных людей, являющихся субъектами власти и государства, контролирующими государственный аппарат. Этим новым сословием стала коммунистическая партия — ВКП(б), КПСС.

В отличие от старых сословий, ВКП(б) — КПСС явилась тем полностью открытым сословием, не имеющим ограничений по рождению, которое впервые в истории стало основным носителем государственной власти. При этом институт императора, царя, суверена в Советской империи со-

хранился и эффективно действовал как одна из форм сущностного государства. Опираясь на открытое сословие, советский император — Генеральный секретарь — представлял интересы всего населения, подавляющей массы людей.

Неудивительно, что в таком представительстве (признаваемом и римской государственно-правовой мыслью) нет места конфликту интересов: государственный и народный интересы при этом тождественны. Государство открытого сословия не обслуживает в отличие от демократии — как сущностной, так и технической, — борьбу за раздел национального богатства среди элиты. Оно обслуживает синтетический и синэргический интерес всего социума — популяции, закрепившейся на исторически определённой территории благодаря собственному государству.

Мы впервые в истории создали полноценное государство открытого сословия, народное государство, выйдя за пределы любых демократических институтов и ответив на вопрос о принципе воспроизводства государства после буржуазной революции (капиталистической модернизации).

Народовластие в СССР осуществлялось за счёт социокультурных лифтов и разнообразных технических демократических процедур (выборов), главными и самыми существенными из которых были выдвижение и вотум доверия путём массового пополнения открытого государственного сословия из всего народного тела. Такое открытое сословие власти не могло не находиться под грузом неограниченной ответственности, один из исторических механизмов которой известен как репрессии. Но дело не в них. Без действительного желания служить народу, будучи выходцем из него, такое сословие не могло бы ставить и решать исторические задачи победы в войне, восстановления страны, построения социализма. А они ставились и решались.

Всех партийных руководителей выдвигала партия. И только они были реальной государственной властью. Право участия в процедурах вотума доверия («выборах») административным работникам было у каждого гражданина. Но не это главное. Главное в том, что каждый обладал реальным представительством своих интересов в системе народовластия. Именно этому уровню реальной публичной представленности интересов каждого гражданина никак не соответствовала западная цензовая техническая демократия буржуазии, именно для конкуренции с этим уровнем представленности интересов населения Запад вынужден был трансформировать техническую демократию во всеобщую.

Проектная демократия

Опыт СССР показывает, что демократии есть куда развиваться в её техническом приложении. Однако в революции 1985 — 1999 годов мы отказались развивать публичную власть и институционализировать управление социумом. Мы сделали шаг назад, не удержавшись в достигнутом историческом будущем. Естественно, возврат проходил под лозунгом «Мы отстали». Любой такой шаг в прошлое всегда означает комплексную цивилизационную деградацию.

Сегодня большинству становится ясно: мы если и отставали, то количественно, по богатству на душу населения. Что делать, жили без колоний,

на суровых северных территориях, требующих ресурсоёмкого освоения, да и воевали весь век — и по-горячему, и по-холодному. А качественно мы были впереди. И, безусловно, были суверенны. Могли строить собственные планы, иметь собственное будущее, в котором были уверены. Чтобы народ мог быть носителем суверенитета хотя бы теоретически, нужно, чтобы существовал сам суверенитет. Пока что наш суверенитет нами утрачен. И в первую очередь мы несуверенны в плане мировоззрения, вынуждены каждый день повторять навязанную нам примитивную идеологическую чушь, даже если вовсе в неё не верим.

Современная всеобщая демократия — это ширма, скрывающая сегодня в первую очередь реальных управляющих мировыми финансовыми потоками. Так как мировой центр этого управления (само его существование никем не оспаривается) находится не у нас, то на нашей территории это управление никак не может быть обращено к нашей общей, то есть государственной, народной пользе. Это чужой пылесос. Это управление может ставить лишь цели обогащения узкой местной группы, обеспечивающей внешнее управление. Причём не за счёт новой деятельности, а за счёт эксплуатации и перераспределения имеющихся общих ресурсов.

Российский денежный класс состоит только из тех, кто видит возможность обогащения через использование места в государственной власти в обмен на любое возможное обогащение внешних агентов. Поэтому у путинского правления при всей государственнической риторике сохраняется жёсткая несуверенная либеральная позиция в экономической политике.

Демократия — как современная, так и античная — никогда не заботилась о будущем, она всегда была механизмом сиюминутного согласования и баланса интересов общественной элиты. Те, кто имеет доступ к управлению социумом при современной всеобщей демократии, возможно, и планируют своё собственное будущее и даже весьма надолго. Вот только верим ли мы, что они обеспечат будущим и нас всех? Ведь при демократии каждый за себя.

Западная, прежде всего американская, пропаганда прямо обвиняет русских у власти в нарушении т.н. «стандартов демократии». Хотя богатые русские у власти эту демократию в принципе искренне любят, не научились ещё стоять за сценой, лезут на неё сами. Понятно, что за этими обвинениями стоит политика войны против российского государства как такового.

Однако вопрос всё равно остаётся: нужна ли нам всеобщая демократия, если да, то зачем и как её осваивать? Поможет ли в этом «импорт» демократии, хотя он и создаёт элементы внешнего управления страной, скорее всего, противоречащие нашим национальным интересам?

Этот круг вопросов принадлежит к историческим, философским и методологическим (а также научным, насколько это возможно) основаниям политики и идеологии. Он требует содержательного раскрытия. Ставить же цель непосредственно «прийти к демократии», «добиться демократии» — бессмысленно и означает лишь быть под чьим-то идеологическим (и не только) внешним управлением.

Буржуазная техническая демократия в эффективный период своего исторического существования использовала схему «правящая партия — оппозиция». Мы должны создать альтернативный институт публичной дискуссии в государственном открытом сословии, при котором эта дискуссия

будет не связана с задачами обновления правящей группы. Конкуренцию программ и проектов и конкуренцию персон за личное участие в отношениях власти нужно институционально разделить и развести. Поскольку в противном случае под видом проектов и программ конкурируют в действительности частные интересы.

Освоение такой схемы и будет, собственно, осмысленной технической демократизацией России, построением механизма воспроизводства власти и её подлинной легитимации, в том числе прекращением гражданского конфликта 1917 года и воссоединением нации. Такая дискуссия должна быть открыта проектно как способ развития и усиления нашей суверенной власти, поскольку в отличие от английской американской или французской истории социальной борьбы мы сегодня уже не имеем исторических предпосылок для двух или более партий — и слава богу.

В США две партии растут из Гражданской войны Севера и Юга, в Англии — из борьбы короны и парламента. В «новых» государствах — Германии и Италии, по сути, есть оппозиция «фашистов», замаскированных под христиан, и «антифашистов», т.е. левых. А у нас? Мы изжили «вторую», «белую» партию в полном составе. Наше общество социально-политически однородно, оно исторически «красное», несмотря на созданное искусственно за счёт приватизации имущественное неравенство.

Такая дискуссия должна быть частью обязательных процедур функционирования открытого сословия, формально и институционально закреплённой за корпусом граждан, выборных магистратов или сословных должностных лиц. В рамках такого проекта есть возможность какой-либо репатриации «белого» социального элемента.

Технической демократии как одному из механизмов осуществления власти, установления фактического баланса отношений между обществом и государством, разрешения конфликта допустимых интересов есть куда развиваться, если отбросить идолов всеобщей демократии, если освободить демократическую технику от светской демократической веры.

Россия имеет все возможности участвовать в развитии этой полезной демократии, которая есть содержательный способ вовлечения масс населения в деятельностные и исторические процессы, предполагающие активность личности. Поэтому не существует никакого «стандарта демократии». Есть открытый, развивающийся, незавершённый проект европейской цивилизации (как и коммунизм), могущий и обязанный иметь уникальные национально-исторические варианты реализации. В том числе и в плане процедурно-формальном.

Поэтому правильнее в плане проектной демократии говорить о демократизации управления, а не о демократизации власти. Первая должна сделать процессы управления публичными и доступными, превращать управление в самоуправление. Вторая — демократизация власти — в современном мире служит для дробления крупных многонациональных государств на этнические общины и группы местного эгоизма.

Необходимость дальнейшей демократизации управления стоит равным образом и перед Россией, и перед континентальной Европой, и перед США. В своей основе она представляет собой, прежде всего, раскрытие и освоение закрытого олигархической, сословной (и государственной)

тайной социального знания о действительной истории и действительном устройстве общества.

Формирование и осознание собственного и общего публичного интереса большими группами (массами) людей есть непереносимое условие участия населения в политической жизни. Гражданин должен быть способен разобраться в том, что есть зло, а что есть благо для него самого, для его семьи, для его общины, для его страны. А разобравшись, должен быть способен сделать правильный политический выбор, который «нелинеен» и не может быть простым «зеркальным» отражением экономических, этических и других частных устремлений. Только такая конструкция самоопределения позволяет говорить о действительных интересах гражданина. Такая способность к политическому самоопределению есть основное и единственное условие его устойчивости (иммунитета) от внешней идеологической и политической интервенции. Она же должна лежать в основе процедур, порождающих право на участие во власти, осуществление государственных полномочий.

Нашей проектной задачей является в том числе формирование общественных движений нового типа, способных формулировать и отстаивать интересы больших групп населения страны, в пределе — национальные (имперские) интересы за пределами открытого сословия. Такие движения сами не являются акантами воспроизводства власти в отличие от политических сословных сил. Главное назначение этих движений заключается в участии в публичной дискуссии, обязательной для политических сил открытого сословия, а отнюдь не в проявлении лояльности к одной из них.

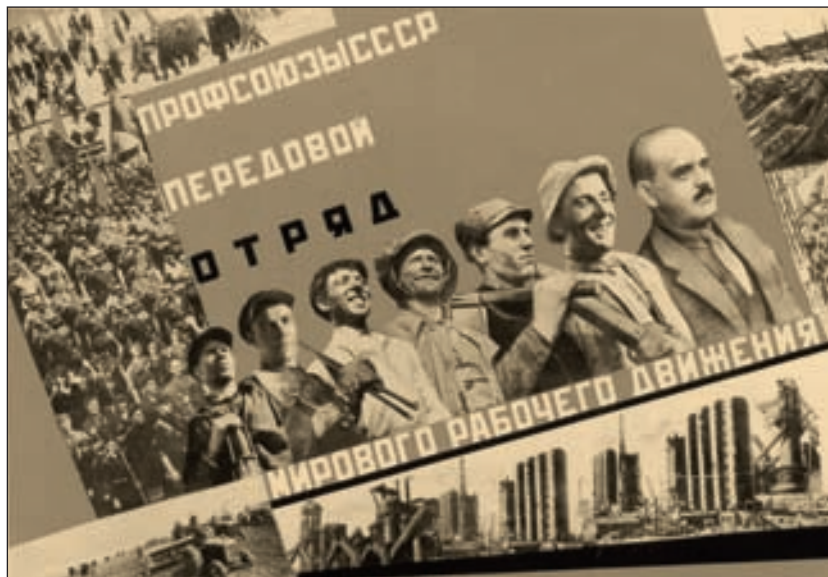
Глава 6. Наш социализм

К началу XX века социализм окончательно стал основной действительной идеологией цивилизованных европейских стран континента. Мы не были исключением. Так что вопрос был только в том, кто какую модель социализма разовьёт.

До США практика социалистического строительства добралась вместе с Великой депрессией и последовавшей политикой Рузвельта. Сегодня социалистическая структура общества в Западной Европе (и в США) замаскирована демократической светской верой и называется потребительским обществом.

Русский опыт социализма

Построенный нами (и нами же самими разрушенный) социализм был радикальным (в поздней стадии — развитым, это точное самоназвание), конкурентным по отношению к Западной Европе и вынужденно военным, начиная с Первой мировой войны и интервенции и кончая войной холодной.

Мы далеко зашли в реализации этого проекта, но наш исторический опыт пока не осмыслен, в первую очередь нами самими.

Мы полностью реализовали тезис «о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране».

Мы создали государственное управление суверенным (конкурентным, лидерским) хозяйством со специфической технической экономикой.

Однако мы заимствовали и приняли идеологию и язык потребительского общества, внося тезис (вульгарно выдернутый из сталинского контекста) о необходимости удовлетворения неуклонно возрастающих потребностей советских людей в программные документы партии и догматику коммунистической религии. За что заслужили от Китая и европейских левых справедливое обвинение в оппортунизме и чем положили начало разрушения собственного властного дискурса.

Западноевропейское и тем более американское общество потребления, созданное после Второй мировой войны как оппозиция социализму СССР, сразу проектировалось как компромисс с обществом капитала. Надо было и массы накормить (и перекормить), и чтобы буржуям сверхприбыли достались. Для этого необходимо было привлечь избыточные ресурсы, избыточные даже по сравнению с обычным стремлением капитала к сверхприбыли (что нормально для исторического опыта колониальных империй). Наши ресурсы с самого начала были ограничены пусть большой, но одной страной. Так что наш социализм обязан был быть аскетичным, а не гедонистическим. Но дело не только в уровне потребления. На историческом опыте мы исследовали, что может (и должно) быть обобществлено, а что останется или впервые станет индивидуальным. Процессы индивидуализации и коллективизации (коммунализации) за XX век сформировали на материале городских коммун общемировые привычки европейского цивилизованного человека в стремлении как к уединению, так и к общению.

Общность жён, заявленная Марксом, давно неактуальна. Кибуцы, фаланстеры и прочие формы общежития с максимальной коммунализацией жизни — социальная экзотика (чего, к сожалению, пока не скажешь о сохранившихся у нас коммунальных квартирах). Советский человек, как и западноевропейский (американский), всю свою жизнь стремился занять индивидуальное жильё, а в нём — индивидуальные комнаты для членов семьи. В праздники и мы, и «они» стремимся собраться на площадях. Улицы городов (за редчайшим исключением) не могут не быть в общем использовании. Современный городской коммунизм, сложившиеся стереотипы потребления в рамках городского образа жизни задают тот общий формат жизнеустройства европейской цивилизации, который уже не делится на «социалистический» и «капиталистический» сектор.

Житель мирового города, существующий исключительно через доступ к финансам, является универсальным буржуа. Разница только в количестве денег и престижности (относительном качестве) потребляемых благ. Таким образом, главным социальным процессом в таком обществе становится распределение. Знакомо?

Отличие между компромиссным (т.е. либеральным, буржуазно-демократическим общественным социализмом) и радикальным (т.е. советским, военным, планово-хозяйственным, государственным социализмом) в общем количестве распределяемых ресурсов и благ. Это количество определяет лимит затрат на индивидуальный гедонизм как бедных, так и богатых, а также на допустимую разницу в потреблении и социальном престиже (статусе) «верхов» и «низов». Либеральный индивидуалистический социализм второй половины XX века, построенный в США и Западной Европе, питается ресурсами всего мира. Советский государственный социализм опирался на собственные ресурсы «отдельно взятой» страны. Что ж, осаждённая крепость чаще всего проигрывает. Но это не значит, что либерально-социалистическое сообщество не столкнётся с той проблемой, с которой в своё время столкнулся СССР. Мировой финансовый неокOLONиализм не вечен. И социализм дефицита станет реальностью всего мира.

Советский социализм распределял «лишних», не включённых или слабо включённых в деятельность людей в трудовые коллективы, делая их социальными организациями, ответственными за порядок и стабильность, в условиях дефицита как деятельности, так и потребления. Социализм западный имел возможность управлять дефицитом деятельности и потребления без подчинения «лишней» массы коллективным ячейкам. Он обеспечивал — в точном соответствии со специфическим отличием либеральной идеологии от коммунистической — индивидуальный формат для имитации деятельности и необеспеченного деятельностью потребления.

Либеральная идеология провозглашает свободу потребления индивида. В обществе, модернизированном капиталом, в основе распределения богатств всё равно будет движение финансов, по отношению к которому капитал является способом управления в частных интересах. Иначе сверхбогатые не смогут стать таковыми. Стремление к потреблению имеет своей высшей степенью стремление к обладанию деньгами. Подкупая бедных суррогатным (с точки зрения самих сверхбогатых) потреблением

конкретных вещей, сверхбогатые понимают свою свободу потребления как свободу бесконечного аккумуляирования денег, как свободу обладания любой вещью и, прежде всего, финансами. В конечном счёте богатые «потребляют» сами деньги, концентрация которых и создаёт управленческие возможности.

Фактически же потребляемые богатыми при либеральном социализме предметы, разумеется, на порядки дороже аналогичных вещей, потребляемых бедными. Однако функционально это те же самые вещи. На материальном уровне разница потребления бедных и богатых оказывается символической, обосновывая тем самым миф равенства, необходимый богатым в обществе капитала для ухода от сословной ответственности. Богатый имеет «то же самое», а платит больше — соразмерно богатству. Это действительно так.

Правда, вещи для богатых имеют другое качество, служат долго — и морально, и физически, многие имеют инвестиционную природу, то есть растут в цене и становятся частью капитала, чего не скажешь о вещах для бедных. Так что в конечном счёте бедные платят за свои «одноразовые» вещи многократно и в результате больше богатых. Бедные не замечают этого на своем индивидуальном уровне, что не удивительно: ведь они не умеют управлять финансами. Но в целом в обществе на протяжении смены поколений бедные всё равно отличают себя от богатых как проигравшие состязание за обладание деньгами, то есть за потребление.

Шаткий социальный мир либерального социализма может сохранять, если уровень (качество и количество) массового потребления непрерывно и заметно растёт. В том числе и за пределами возможностей национального хозяйства и экономики, за счёт колониальной ренты. И не дай бог этому уровню начать снижаться хоть на миг — поскольку за таким снижением следует бунт сытых. Это явление социализма, которое пережили и мы в последнюю революцию 1985–1991 годов.

Хотя деньги, финансы — это фикция, управленческий инструмент, однако это инструмент по отношению к деятельности в целом, а не только по отношению к обмену или движению товаров. За ними всегда стоит командующий — тот, кто их концентрирует. В социальной структуре потребительского общества концентрация денег в конечном счёте обеспечивает и власть.

Но ведь власть по своему содержанию (в отличие от формы, т.е. противопоставления и добровольного подчинения большинства меньшинству) есть противопоставление личности индивиду (а значит, и обществу), ответственности за других. Именно личностный, персональный характер власти и принцип ответственности являются её содержательными основаниями, т.е. основаниями добровольного подчинения. Поэтому для либеральной социалистической идеологии и личность, и ответственность сущностно имеют природу денег и непосредственно измеряются и заменяются ими. Таким образом, деньгам в потребительском обществе приписывается собственная сущность.

Обоснование «природы» денег, их «естественного» существования, создание представления об их собственной сущности через идею стоимости — это идеологическая конструкция, созданная по заданию Иеремии

Бентама и использованная далее во всей линии английской экономической идеологии, включая и Маркса как европейского революционера и английского экономиста немецкого происхождения. Никакие финансовые технологии сами по себе не могут радикально повлиять на то, что собой представляет человеческая деятельность в данный исторический момент, увеличить её принципиально возможную «продуктивность» в отношении социальных благ.

Наш радикальный социализм обладал управленческой практикой в отношении деятельности как таковой и практикой распределения благ в условиях реального ресурсного баланса. Эти практики много сложнее свободы индивидуального потребления, они и есть пресловутая социальная справедливость, за знание которой нас упрекают либералы.

Способ реализации проекта

У Кубы, Китая, Северной Кореи, Швеции, СССР — совершенно разные модели социализма. Каждая страна строила свой социализм самостоятельно. Глобализация не отменяет этого факта. Мы должны были понять, что социалистическая контрреволюция — наше национальное, а не интернациональное явление. Так же, как когда-то национальным явлением был капитализм. Наш социализм — только для нас, в «одной, отдельно взятой стране».

Наша проблема не в том, какой именно социальный проект был реализован в Советской империи России. Наш проект социализма/коммунизма был, безусловно, конкурентоспособен, прогрессивен и стал вызовом всему миру, и в этом качестве был миром принят. Наша проблема в том, каков был способ реализации, каков был способ установления власти.

Российская советская власть использовала для своего обоснования, прежде всего, не содержание проекта, а сам статус страны-проекта («у нас всё будет по-новому»). Ведь мыслительная и деятельностная «конструкция» замысла, по существу, делает его пространством абсолютной власти проектировщика. Проект по методу — полностью реализуемая мысль. Других субъектов, кроме проектанта, в пространстве проекта нет. Этот методологический аспект проектной работы наложил на неминуемо военный характер руководства страной, вытекавший не столько из сути проекта социализма, сколько из традиционного оборонительного геополитического положения России.

В ходе непрекращающейся в XX веке мировой войны, работая над социальным проектом, мы не занимались политическим развитием методов его реализации. Приказной, административный, военизированный способ осуществления власти до сих пор является символом веры значительной части населения.

Мы до сих пор искренне считаем, что несогласные с «правильным» курсом должны быть устранены, т.к. они «мешают» рационально организованной деятельности. Мы искренне верим, что «начальник» у всякого дела должен быть один, иначе наступит «бардак». Мы не верим, что современный мир деятельности построен на принципе многих, не подчинённых друг другу управляющих «надстроек» над одним процессом деятельности,

на гетерархии управления, которая тем не менее не должна разрушать государство и власть, поскольку управление не должно использоваться в функции власти.

Религиозные догматы марксизма и русская революция

К 1917 году в России не было других идей по поводу нового общественного строя, кроме идеи социализма. В этом вопросе был достигнут идеологический консенсус. Вопрос заключался в практическом подходе, в том, какие силы, как и при каких обстоятельствах смогут использовать для этого власть.

Царская власть была уничтожена либерально-буржуазной революцией февраля. Более полугода в стране царила анархия. В конце концов, Россия оказалась в руках профессиональных революционеров, которые в своём уже далеко не первом поколении превратились в полноценную общественную элиту, стремящуюся к сокрушению старой власти и установлению самих себя на её место. Эти профессионалы обладали всеми необходимыми средствами: разветвлённой боевой организацией, пропагандой, революционной теорией критики и свержения старой власти.

Помимо совершения октябрьского переворота 1917-го им пришлось также преодолеть сопротивление либерально-буржуазной среды (в конечном счёте — путём уничтожения самой этой среды), а также привести к повиновению вооружившееся за годы войны население (в массе — крестьянское, но не только). В этом суть русской гражданской войны.

Но дальнейшее сохранение власти подразумевало государственное строительство. И никакого другого проекта, кроме социалистического, просто не было. Этот план вовсе не был программой большевистских марксистских террористов. Они владели лишь теорией разрушения и практикой захвата. С этого начинается история противоречия, определившая судьбу нашей версии социализма и ставшая содержанием русской истории XX века.

Догматы коммунистической светской веры, основанной Марксом, являются закономерным результатом разложения западного католического христианского сознания. Разложение это происходило с помощью протестантской революции, прежде всего английской, а также французского Просвещения, подражавшего последней. В коммунистических идеалах человек окончательно занимает место Бога и требует для себя соответствующих прав и полномочий.

Русский большевистский марксизм взял эти догматы на вооружение как идеологический таран против самодержавия, как средство подчинения членов боевой организации, ордена революционеров (и до взятия власти, и после) и как средство держать в повиновении остальное население. В новую веру должна была обратиться вся страна (что и было исполнено).

То, что в религиозную действительность марксизма вляпались русские, — неудивительно, в неё уверовал и остальной мир. Но русские, со свойственным им максимализмом, вляпались ещё и в гражданскую, а потом и в полноценную религиозную войну. Мы освоили всю многообразную

CORBIS/FOTOSA

инквизиционную практику религиозного преследования, пройденную католицизмом, и всё это в сжатые исторические сроки.

О разных сущностях социализма и коммунизма

Однако марксизм как философия, как теория общественного устройства вовсе не обладал позитивным содержанием. Многие авторы рубежа XIX и XX веков, способные взглянуть на Маркса трезво, без религиозного почитания, отмечали, что, по сути, Маркс — всего лишь буржуазный английский экономист (хоть и немецкий еврей по рождению), не вышедший в своей социальной философии за пределы теории Иеремии Бентама и реализовавший ту же программу, что была начата по заданию Бентама ещё Адамом Смитом. Такую оценку мы найдём и у Освальда Шпенглера, и у Сергея Николаевича Булгакова.

Маркс не предлагает ничего отличного от мечтаний либеральной и неолиберальной философии. Государство должно умереть. Личность должна свободно реализовать свой потенциал. Всё у неё должно быть, и ничего ей за это не будет. Личностью будет каждый. Благополучие Человека обеспечит развитие науки и техники, прогресс, развитие производительных сил. Всем правит экономический эгоизм (пусть коллективный, а не индивидуальный).

Марксистский коммунизм выражает страстное желание бедных овладеть благами богатых, но никак не проблематизирует природу самого бо-

гатства. Марксизм — строго та же пропаганда богатства, что и идеология буржуа, но только с обратным знаком. Пролетариат (абсолютно бедные) должен ограбить тех, кто ограбил их. Марксизм — та же английская философия грабежа, отрицающая государство и ставящая на его место общество.

Неудивительно, что, сохранив марксизм в качестве официальной государственной религии, на стадии «развитого социализма» мы записали в программу КПСС ценности потребительского общества (то есть якобы враждебного нам либерально-буржуазного проекта): «удовлетворение неуклонно возрастающих духовных и материальных потребностей советского человека». Противостояние закончилось конвергенцией систем, сближением стандартов коммунального и индивидуального потребления. Мы пали жертвой собственного «диалектического мышления».

Социалистический проект не имеет с вышеописанным ничего общего. Социализм есть забота о будущем и о целостности нации (народа, исторически практикующего политику и государственность). Социализм — это не социальная справедливость, когда нужно что-то у кого-то отнять и кому-то дать (это чисто коммунистическая идея). В противоположность коммунизму, где каждый живёт для себя, социализм есть, прежде всего, солидарность, где, по меткому выражению Шпенглера, «всё за всех».

Коммунизм стремится к «освобождению» труда, что есть его ликвидация по понятию как неизбежного отчуждения человеком своей сущности, своей жизни (по-гречески — души) ради чего-то отличного от себя. По сути, коммунизм выражает презрение к труду и обещает его историческое уничтожение, замену «творческой самореализацией». То есть богатством, ибо никакой другой социальной действительности у этой «самореализации» нет.

Социализм означает культуру труда как единственно осмысленного состояния человека, когда его жизнь посвящена всем остальным людям, с ним солидарным. Пределом пространства этой солидарности является государство, которое при социализме не упраздняется, напротив, — развивается и усиливается. Социализм — следующий шаг исторического развития власти, после того как власть основывается на богатстве и создаёт его как инструмент, после распространения власти на хозяйственно-экономические процессы (то есть после буржуазной революции).

Марксизм — «левое» движение, а социализм — точно нет. Социализм отрицает капитал как форму, ограничивающую развитие деятельности, но не рынок как нормальный хозяйственный механизм и средство управления обменом.

Коммунизм и сталинская практика государственного строительства

Идеология победившего большевизма была строго марксистской. В этом качестве она была священна — как средство удержания в подчинении, которое не подлежит обсуждению, и как «теория», которая не в состоянии объяснить и даже описать действительную практику хозяйственного, социального и государственного строительства. Абсурдность этого положе-

ния дел сформировала специфическую религиозную коммунистическую схоластику, известную как «научный коммунизм». Но не только.

В создавшейся ситуации кроется суть того, что называют «сталинскими репрессиями». Если Ленин как революционный практик был философским эклектиком, ему было наплевать, чем пользоваться, лишь бы добиться сиюминутных целей, то Сталин таким эклектиком быть не мог. Страна была «заряжена» на социалистическое строительство, и Сталин обязан был его обеспечивать. Однако «левые», большевики, марксисты были склонны к продолжению и углублению революции — и внутри страны, и во всемирном масштабе. Их приходилось утихомиривать и устранять.

А реальным строителям социализма нельзя было открыто формировать свою социалистическую теорию. Социализм должен был считаться промежуточным этапом на пути построения коммунизма, коим он не является и являться никак не может. Практики должны были делать своё дело, по сути, подпольно, тайно, без научной поддержки и идеологического прикрытия.

Отсюда — обширная практика секретности советского строя, видимая бесосновательность наказаний. Впоследствии либеральные идеологи припишут абсурд интеллектуальной ситуации патологическим характеристикам личности одного человека. Огромная страна должна была солидаризироваться, собраться, чтобы выжить в продолжение мировой войны. В сжатые сроки всех воров не пересажаешь, их можно только перестрелять. Не говоря уже о шпионах. И одновременно необходимо ради сохранения власти насаждать религию, не имеющую отношения к делу. А новых религиозных фанатиков не подпускать к практике государственного управления и строительства. Нам ещё предстоит разобраться в этом подробнее, и всё же теория маньяка на троне просто смехотворна в сравнении с реальной сложностью проблемы.

Падение и будущее русского социализма

Как и обещал Маркс, то, что однажды происходит как трагедия, второй раз возвращается в виде фарса. Объявленное (и не опровергнутое потом никем) обещание Хрущева о построении коммунизма к 80-му году поставило крест на возможности и попытках рефлексии нашей национальной исторической деятельности. В качестве коммунизма мы заслуженно и закономерно получили перестройку и Горбачёва. То есть свободу ничего не делать и надежду на рог изобилия «демократии», «рынка» и «общечеловеческих ценностей».

Что ж, коммунизм, как и его брат-близнец либеральный потребительский буржуазный демократизм, исходит из концепции неограниченности ресурсов, таящихся в социальном и техническом прогрессе. На деле неизбежный дефицит «неограниченности» покрывается грабежом и экологическим геноцидом «недочеловеков». Социализм как честное и открытое социальное знание исходит из явной ограниченности ресурсов.

Марксистский коммунизм, марксистская социальная философия лишены сущностного, онтологического ядра, знания об устройстве мира. Впрочем, этого ядра лишена почти вся западная философия — в этом суть кризиса западноевропейской цивилизации. Отсюда чисто марксистский,

БАМ. В ЕДИНОМ ПОРЫВЕ.

английский, натуралистический приём: заменить социальную философию философией «экономической», то есть формальным описанием активности «субъекта», которому позволено всё — вплоть до его способности «обмануть» мир.

Принцип примата экономической действительности в философском мышлении, предельно ясно сформулированный марксизмом, — это способ скрыть кризис онтологии и не отвечать на основной вопрос философии, а значит, и исторической практики: что есть мир и кто мы такие? Экономизм, внедрённый в западноевропейское мышление марксизмом, есть способ маскировки онтологических проблем со всеми последствиями такой интеллектуальной тактики.

Мы не смогли сохранить и развить свой социализм, поскольку не в состоянии были понять и проанализировать сделанное, ясно сформулировать цели и проблемы. Продолжение социалистического проекта (а другой исторической альтернативы нет) потребует от нас осознанного построения онтологии освоения планеты, проектирования хозяйственно-экономических механизмов солидарности как неограниченного роста населения и накопления ресурсов жизни и деятельности на ограниченной территории. Роста и накопления, не требующего ограбления мира и экспансии, за пределами любых натуралистических мальтузианских представлений, по сей день живущих в любой чисто экономической, то есть формальной и натуралистической системе взглядов на человеческую деятельность.

Наш шанс в том, что мы прошли по этому проблемному историческому пути гораздо дальше других.

Как бы ни различались «экономические модели» социализма в различных странах Латинской Америки, Западной Европы или мира англосаксонской культуры, все они — всего лишь конкурентная и дополнительная ими-

тация социализма, основанная на обществе потребления и пропаганде социальной справедливости. Все они исповедуют марксистско-либеральный тип левой идеологии, практикуют либеральную всеобщую представительную демократию, то есть являются буржуазными обществами, основанными на стремлении к богатству и бегстве от труда. Опыта реального солидарного государства, то есть подлинного исторического социализма в отличие от нас у них нет.

Никакого социализма не построил и Китай, перешедший от чисто коммунистической практики к её зеркальной кальке — капитализму. То же можно сказать о Вьетнаме. Куба и Северная Корея остаются коммунистическими странами, то есть чистым логическим отрицанием капитализма.

Социализм в отличие от коммунизма не противоположность капитализма, а следующая стадия развития цивилизации, как бы мы её ни оценивали в категориях «хорошо-плохо», «нравится-не нравится», «хочу-не хочу». Альтернатива социализму одна: грабить самим или быть ограбленными.

Развитие сферы расширенного воспроизводства человека как историческая цель для России

Нам сегодня нужен социализм, ориентированный на инвестиции в сферу воспроизводства человека. Этот инвестиционный цикл должен изначально проектироваться как сверхдлинный, заведомо недоступный частному планированию, альтернативный инвестициям в товарное производство и даже инфраструктуру, которые при капиталистическом способе организации общества и экономики не способны поглощать избыточный капитал и не обеспечены ростом рынков сбыта в постколониальной глобальной экономике. Государство должно обеспечить развитие этой сферы. В этом его главная функция в преодолении цивилизационного кризиса общества, модернизированного капиталом.

Воспроизводство (в т.ч. и расширенное воспроизводство) человека, конечно же, не является естественным природным процессом. Человек рождается, формируется, воспитывается и обучается, вводится в культурно-исторические и духовные измерения системным комплексом общественных институтов и практик. Поэтому можно говорить об особой полисфере воспроизводства человека, включающей в себя сферы образования, здравоохранения, культуры, религии, семьи. От качества этой сферы зависит и качество человека, которого она производит. Само состояние сферы воспроизводства человека определяется, в свою очередь, историческим типом общественного устройства.

Демографическая проблематика вторична по отношению к состоянию данной сферы. Если плохи дела во всей сфере воспроизводства человека, то не будет и частного процесса — рождения детей. Рождаемость — системный критерий состояния сферы воспроизводства человека.

Такой системный и комплексный взгляд позволяет, например, ответить на вопрос, почему падает рождаемость в обществе потребления. Общество потребления разрушает институт семьи. В экономической парадигме потребления и обществе конкуренции дети не нужны: рождение ребёнка снижает уровень потребления. Лучше делать карьеру, больше за-

рабатывать, ездить на всё более дорогих машинах и т.п. Поэтому общество потребления не самовоспроизводится: дети никому там не нужны. Если дети становятся не более чем участниками конфликта интересов поколений, то их и не будет.

Кроме того, эксплуатация человека через потребление оказалась наиболее сильной формой эксплуатации. Именно потребительское общество изгнало женщину из семьи, переориентировало её на участие в социально-производственных отношениях. Женщина сегодня «самореализуется» через карьеру, а не в семье. Дети перестали быть для неё приоритетом.

Вообще следует радикально отказаться от прагматического взгляда на воспроизводство человека. Сегодня этот процесс сам подчинён экономике и обслуживает её. Как следствие, процессы воспроизводства человека конфликтуют с процессами воспроизводства деятельности, приводя, с одной стороны, к появлению «лишних» людей, не включённых в деятельность, а с другой — к кризису рождаемости, когда в одних регионах она избыточна, и дети не получают не только образования, но даже имён и пищи, а в других дефицитна и ведёт к старению популяции. Существование, воспроизводство и развитие сферы расширенного воспроизводства человека должно стать не средством решения других проблем, а исторической целью существования страны. Целью, которая сама будет превращать все остальные проекты в средства и, соответственно, «оправдывать» их существование. Поскольку именно эта сфера отвечает за воспроизводство жизни, то есть не только экономического, но и до-, вне- и надэкономического факторов существования народа (нации).

Вся деятельность этой сферы имеет до-, над- и внеэкономический смысл. Более того, именно инвестиции в неё придают смысл и самой экономике как ресурсному источнику для гуманитарной сферы.

Нам необходимо организовать перетекание ресурсов из сферы потребления в сферу воспроизводства человека. Ведь если цивилизационное назначение хозяйства в том, чтобы сделать человека независимым от естественной среды обитания, от природы, то назначение экономики как управляющей деятельности по отношению к хозяйству — сделать человека независимым, освободить от хозяйственной деятельности, создав возможности для других видов деятельности. Экономизация не должна выходить за границы хозяйства и претендовать на всеобщий цивилизационный статус. Другие сферы деятельности — и в первую очередь сфера воспроизводства человека — должны использовать экономику как ресурс.

Социализм как альтернатива обществу потребления

Реорганизация сферы воспроизводства человека не может осуществляться через капиталистическую экономику, то есть расширяющиеся рынки расширяющегося потребления, которые обеспечивают самовозрастание капитала. Подчинение данной сферы этим инструментам разрушает её. Не говоря уже о том, что сам этот тип экономики, понимаемой как рамка для любого типа деятельности, как деятельность, способная ассимилировать любую другую деятельность, а не только хозяйство, находится в состоянии общепланетарного кризиса.

Поэтому нам нужен новый социализм — как тип общества, где экономические процессы подчинены логике системного развития других сфер деятельности, космического творчества, как сказали бы греки. Нам нужен социализм как альтернатива обществу потребления и конкуренции, как системный контекст, необходимый для развития сферы воспроизводства человека.

Нам надо ответить на принципиальный вопрос: во что втягивать наше население?

Точно не надо его втягивать в расширенное потребление, как в США и Западной Европе. Мы не сможем его обеспечить. Миф о единственности общества потребления как модели, к которой нужно и возможно стремиться, должен быть развеян.

Нужно втягивать людей в деятельность и самодеятельность, а также в новые образы жизни. Нам нужно освоение и современной конкурентоспособной деятельности, и наших ресурсов. Обеспечение потребностей должно быть производной от этих процессов, а не их целью.

Современное потребительское общество целенаправленно генерируется финансовым капитализмом и идеей самодеятельности и самодостаточности капитала. Мы же считаем, что капитал — это инструмент управления деятельностью и должен быть поставлен в определённые целевые, ценностные, деятельностные рамки.

Сделать это можно только в достаточно большом масштабе реализации — цивилизационном. Поэтому наша страна претендует не на то, чтобы быть «куском», фрагментом европейской цивилизации, а на то, чтобы воспроизвести и развивать на своей планетарно соразмерной территории цивилизационное целое.

Нам нужен реальный социализм, то есть свободный от системы денег и рынка доступ к социокультурным ресурсам для каждого гражданина. Мы должны воспроизвести реальный социализм в системном альянсе с конкурентоспособной суверенной экономикой, понимая, что социализм — это система поддержания и развития на коротких отрезках времени экономически неэффективных, но ценностно приоритетных и абсолютно необходимых для воспроизводства человека институтов общества, в частности:

- культуры;
- непотребительских моделей жизнедеятельности;
- свободной активности уже, ещё или временно неработающих людей;
- поисковых типов активности и самоопределения личности;
- здоровья как того, что не приносит дохода технологиям лечения болезней;
- образования как того, что не приносит дохода работодателям, эксплуатирующим профессиональную подготовку;
- увеличивающейся продолжительности нетрудовой жизни;
- счастливого детства.

Россия как центр цивилизационного развития

Есть страны с проектной культурой, проектным движением в истории. А есть те, кто живёт во мраке натуралистических предрассудков о естественном течении истории. Первые используют, эксплуатируют вторых.

Собственно европейская культура, учреждённая в философии идеализмом Платона, а в социальной практике христианством, изначально носит проективный, прожективный характер. Идеальное позволяет делать будущее предметом социальной и исторической практики. Так что непроектные в культурном отношении страны либо не принадлежат к кругу европейской культуры, либо забыли о своей принадлежности.

Мы всегда — с Крещения Руси до распада СССР — были проектной европейской страной. Приглашение варягов в правители, Крещение Руси, деятельность Ивана Грозного, модернизация Петра — Екатерины Великой, реформы Александра Освободителя, Столыпина, ленинско-сталинский Проект России — всё это проектные акты, модернизационная основа нашей культуры.

Россия в 1917 году заимствовала не прототипы (т.е. образцы, уже реализованные проекты), как, например, Япония в 1868 — 1898 годах, а европейский социалистический проект и европейский коммунистический прожект. Русский проект стал проектированием без прототипов. Для сравнения: о переходе к проектированию страны без прототипов Япония объявила только сейчас, в XXI веке.

Ленин предоставил нациям право на самоопределение, чтобы освободить площадку для проекта. Тем самым он отказался строить Россию как национальное государство. Россия определялась как такое общее цивилизационное пространство, в котором хватит места для самоопределившихся наций, поставивших свои исторические цели. Он отказался от заимствования образцов и сразу взял ещё не реализованные Западной Европой европейские идеи. В результате мы оказались в будущем — выиграли войны и восстановили хозяйство, на фоне объективных сверхиздержек установили достойный уровень жизни для всех и каждого. Западная Европа вынуждена была также строить элементы социализма, социальную защиту для своих граждан в рамках конкуренции с советской системой.

Единственный стратегический способ выжить (даже не выиграть) в глобальной конкуренции (глобальной мировой войне) — проектировать, и проектировать без прототипа. Любое заимствование реализованного образца в социальной организации приводит к более слабому, а чаще нежизнеспособному по сравнению с оригиналом результату. Если же заимствование удалось, построенный по образцу социальный организм будет подчинён организму-оригиналу, возникает политика «обучения» как канал реализации власти.

Проект должен сверяться не с прототипом, а с собственной исторической ситуацией, с тем, что имеем только мы, и прежде всего мы. В соответствии с логикой управления развитием нужно воспроизвести социализм, который уже был однажды нами реально построен в самой его жизнеспособной и конкурентной форме, а коммунизм превратить из прожекта, позитивной утопии в проект.

Также следует признать, что мы (русские, россияне, жители России) никогда не были традиционным обществом — как и другие европейские лидеры. Мы — проектный социум. Но в отличие от Запада мы всегда были обществом, способным ставить эксперименты не на других, а на себе. Это

наш действительный исторический ресурс. По всей вероятности, мы единственные, кто может в экспериментальном режиме работать с разворачивающимся мировым кризисом.

Американский индивидуализм никогда не позволит работать в режиме социального эксперимента. Россия должна осознать себя экспериментальной площадкой, полигоном проектирования мирового будущего. Такое осознание себя позволяет признать неизбежность давления на человека, которое оказывает не что-нибудь и не кто-нибудь, а История. Именно в России люди могут обладать массовым, распространённым историческим самосознанием, не быть «навозом Истории».

Многие говорят, что Россия должна искать своё место в мире. Это полная ерунда. Россия так же, как Северная и Латинская Америки, — это протуберанец европейской эмиграции и экспансии европейской цивилизации на новые территории. Место России в мире — сама Россия. Её миссия — создавать исторические шансы и возможности для развития европейской цивилизации в целом, открывать новые пути. Осмысленно ставить перед собой исторические цели Россия может только в цивилизационной конкуренции с Северной и Южной Америками, материнской Европой.

Вопрос об исторической привлекательности России для народов Земли в данной постановке решается просто: те, кто не готов экспериментировать над собой в историческом процессе, должны уехать, а те, кто готов и хочет, должны приехать. Языком исторического и цивилизационного эксперимента должен быть русский язык. Мы должны строить не «страну гарантий», а «страну возможностей», понимая, что это не имеет никакого отношения к англосаксонскому либерализму.

Нам важна наша цивилизационная претензия, материалом для реализации которой является весь мир. Строить Россию как страну в первую очередь для комфортного проживания — значит потерять Россию. У нас может быть проект страны только планетарного масштаба. Только так можно конкурировать с аналогичными проектами США и Китая.

Жизнь в России должна быть испытанием для современного человека и групп людей, никто не должен обещать, что она будет лёгкой, но она должна иметь исторический смысл, она должна быть захватывающе интересной.

Часть 2.

Наша ситуация

с. 102

Глава 1. Наше место в мировом распределении богатств

Мы — единственная в мире территория континентального масштаба, которая не была колонизирована. Этот факт кратко и ёмко сформулирован американским руководством в публичном заявлении, что несправедливо, когда столько природных богатств достаётся одной стране. А без них не могут создаваться все те блага, на которых держится потребительское общество, в том числе и наше.

Наш уровень потребления хотя и ниже, чем у стран G7, но он непропорционально, недопустимо высок по сравнению с «внутренними» Бразилией, Индией и Китаем, не говоря уже об Африке в целом, — и это после двадцати лет падения! Свой вклад в наш уровень потребления вносит не только природная составляющая (вместе с техническим и социальным комплексом её освоения), но и структуры воспроизводства и развития современной деятельности как таковые: наука, образование, здравоохранение, культура, наличные знания и компетентность, технологии и производства. То есть то, что, собственно, и является национальным рабочим капиталом, если отвлечься от финансовых фикций.

Практически весь этот капитал создан предшествующим государственным плановым хозяйством. Смена системных условий привела к его деградации. С целью уменьшения нашего уровня потребления этот капитал должен максимально быстро деградировать и дальше. Чему весьма будут способствовать:

CORBIS/FOTOSA

— дальнейшая демократизация извне, то есть расщепление власти по национально-территориальному признаку;

— принятие так называемых «стандартов» в области образования и науки, то есть фиксация заведомо «догоняющих» целей вместо лидерских;

— свобода торговли, то есть предоставление другим государствам преимуществ в продвижении своих товаров при блокировании наших.

Прямое изъятие стратегических ресурсов и «сладких» территорий при полном непротивлении местных демократических самоуправлений после наведения у нас «демократического порядка» — завершающий этап программы колонизации территории России.

Мы сегодня — абсолютно однородная часть мирового европейски цивилизованного потребительского общества, ничем принципиально не отличающаяся от США (и других G7): набор городских коммун, «пустое» пространство между которыми «прошито» скоростным транспортом. Это глобальное потребительское общество при всём восхвалении всего «постиндустриального» в действительности никуда не ушло от дефицита потребляемых благ. Более того, организованное и управляемое капиталом, оно в принципе не может обойтись без такого дефицита, так как дефицит — основа высокой стоимости товаров. Членство в социальных сетях и компьютерные игры не могут компенсировать отсутствия личного жилья и пространства, здоровья, пищи, рекреации, полового партнёра, возможностей перемещаться.

Так что жалеть нас некому и незачем, тем более желать «добра» в материальном плане. Нам всё ещё очень даже есть что терять. И мы, безусловно, потеряем свою долю в мировом распределении, если вместо знания о реальных механизмах этого распределения будем пользоваться утопическими иллюзиями, навязываемыми нам для интеллектуальной дезориентации. Если раньше наш уровень жизни защищала «огненная стена» иначе

С. 104

организованной деятельности, принципиально другое системное, более сложное устройство хозяйства, то сегодня нас защищают только государственные границы, государство как таковое.

Это обстоятельство резко поднимает уровень требований к нашему государству по сравнению с советским периодом истории России, как ни парадоксально это звучит, а вовсе не по отношению к сегодняшнему недогосударству. Если, конечно, мы не хотим добровольно раздать своё добро и пойти по миру.

Удержание и тем более повышение уровня потребления невозможно без реального включения государства в общемировую борьбу за перераспределение богатств, имеющую мало общего с курсом приватизации, остающимся единственным реальным политэкономическим курсом по сегодняшний день. И это не замаскировать лозунгами «модернизации экономики», придания ей «инновационного характера». Ведь все эти слова — не более чем новая формулировка тезисов об «ускорении научно-технического прогресса» (Горбачёв) и «эффективности рынка» (Гайдар). И если государство нуждается в поддержке своих граждан, оно должно будет объяснить им механизмы этой мировой политики распределения без всякой политкорректности, цензуры и оглядок на «большого брата».

Финансовая сущность капитализма

Современный капитализм вырос на плечах торговли и ссудного процента. Центр этого мира и, соответственно, место концентрации основных капиталов перемещались из Флоренции в Венецию, далее в Голландию и, наконец, в Британию и США.

Капиталы формировались во многом за счёт обмана целых стран, неравноценного обмена и принуждения к кабальному договору. Вспомним хотя бы о знаменитом обмене стеклянных бус на золото, слоновую кость и рабов в Африке. Изъятие золота на американских континентах времён их покорения цивилизованными европейцами происходило ещё проще: золото просто отбирали, а законных владельцев уничтожали.

К середине XVIII века Великобритания была и торговым, и колониальным мировым лидером, опережая и Испанию, и Францию. Прибыль на колониальных товарах составляла сотни, а порой и тысячи процентов. Капитал, сформированный за счёт колониальных и торговых сверхприбылей, был в достаточном для инвестиций количестве к тому времени только у британцев. Фактически только они имели возможность инвестировать крупные «временно свободные» средства в промышленные разработки. Поэтому они и стали лидерами промышленной революции. Точно так же можно долго обсуждать роль либерализма в промышленной революции в США в конце XIX века, однако если бы американцам не удалось сформировать к тому времени крупные капиталы на работоторговле и рабском труде, то вряд ли бы в США состоялась индустриализация.

Само промышленное производство товаров главной целью имело создание сверхприбыли через объёмы сбыта — прежде всего на экспорт. И расширение рынка сбыта всегда было ахиллесовой пятой промышленной модели капитализма. Переход к промышленному производству всё новых

товарных групп неизбежно приводил к «кризису перепроизводства». Финансовая сущность капитализма никуда не исчезла в результате промышленной революции.

Финансовые схемы США

Оказавшись в борьбе за мировое господство перед лицом превосходящего по силе противника — СССР, Северо-Американские Соединённые Штаты вынуждены были не только выстроить собственную, альтернативную коммунизму светскую веру в демократию, но и искать вполне «посюсторонний» механизм концентрации экономических ресурсов, который мог бы противостоять экономической мощи СССР и социалистического лагеря в целом. После окончания Второй мировой войны это обстоятельство стало ключевым и определяющим для процессов мировой экономики.

Участие США во Второй мировой было значимо для преодоления ими Великой депрессии 1930-х и её последствий, однако основным «лекарством» всё равно выступила банальная девальвация доллара против золота. В начале этого процесса у всех граждан Соединённых Штатов отобрали всё физическое золото под страхом уголовного преследования, ввели мораторий на обмен долларов в собственности нерезидентов и других государств на золото. И только после этого обозначили новую — существенно меньшую — долю золотого наполнения доллара. Известные Бреттон-Вудские соглашения фиксировали такое наполнение доллара золотом, которое давало возможность эмиссионного финансирования хозяйства США в течение десятилетий. Тем более что после войны 2/3 золотого запаса мира в физическом выражении и так было сосредоточено в США. США поддерживали свои сверхприбыли также за счёт плана Маршалла — финансирования послевоенного восстановления Западной Европы. Однако финансовый потенциал и золотой девальвации доллара, и кредитов под восстановление европейского хозяйства «с нуля» к началу 60-х годов был исчерпан.

Вторая американская депрессия 1967–1980 годов была преодолена Соединёнными Штатами тем же способом — с помощью финансовой уловки, только с ещё большим цинизмом. Когда президент Французской Республики Шарль де Голль начал требовать обмена скопившихся у Франции долларов на реальное золото, он встретил жёсткое непонимание и противодействие американских властей. «Деголлевские» пароходы с наличными долларами обменяли на наличное золото — по Бреттон-Вудсу. Но другие государства получили отказ. А де Голля ждала студенческая революция 1968 года в Париже и отставка.

США ввели мораторий на обмен долларов, а затем и вовсе отказались от золотого стандарта. Эмиссионные возможности долларовой мировой финансовой системы снова резко и многократно выросли.

Однако этого хватило ненадолго. Фактически к 1973–1975 годам хозяйственно-экономическая система США окончательно проиграла СССР. Советская социалистическая система прямого управления всеми без исключения ресурсами оказалась эффективнее и конкурентоспособнее. Советская экономика обеспечила как валовые показатели в натуральном выражении, так и доступ населения к потребительским и социокультурным

благам, образованию и здоровью. Сегодня это настолько общеизвестно, что повторять эти прописные истины как-то неловко.

На деле именно плановое хозяйство и централизованное управление экономикой в СССР давало более высокие возможности мобилизации крупных производственных мощностей, позволяло управлять социальными процессами. Последствия военной разрухи в СССР были практически устранены. В то же время США вынуждены были поддерживать заявленный ими опережающий рост уровня потребления — и у себя за океаном, и в Западной Европе. Немаловажно, что такая ситуация очевидного проигрыша в реальной экономической гонке сложилась после того, как СССР понёс гигантские потери в ходе Второй мировой войны, а США, наоборот, на этой войне заработали.

К началу 70-х годов XX века ситуация стала критической, так как гонка вооружений легла непосильным бременем именно на плечи США. Политические инициативы ограничения роста вооружений исходили от американской стороны, которая уже не могла поддерживать паритетный рост мобилизационных мощностей. Америка стояла на пороге превращения экономического поражения в политическое.

Но этого не случилось, потому что высшее руководство СССР приняло решение «не валить» США, а ограничиться «разрядкой и разоружением». Советская сторона приняла это предложение американцев, посчитав его признаком слабости и уверовав, что в противостоянии двух держав произошёл коренной перелом — в нашу пользу. При этом темпы роста мобилизационно ориентированных производств в СССР были сохранены, американцы же их немедленно свернули. Мы считали себя победителями. Как выяснилось позже, совершенно напрасно.

США нашли очередное — и последнее — финансовое решение для выхода из очередного кризиса. Они начали занимать. Это политэкономическое изобретение получило название «рейганомика».

Финансовая победа США над СССР

Американский ответ на собственное поражение в 1970-х не мог лежать в силовой плоскости, хотя, казалось бы, ещё совсем недавно, во время Карибского кризиса 1962 года, другая модальность противоборства просто не предполагалась. В 70-е ответ США был подлинно асимметричным. Началось использование новой финансовой схемы, элементы которой, впрочем, были тщательно продуманы, подготовлены и задействованы ещё ранее, сразу после войны.

Мировыми «деньгами» после войны стал доллар — в том числе и с согласия СССР и лично Сталина. Особенность новых денег, кроме того, что именно они стали мировыми, заключалась в принципиальном отказе от металлического, то есть объективного обеспечения — с согласия всех участников новой финансовой системы. Таким образом, новые деньги обеспечивались только общей верой участников системы в США, в их мировую роль и платёжеспособность. Одобрив эту систему и мы. Мы тоже поверили в американский доллар.

Получение «валюты» — долларов США — от продажи нефти и газа стало одной из важнейших экономических задач нашего государства. На

эти нефте-, газодоллары мы стремились купить хоть что-нибудь, обычно втридорога и через посредников. Показательна в этом отношении история покупки нами у ФРГ труб большого диаметра для наших газопроводов в Западную Европу, прежде всего, в ту же Западную Германию. США были категорически против этого контракта. Технологии и знания купить было невозможно в принципе — как, впрочем, и сейчас. Вот такой вот «рынок». Поэтому «валюта» рассматривалась сначала как важный, но лишь один из многих экономических ресурсов. Однако, включившись так или иначе в мировую финансовую систему — систему североамериканского доллара, — мы действительно объективно «подписались» и под мировой верой в превосходство США. Неудивительно, что многочисленные работники внешнеэкономических и внешнеполитических ведомств Советского Союза стали одним из передовых отрядов по переносу к нам идеологии главенства Запада и уничтожения СССР.

Чтобы получить доллары, мы продавали нефть и газ, а США просто занимали у всего мира и печатали наличность. С начала 1980-х внешний долг США растёт уже не линейно, а по экспоненте. Фактически в дополнение к эмиссии запускается сверхэмиссия. Выпускаются ничем не обеспеченные наличные и безналичные доллары, государственные долговые обязательства, многочисленные дополнительные эмиссии ценных бумаг американских компаний и производных финансовых инструментов. Строится всем очевидная теперь — благодаря сегодняшнему кризису — американская долговая пирамида, обеспечивающая невиданное диспаритетное финансирование американской экономики против всего остального мира и, главное, против СССР.

При этом полученные средства направляются через механизм внутреннего кредита прежде всего в потребление (а вовсе не в опережающее развитие производства или науки), «витрину» свободного рынка и всеобщей либеральной демократии по-американски. Таким образом, решаются идеологические задачи противоборства не только с СССР, но и состязания с Западной Европой, которая тоже должна завидовать США.

Чтобы обеспечить приток со всего мира финансовых средств в пирамиду, создаётся общепланетарный миф об активах нового типа, о новом типе общества — постиндустриальном, которое якобы «уже строится» и которое приумножит втянутые со всего мира капиталы, обеспечит больший процент, чем оставшееся в историческом прошлом реальное и наличное индустриальное общество. Словами дело не ограничивается: проводится реальная деиндустриализация североамериканской экономики, с выносом производств в другие страны — Китай, в частности, и в Азию в целом. При этом особые отношения США с Китаем начинают выстраиваться именно тогда, когда превосходство СССР становится очевидным.

Создаются сверхдоходные мнимые активы как минимум двух типов. Во-первых, чисто финансовые — это основа любой пирамиды. Во-вторых, «активы развития», основанные на якобы «меняющих мир» изобретениях и открытиях. Ничего нового, именно этим и была реальная промышленная революция — тогда, когда она совершалась. Но теперь это в основном имитация открытий и изобретений, позволяющая «демонстрировать» якобы новый объём, качество и скорость научно-

технического прогресса, который объективно, напротив, сильно замедлился во второй половине XX века. Эти вторые («инновационные») активы прикрывают первые (финансовые пирамиды) биржевой игры на «капитализации», на «производных инструментах», на необеспеченных кредитах под потребление.

Мир в это поверил. И мы тоже. С учётом ещё более раннего признания нами доллара как актива судьба дальнейшего экономического «состояния» была очевидна. «Нереальная» экономика, располагающая неограниченным кредитом всего мира выиграет у любой реальной экономики, особенно если выигрыш фиксируется как решающее превосходство в «экономической идеологии».

Последнее очень важно, так как реальные экономические трудности, которые начал испытывать СССР непосредственно перед своим распадом (первый дефицитный бюджет вообще имел место лишь в 1989 году), никоим образом не могли быть сами по себе причиной катастрофы. Мы пережили и худшие времена — голод, разруху. Экономические трудности послужили лишь пусковым механизмом для финального крушения советской идеологии — светской веры в коммунизм-социализм и привели к краху власти, которая держалась на этой вере.

Последний удар

Экономические трудности СССР конкретного периода 1989 — 1991 годов (можно начать и с чуть более раннего времени) вообще имеют внешнюю искусственную природу (как с подвозом хлеба в Петроград 1917-го).

Может показаться странным, но трудно переоценить вклады в бюджет государства тех лет от продажи алкоголя и от кинопроката. Первый вклад выпал благодаря целенаправленной и совершенно бессмысленной в рамках декларированных целей антиалкогольной кампании (позже свободный рынок всей совокупностью своих факторов приведёт к несравнимо большей «алкоголизации» населения, но уже без всяких доходов государства от неё). Второй вклад — кинопрокат — увял как по причине общего идеологического поражения страны, так и в силу отказа государства финансировать кинопроизводство.

В то же время благодаря целенаправленным политическим усилиям США цена нефти упала до 7 долларов за баррель. Арабы получили в обмен на это доступ к внутреннему американскому рынку технологий и инвестиций. Так что окончательное «обезжиривание» СССР было точным тактическим манёвром, завершившим последний этап экономического «состояния», главной целью которого было убедить нас в нашей неспособности «догнать» Америку, хотя двумя десятилетиями ранее это было сделано. Но об этом предпочитают не вспоминать.

Вместе с откачкой финансов из бюджета было произведено стремительное вымывание (сброс) сверхдешёвой товарной массы за рубеж за счёт ликвидации государственной монополии внешней торговли, а также открытия частной конвертации наличных и безналичных рублей. Покупать стало нечего и не на что. Потребительское общество, сложившееся в СССР, взбунтовалось: коммунизм определялся в сознании людей уже не через по-

зитивную свободу, а через потребление и его характеристики. Идеологическая недопустимость джинсов, гамбургеров и видеомагнитофонов лишь дополняла картину.

Крах СССР стал крахом власти, фатально зависимой от деградировавшей и разложившейся светской веры. В ходе всей своей истории СССР так и оставался двойственным образованием. С одной стороны, Советский Союз фактически унаследовал и продолжил историю Российской империи, построив в том числе исторически реальное и успешное социалистическое государство. СССР стал Советской империей России. С другой стороны, эта историческая преемственность всегда в той или иной степени размывалась и затухивалась коммунистической верой-идеологией. Советский народ сказал несомненное «да» СССР как Советской империи России на референдуме 1990 года и несомненное «нет» как коммунистической «церкви» в момент путча ГКЧП в августе 1991-го.

Идеология финансового превосходства

Идеологически Советский Союз потерпел поражение уже в 1970-х, поскольку наши представления не позволили нам понять и просчитать стратегию США. Вместо этого мы стали заимствовать идеологию противника. В комплекс советской «недопобеды» над США в 1970-х вошёл не только принятый нами постулат о «мирном сосуществовании двух систем», хотя никакого мира в действительности это не принесло.

Мы подвергли критике за наши репрессии не революцию и её механизмы, как следовало бы, а государство, антипод революции, идеологически невероятно ослабив его. Мы произвели рецепцию идеологии потребительского общества, начав разбавлять и подменять ею специфически коммунистическую религию, перейдя от трактовки коммунизма как позитивной свободы к коммунизму как неограниченному потреблению. Мы взяли курс на консервацию существующего государственного устройства и механизмов власти, прекратили политическое проектирование.

Всё это мы могли себе позволить именно за счёт мощной, победившей в историческом соревновании реальных экономических систем экономики СССР и социалистического лагеря. СССР победил США в экономическом соревновании — как одно индустриальное общество побеждает другое, но упустил из виду финансовую сущность капитализма и не справился с разоблачением его политэкономической пропаганды.

США приложили значительные усилия для маскировки подлинных источников своего благополучия в XX веке. Первым источником сверхобогатения стало минимальное участие во Второй мировой войне с одновременным заработком на военных поставках, включая и советский ленд-лиз, вторым — финансирование восстановления Западной Европы. Поэтому мы не услышим в американском изложении истории XX века никакой другой версии, кроме той, что именно США победили фашизм и одновременно обуздали Сталина, а все народы должны сказать им «спасибо» за мудрую политику. Иными словами, сверхприбыли США справедливы.

Но есть и более серьёзная идеологическая маскировка второго и, наверное, основного источника североамериканского благополучия — эмиссионно-долговой финансовой схемы, подчинившей себе всю мировую финансовую систему.

Основой западной антисоветской пропаганды в период буржуазной революции 1985 — 1999 годов были безапелляционные философские утверждения прямой зависимости эффективности деятельности от форм социальной организации, ставшие официальной идеологией правящих групп — как горбачёвской, так и ельцинской. В эти рамки, по существу, попадает весь набор либеральной политэкономической аргументации: о преимуществах свободной торговли и рынка, частной собственности и отказа от государственного управления экономикой, индивидуализма по сравнению с коллективизмом и коммунализмом, расслоения общества на богатых и бедных, имущественного и социального неравенства вплоть до естественного социального отбора. Всё вышеперечисленное объявлялось не только необходимым, но и достаточным условием развития деятельности и общества, движущими силами истории, которые сдерживаются коммунистической властью СССР.

Это неверно. И то, что это неверно, уже довольно давно известно. Деятельность не является производной от социальной структуры. Всё точно наоборот: социальные структуры «растут» на подложке деятельности. Это установил ещё Маркс. «Производственные отношения» вынуждены исторически следовать за развитием «производительных сил». Советские постмарксисты показали ещё в тех же 1960 — 1970-х, что деятельность, её качество, мощь, степень развития определяются культурой, которую и нужно понимать как транслируемую сквозь историческое время совокупность норм, образцов и эталонов деятельности. Если мы хотим исторического прорыва, необходимо реформировать не формы социальной организации, а концентрировать культуру.

Это философское, то есть уже мировое, общедоступное понимание. Эксклюзивно — исторически раньше, чем все, чем кто-либо, — это понимали цари-модернизаторы: от Петра Великого до Иосифа Сталина. Чтобы обладать деятельностью, нужно обладать культурой. Социальная организация общества означает особенности и условия реализации деятельности. Из социальной организации следует лишь политика реализации. Сам исторический уровень деятельности един при единстве культуры.

Подчинив организацию деятельности социальной организации, как нас поучали западные идеологи, мы запустили механизм разрушения деятельности, её планомерной деградациии.

Советский проект — при всех претензиях к нему по части военизированного, упрощённого подхода к управлению экономикой — стратегически занимался концентрацией на нашей территории европейской культуры, добившись в принципе того же уровня цивилизационного развития деятельности, что и весь западный мир. Миф о деятельностином отставании СССР был заведомой и осознанной ложью.

Глава 2. Наша роль в управлении миром

Социализм, построенный в одной отдельно взятой стране (т.е. с опережением по отношению ко всему миру), плановое народное хозяйство с технической функцией денег, полностью контролируемой государством, неизбежно превращали нас в осаждённую крепость. Участие в мировой политике сводилось в этом случае исключительно к военному противостоянию, то есть упрощалось. Конечно, военное противостояние и раньше было основной характерной чертой российской политики. Такие коллективные договорённости с участием России, как «европейский концерт» XIX века, навсегда остались в прошлом. Хозяйственный суверенитет СССР был само собой разумеющимся. По мере построения «рыночного социализма» и капитализма в странах Западной Европы и США, конвергенции социальной структуры и образа жизни городских коммун Запада и СССР проблема противостояния свелась к вопросу о количестве ресурсов, доступных для поддержания потребления. США привычно изымали ресурсы из своей зоны влияния, мы же на свою только тратились.

Текущая политическая ситуация нашего государства в принципе нова. Россия вплоть до Первой мировой войны включительно находилась ровно в такой же ситуации. Промышленное развитие «отставало» от Англии, Франции и Германии. Развивали инфраструктуру (Транссиб, проект, позже ставший ГОЭЛРО, и прочее). При этом в состав России входили ещё и Польша, и Финляндия — с их автономией и сепаратизмом, так что Российская империя по многим признакам была федерацией. И ничего, справлялись, хотя системных проблем у государства было немало. Британия правила миром в явной форме империи, но не нами. Европейские дела без нас не решались в принципе.

Так что нам необходимо восстановить преемственность государственной политики (при этом период СССР вовсе не выпадает из цепи, а как раз становится её важным звеном, системным элементом) и мировой статус государства как империи. Это значит ставить цели по отношению к миру в целом, а не только в «региональном» масштабе.

Управление миром, какими бы завесами оно не было прикрыто, не может осуществляться вне и без осуществления власти, то есть открытого публичного приказа и публичного добровольного подчинения. Этот элемент всё равно присутствует. Конечно, США правят миром ещё более скрытно, нежели их культурно-исторический хозяин Британия. Подчинённые страны уже не входят в империю формально-юридически. Это избавляет США от ответственности за них и от социальных расходов. Но без применения власти никакие теневые, в том числе финансовые механизмы перераспределения ресурсов сами по себе не будут работать. Поэтому страны, которые видят выгоду в том, чтобы быть средством, а не объектом управления миром (прежде всего ЕС), и получают соответственно более высокую долю

в распределении мировых богатств, всё равно находятся во власти США. США же эту власть регулярно демонстрируют. А значит, в какой-то момент эти страны должны будут принять на себя критическую массу накопившихся мировых проблем.

Мы же не сможем играть роль мирового менеджера, аналогичного США, в силу внутренних причин. Мы не только не были колонизированы, но и сами никого не колонизировали. Мы только расширились. А наша практика распространения социализма принесла нам одни убытки с точки зрения англо-американских ценностей. Так что у нас просто нет соответствующего исторического опыта и идентичности. В глазах хозяев мира мы можем быть только объектом, никакого «среднего» уровня нам не светит.

Поэтому единственно осмысленная для нас историческая цель по отношению к миру на данном этапе состоит в разрушении сложившейся системы управления им. Это невозможно без лишения США их властного мирового статуса — как реального, так и символического. Это означает действительный пересмотр итогов Второй мировой войны: не территориальных, а политических. Практически такая ситуация будет хаосом. Но она лишь поставит других участников мировой политики в условия системной катастрофы, в которых мы живём уже 20 лет.

При этом мы должны будем решить проблему обороны нашей территории и уклонения от участия в возможной мировой войне или критической массе конфликтов, в которых США постараются утопить свои неисполнимые обязательства перед миром (не только финансовые, но и обязательства власти). Кроме того, придётся задействовать весь наш антикризисный опыт, а также внутреннее понимание механизмов социализма. «Политкорректная» формулировка такой цели звучит как тезис о необходимости (неизбежности) перехода к «многополярному миру». Этот тезис, собственно, уже озвучен. Теперь мы должны реально «подталкивать» мир в этом «многополярном» направлении, а не ограничиваться заявлениями.

Управление как современная форма господства

Либерально-демократический миф с возмущением отвергает проектный подход к истории и социуму в целом, причём на различных основаниях. С либеральной точки зрения проектирование просто невозможно, так как источником истории является не мышление, не Откровение, не картина мира, не ценности, не цели, а «свободная» воля всех индивидов. Точнее, сумма, «суперпозиция» всех индивидуальных волей, изначальный хаос. С другой стороны, согласно либеральной идеологии, проектирование, точнее, его попытки, безнравственны, так как являются подавлением этих индивидуальных волей, превращением многообразия их направленности в единый вектор. То есть проектирование принципиально «тоталитарно».

Оставим в стороне философскую критику либерализма, заключающуюся в том, что фактические, наличные, материальные индивиды производят в качестве своей «воли» именно те самые отвергаемые либерализмом исторически сложившиеся и культурно (нормативно) фиксированные ценности, картины мира, системные обстоятельства мышления и деятельности, которым эти индивиды подчинены. Оставим также в стороне то очевидное

РИА «НОВОСТИ»

С. 114

практическое обстоятельство, что в самой основе реального функционирования либерально-демократических институтов всегда лежит не «сумма» воля, а реальный общий, то есть прежде всего одинаковый интерес членов сообщества, ничуть не менее «тоталитарный» по своей природе консенсус, подчиняющий себе объединяющихся индивидов. Обратим внимание на то, что главные исторические носители либерального мифа на сегодня — США (или как более точно называл их Сталин — САСШ) сами придерживаются жёсткого проектного подхода в отношении не только собственной, но и мировой истории.

Собственно, такой подход вовсе не является позднейшим изобретением. Платоновский проект Государства имеет проекцию на планету в целом. Мысль о том, что государство и есть обитаемый человеком мир, уже содержит в себе идею завоевания внешнего, то есть ещё необитаемого мира, и в конечном счёте всего мира, в обоих смыслах. Так что стремление к мировому господству, понимаемое в XX веке как управление миром и появившееся как историческая практика вместе с войнами Александра Македонского, просто не может быть ни чем иным, как проектом по отношению к истории и социуму в целом.

После Второй мировой войны идея господства над миром базируется не только на завоевании территории (расширении империи, метрополии, колонизации), но и на специфическом отношении к управлению миром. Управляющий не властвует и не правит в буквальном смысле слова. Управляющий не имеет никакой ответственности за управляемого, поскольку формально последний полностью свободен, независим. Он (управляемый) уже не колония, а «суверенное», либерально-демократическое государство, самоуправление. Институционально эта негативная свобода — то, что отказался регулировать управляющий, — оформлена как глобальный свободный рынок, который якобы никем не контролируется. Управление — следующий шаг технической модернизации власти, освобождающий её от систематизации и контроля со стороны государства. Управляемый сам ставит перед собой те цели, которые нужны управляющему, и достигает их за собственный счёт. Новая власть над миром имеет отчётливо выраженный интеллектуальный, знаковый, рефлексивный, то есть мыследеятельностный механизм.

Глава 3. Проблема нашего суверенитета

Была ли реальной угроза глобальной ядерной войны? Была — во время Карибского кризиса 1962 года. После фактически установилась ситуация ядерного сдерживания, актуальная и по сей день.

Чем же тогда была гонка вооружений, ставшая одной из причин нашего разорения? Эффективным использованием угрозы войны, которой не будет, — при всех инцидентах и шпионской активности. При этом виновато в нашем разорении не развитие технологий, которое обеспечивал ВПК, а в первую очередь поддержание огромных (избыточных) мобилизационных мощностей в промышленности, огромной армии.

То, что мы купились, уступили в рефлексивной игре в угрозы, — следствие военного «упрощения» нашей имперской (мировой) политики. Мы защищали не столько государство России, сколько цивилизационную инновацию, радикальный социализм, общественный строй. Правда, военная победа в Великой Отечественной невозможна была без возвращения идей Родины-страны и Отечества-государства в корпус советской идеологии. Лозунг «За Родину, за Сталина!» (так писали) появился уже в период боёв на озере Хасан в 1938 году. Это почти точная идеологическая калька русского воинского девиза «За Веру, Царя и Отечество», получившего широкое распространение во время Первой мировой.

Но государство вернулось в идеологию (и политику) всё-таки в виде средства, а не в виде самостоятельной ценности. Государство служило социализму, а не социализм государству. Поэтому, когда социализм перестал быть историческим супердостижением, когда и Западная Европа, и США обзавелись социальными функциями государства и обществом потребления, мы наше государство как таковое защитить не смогли. Точнее, не захотели. Мы забыли, зачем оно нужно само по себе. А как средство сохранения мирового первенства оно стало бессмысленным.

Что защищаем и на чём стоим

Суверенитет — это содержание власти, ставшей государством. Это в первую очередь точное знание, что именно мы защищаем и от кого. Любые формальные рассуждения о суверенитете бессмысленны, как, например, ставшие популярными представления о полном и частичном суверенитете. Любая власть и государство вынуждены с кем-то считаться. Но понятие суверенитета для того и нужно, чтобы выделить сущности, ради которых и учреждаются государство и власть, которые являются исключительной сферой их господства. И одновременно основаниями самой власти и государственности, в отношении которых не может быть никакого компромисса с чьим-либо посторонним влиянием. Так что суверенитет либо есть, либо его нет. А если нет — то нет и государства.

28 ОКТЯБРЯ 1961 ГОДА. БЕРЛИН.

Мы уже навязали европейской цивилизации социализм (или были первыми в общей тенденции), так что сегодня его следует рассматривать в качестве средства, а не цели. Что мы должны защищать, если хотим выжить?

Ответ на этот вопрос является, по сути, переходом к проектированию государства и страны, к деятельности (мыследеятельности), собственно и определяющей историческую судьбу в рамках борьбы за своё место в европейской цивилизации. Не осуществляя проектной работы в отношении своего государства, мы просто не имеем никаких исторических шансов. Поэтому сама эта проектная деятельность (мыследеятельность) есть первый и обязательный элемент суверенитета, на который, разумеется, наложен внешний запрет — как управленческий («стандарты»), так и собственно властный («у вас должна быть демократия»). Кстати, прекратили мы политическое проектирование государства вовсе не в 1991-м, а гораздо раньше — сразу после смерти Сталина.

Ничего проектировать мы не сможем без суверенитета в области действительной философии и образования. В мире нет другой России, и понимание наших проблем — исключительно наша забота. Нам надо набраться смелости иметь собственный исторический взгляд на мир в целом и на себя в нём. Мы за общечеловеческие (т.е. для всех рас и этносов) ценности, но в нашем цивилизационном понимании человека. Поэтому надо восстановить и продолжить все линии русской мысли, обосновывающие

это понимание. А оно не является единым в сообществе европейской цивилизации.

Мы наследники платоновской линии, продолженной христианством: человек идет к Богу, который Сам сделал шаг навстречу человеку, стал человеком, умер как человек. Мы христиане, прошедшие через ересь человекобожия, через иллюзию превращения человека в Бога в её самом радикальном варианте. И мы при этом храним эталон христианской веры, который позволяет эту ересь преодолеть и избежать нового язычества. Мы противники аристотелевской линии философской мысли, продолженной английским натурализмом-эмпиризмом, согласно которой человек — политическое животное. Мы наследники немецкой философии, понимающей человека как государственного деятеля, обустроивающего жизнь народа, и мы противники английского философского понимания человека как эгоистического индивидуума (социального атома), ограниченного другими такими же индивидуумами. Поэтому в наших ценностных представлениях человек обладает не только правами, но и обязанностями, а также сущностями, которые одновременно и то и другое. Например, совестью. Мы отдаём себе отчёт в том, что каждому рождённому только предстоит стать человеком, поскольку это сущность духовная, а не материальная. Иными словами, без морально/этически/нравственного суверенитета мы никакого собственного государства не спроектируем.

Советское народное хозяйство было суверенным. Таковым же было хозяйство России в 1913 году. Сегодняшнее российское хозяйство ни в коей мере таковым не является. Хозяйственный суверенитет вовсе не предполагает полной материальной автаркии, когда всё жизненно значимое производится на территории государства. Но жизненно важные циклы, вынесенные за пределы территории, полностью или частично должны быть защищены политическими гарантиями. Разумеется, у нас нет и финансового суверенитета. Экономический суверенитет предполагает как хозяйственную, так и финансовую самодостаточность и самостоятельность.

Основная угроза территориальному суверенитету для нас формируется изнутри при соответствующем управлении извне. К общему демократическому инструментарию «цветных революций» на украинско-арабский манер в нашем случае противник хочет присовокупить как можно более мощный «национально-освободительный» фактор. Против подобного покушения на целостность страны ядерное сдерживание не работает. Если «Россия для русских», то она не для татар, не для якутов, не для башкир, не говоря уже о Кавказе и всех остальных этносах. Без общеимперских целей, входящих в понятие суверенитета, сохранение целостной территории России в исторической перспективе вряд ли возможно.

Вышеописанный «объём» суверенитета предполагает политику, выходящую за контуры военной доктрины. Кроме того, суверенитет как ядро власти и государства а priori не может быть тайным. Мы не можем не знать, что защищаем, на чём стоим. Народность суверенитета не имеет ничего общего с декоративными партийными программами представительной демократии, она есть общенародное согласие, консенсус, невозможный, если сам предмет его не дано знать и обсуждать.

Контрреволюция Путина и её ограниченность

Путинская власть в России до известной степени остановила «наступление» на страну, фактически развернув идеологию контрреволюции (по отношению к перестройке и 1991 году). В этом смысле в рамках аналогии с событиями начала XX века Путин и его группа — это скорее «красные», а не «белые». Хотя «белым» ценностям — от Деникина до Солженицына — новые «красные» исправно кланяются. Это одна из слабостей нынешней российской власти. Получив мандат легитимности от народа как антикризисный, а потому сугубо временный управляющий, Путин возглавил не белое (т.е. либерально-демократическое), как в феврале 1917 года, а красное (т.е. ориентированное на авторитаризм) «Временное правительство».

Впрочем, либералам оставили достаточно большое поле, отдав в их руки бизнес на всех бюджетных (и вообще государственных) возможностях. Экономика России осталась либеральной — несuverенной и непродуктивной.

Именно «красный цвет» путинского правительства дал ему устойчивость и время. С точки зрения наивысшей, то есть римской демократии это совершенно нормально и правильно. В период кризиса (именно кризиса, а не войны, которая велась постоянно) власть в Римской республике от двух консулов переходила к одному диктатору — до тех пор, пока положение не выправится. В нашем случае (как и в Риме) эту временность надо понимать не как краткость пребывания у власти, а как отсутствие решения проблемы воспроизводства власти и российского государства как такового в историческом плане. Новое красное «Временное правительство» хоть и выступило «против» олигархии в лице конкретных людей, оспаривавших его власть, но сохраняет олигархический характер власти как таковой, ограничив и переключив на себя взаимодействие российской олигархии с режимом внешнего управления страной.

Хотя группа Путина и провозгласила принципы политического суверенитета России, нужно понимать, что реализация этих принципов крайне ограничена полной потерей Россией экономической независимости, восстановление которой как цель пока даже не обсуждается. Это проблема. Реальные шаги в сторону такого суверенитета могут очень скоро привести к переходу холодной войны против нас в горячую фазу, так как именно экономическая несuverенность России — главное достижение Запада в период после революции 1991 года.

Несмотря на то что «партия Путина», правящая публично, выдвигает суверенитет в качестве краеугольной политической ценности, которую не приемлет находящаяся в тени строго проамериканская «партия Семьи Ельцина», путинское правление не выработало пока никакой новой политэкономии для России, кроме политэкономии дальнейшей приватизации и олигархизации. Путинское правление само плодит своих врагов, поддерживая достигнутый компромисс с «партией Семьи». Этот компромисс-консенсус ограничивает время путинского правления.

Чтобы оно было исторически результативным, могло добиться исторически необратимых результатов в усилении России, нужно ставить цели

создания государственной инвестиционной политэкономии, при которой государственные инвестиции станут политически защищены, а значит, управленчески и экономически эффективны. СССР такой политэкономией обладал. Текущие локальные попытки государственного инвестирования — Сочи, элементы инфраструктуры, заказы ВПК — разрозненны и единичны, а главное — рассматриваются властью как чисто экономические проекты без каких-либо системных политических эффектов. При этом на олигархизацию и приватизацию направляются несопоставимо большие государственные ресурсы.

Действительная постановка целей экономического суверенитета нереалистична вне проектного режима работы и проектного подхода, вне соответствующей политэкономии. В то же время нынешнее путинское «временное правительство» безотносительно к его внутренней персональной и концептуальной динамике на эту работу не подражалось, оно руководствуется натуралистической (а значит, вульгарно материалистической) концепцией истории, считая, что естественный характер процессов в ней является первичным. Возводя естественные процессы в ранг первичных, мы просто уступаем «право первой ночи» другому субъекту исторического процесса. В этом выражается принципиальная историческая ограниченность действующего путинского «временного правительства».

Проблему воспроизводства власти и государства в России невозможно решить вне возвращения в политическую действительность проектного подхода. Ведь для того только, чтобы вырастить, подготовить и образовать новое поколение людей, нужно 25 лет целенаправленной работы государства. По всем демократическим нормам за это время пройдёт 4–5 президентских сроков, президент должен смениться минимум 2–4 раза. Да и каждые выборы — это потрясение для страны в кризисе, если цели и проект государства не являются стабилизирующим фактором политики.

Преемственность государства и власти может быть основана в современном мире только на преемственности и воспроизводстве длительных проектов, а с учётом необходимого допроектирования и перепроектирования — на воспроизводстве и преемственности самой проектной работы. Современная политика и есть проектирование, распространение власти как на актуальное будущее — действительные цели, планы, проекты, программы всех участников деятельности, так и на будущее потенциальное — то, что ещё не свершилось.

Западная пропаганда: запрет на мышление и историю

Добавим теперь к вышеизложенному факт внешних репрессий, табу и запретов в отношении нашей собственной общественной коммуникации, рефлексии и мышления. Реальную историческую демократию нам обсуждать нельзя, реальную историю — тоже. Именно тогда, когда мы сами себе вроде бы рефлексии и анализ не запрещаем — как было в 70-е и 80-е годы, — нам её запрещает Запад через эффективные глобальные институты пропаганды и просто рекламы. Пропаганды и рекламы не только и

не столько политической, сколько мировоззренческой, причём товарная реклама — существенная часть последней. Механизм запрета всё тот же — религиозный. Наука пропаганды, взяв всё лучшее у доктора Геббельса — прежде всего принцип масштабов лжи, тотальной и бескомпромиссной, — шагнула далеко вперёд.

Главный миф, строящийся и одновременно эксплуатируемый этой системой рекламы и пропаганды, — миф постиндустриального общества, которому соответствует главная, исторически самая «прогрессивная» культура — культура постмодернизма. Ибо индустриальное общество произвело культуру модерна, а если точнее, наоборот, культура модерна создала индустриальное общество. На этот миф работают многие философские школы.

Наиболее существенное обстоятельство, ставшее очевидным в ходе текущего глобального кризиса, — собственно никакого постиндустриального общества не существует. Если либеральная демократия была идеологическим и институциональным противовесом реальному развитому социализму, то постиндустриализм и постмодернизм должны были выполнять (и выполняют) роль альтернативы утопическим идеям коммунизма. Ведь в постиндустриальном обществе уже решены все проблемы (и задачи) по удовлетворению всех потребностей, обеспечиваемых производством, которое «автоматично» и «невидимо». Люди должны заниматься (так и хочется сказать «производством») лишь увеличением массы и качества информации и знаний, а также свободным следованием своим наклонностям и представлениям.

Экономическая реальность, впрочем, совсем иная. Производство никуда не делось — оно просто вынесено в другие страны (например, из США в Китай) или в нём заняты эмигранты из других стран — новый пролетариат. Людям по-прежнему нужна пища, одежда, жильё, транспорт, жизненное пространство, а не только членство в социальных сетях. При этом нет никакого экспоненциального роста объёма знаний и информации, если подходить к ним с содержательной стороны. Напротив, по сравнению с XIX веком и началом XX века в фундаментальной науке наметился застой, количество важных открытий неумолимо сокращается. Поэтому обеспечить американскую эмиссию и займы «суммой технологий» не удалось. Пришлось привлекать миф об IT-технологиях, которые якобы доводят технологическую массу до «критической», но этот «пузырёк» быстро лопнул. В конечном счёте привлечённые мировые ресурсы ушли вовсе не в научные и технологические инвестиции «на благо всего мира» (или хотя бы САСШ), а в американское (и через возвратные каналы западноевропейское) потребление, необходимое для «честной конкуренции» с СССР, и количественный рост военной мощи САСШ для «защиты» от того же СССР.

Чем ближе крах финансовой пирамиды, тем больше денег ей требуется. Показательно, что пришедшийся очень «кстати» террористический акт 11/09/2001 произошёл после, а не до начала борьбы с т.н. «грязными» деньгами и введения для всех стран директив вновь созданной организации ФАТФ (1999). Теперь любая финансовая транзакция в мире происходит с ведома и разрешения властей САСШ.

Как не существует никакого постиндустриального общества, так нет и никакой действительной культуры постмодерна, в том числе в качестве поп-культуры. В её обличье выступает всё та же пропаганда. С очевидностью это проявляется в феномене так называемого современного искусства — contemporary art в отличие от modern art. Дохлая акула в формалине «стоит» миллионы долларов (т.е. её за эту сумму покупают), поскольку она якобы что-то означает. Символично (и не только символично, тут есть предмет для финансовой ревизии), что крупнейшие и дорогие коллекции подобного хлама приобретали именно банки. Реально это фиктивный актив в чистом виде.

А вот постмодернистское сознание в отличие от постмодернистской культуры реально существует, оно как раз явление массовое и обыденное. По сути, это продукт распада вульгарно-материалистического, натуралистического, «вещно» ориентированного сознания, считающего себя «отражением» реальности. Современный мир мышления и деятельности, его историческая реальность уже не вмещаются в такое натуралистическое «отражение» и не ухватываются им. Это натуралистическое сознание в XX веке «взорвалось» под натиском «отражаемого» и принципиально «неотразимого» мира мышления и деятельности и теперь разлетается миллиардами осколков, бессмысленные и бессвязные коллажи которых постмодернизм называет «текстами».

Точная метафора этого исторического события показана в фильме The Wall. Свихнувшись под давлением реальности, герой крушит вокруг себя окружающий его материальный мир, бывший миром его жизнеустройства. А потом задумчиво и бесконечно составляет из обломков фигуры и узоры. Это событие в культуре Запада ещё требует своей рефлексии, хотя его предпосылка уже осмыслена в начале XX века — как смерть Бога у Ницше, закат Европы у Шпенглера, забвение бытия у Хайдеггера.

Постмодернизм есть также и смерть повседневности, которая, видимо, не может исторически долго обходиться без Бога, без онтологий, обеспечивающих существование вещам. Вещи на метафизическом самообеспечении долго не выдерживают. Сначала отказ от онтологии приводит к вещному фетишизму сознания, гипостазированию вещей «самих по себе» (что в экономике соответствует сверхпотреблению), а потом к объявлению их чистой «кажимостью» и областью произвола индивидуального представления — да здравствует свобода и всеобщая демократия! В то время как онтологически фундированное мышление хорошо знает, что вещи существуют, но не такими, как кажутся (представляются) нам, и не сами по себе. Как говорится, если доктор поставил вам диагноз паранойя, это ещё не значит, что вас не преследуют.

Постмодернистская пропаганда отрицает любое полагание существования, любую онтологизацию и метафизику, объявляя их (и любое их проявление — например, ценности) тоталитарным актом, деспотией и диктатурой, авторитаризмом, насилием и нарушением прав человека. Без онтологии не может быть и никакого проекта. Поэтому русские — как, впрочем, и любая масса, обязанная подчиняться, — не должны ни в коем случае отдавать себе отчёт в исторической реальности своего существования, а значит, не должны иметь действительности своего государства.

Если в отношении русских это отрицание России как таковой, то в отношении американцев или европейцев — это маскировка и отрицание действительности их государств под декором всеобщей и формальной представительной демократии.

Так или иначе в основе «запретительной» пропаганды лежит экспорт западного кризиса религиозного сознания и мышления в восточную часть европейской цивилизации.

«Крепость» как стратегия

Сегодня, как, впрочем, и весь XX век, мы находимся на положении осаждённой крепости. Ничего не изменилось. Добить нас пока не удалось. Мы во многом слушаемся хозяев мира, но всё ещё потенциально самодостаточны. Наша крепость — это наша территория, наша инфраструктура и наше сознание, не доверяющее до конца постмодернистской пропаганде, наша культура. Сегодня нас больше защищают эти стены, нежели наша активность, деятельность.

Такое положение является стратегически проигрышным, особенно если принять во внимание неизбежную включённость России, Украины и Белоруссии в мировую (глобальную) систему хозяйства и разделения труда. При всём «богатстве выбора» нам в этой системе предложена незавидная роль: обмен сырья на импорт промышленных товаров, лекарств и продовольствия.

Далее последует требование радикально снизить цену и увеличить доступность нашего сырьевого продукта. И это будет требование, продиктованное общеевропейской цивилизационной «справедливостью». Ведь если отказаться от реальности собственной истории — чего от нас,

1962 ГОД. КАРИБСКИЙ КРИЗИС.

собственно, и добиваются, — то получится, что территорию, столь богатую полезными ископаемыми и столь большую, мы занимаем «случайно». Придётся освобождать — возможно, путём дробления Российской Федерации, а также и Украины на компактные «государства» под внешним управлением.

Причём в этом внешнем управлении нас ждёт прибалтийско-грузинская модель подчинения САСШ, а не модель ЕС и НАТО, созданная для подчинения Германии, Франции, Италии. Но можно очистить от нас территорию и путём «освободительной» войны — по иракской модели. Делу сильно поспособствует предательство и бунт внутри самой «крепости». Потенциально пригодны для активизации массового бунта два типа конфликтов: на национально-этнической почве и между богатыми и бедными. На Украине будут дополнительно эксплуатировать ещё и комплекс неполноценности: «проевропейскую» и «пророссийскую» ориентацию территорий.

Если мы не вернёмся к проектированию солидарных, справедливых обществ, обеспечиваемых цивилизационным, континентальным, а это означает имперским, а не национальным государством, наследующим историю как Российской империи, так и СССР, то особых исторических шансов на выживание у нас нет.

Самостояние

Нас действительно не подчинили, потому что мы не подчинились. Как и Соединённые Штаты Америки отказались подчиняться Британии. Однако в отличие от них нас никто не формировал — ни предшественники, такие как Рим, ни другие империи. Мы формировали и цивилизовали себя

25 ОКТЯБРЯ 1962 ГОДА.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
СССР В ООН В. ЗОРИН
ВЕСЕЛИТСЯ ПРИ
ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА
О РАЗМЕЩЕНИИ
СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ
РАКЕТ СРЕДНЕЙ
ДАЛЬНОСТИ НА КУБЕ.

CORBIS/FOTOSA

С. 124

сами, начав со свободного и осознанного выбора православной веры тысячу лет назад.

С этого пути — самостоятельного выбора, цивилизационного самоопределения — нам уже не свернуть. Альтернатива — потеря своей идентичности, цивилизационная смерть. Хотим мы того или нет, но мы и дальше должны исключительно сами заниматься своим цивилизационным продвижением в истории, то есть идти гордым и независимым путём самоопределения, жить своим умом. Любая «помощь» со стороны неизбежно окажется троянским конём. К своим целям и средствам их достижения нам придётся интеллектуально и культурно приходить самим, не соблазняясь пропагандой западных рецептов и «лёгких» путей, на основе принятия и обдумывания нами самими уже сделанного и с нами случившегося, нами продуманного, понятного и непонятого, то есть рефлексивно и исторически. Понимания этого нам в нашей истории часто не хватает.

О единстве культуры

Из сказанного вытекает ответ на важный вопрос, нужна ли России модернизация.

От сторонников российской самобытности можно часто услышать, что западное воздействие губительно для России, что нужно изолироваться от него, что Россия может жить только как крепость. Это неверно. Страной-крепостью по собственной воле в течение столетий была Япония до «вхождения в европейский концерт» во второй половине XIX века. Во второй половине XX века, особенно после падения СССР, такой крепостью вынужденно стала Куба. И что это им дало? После победы во Второй мировой войне мы жили за т.н. «железным занавесом». Ясно, что он имел в первую очередь военное значение (это значение и сегодня сохраняют визовые барьеры с Западом) и что «занавес» был воздвигнут в большей степени по инициативе западной, а не нашей стороны. Но что это нам дало? Мы не смогли — ни как элита (интеллигенция), ни как народ — разобраться интеллектуально с западной пропагандой, стать умнее её. В результате она стала средством внешнего управления нами, властью над нами на смене поколений.

Как ветви, выросшие из одного корня, мы генетически совместимы с Западом. То есть изобретённые им «вещи деятельности» (организованности) могут жить и у нас. Равно как и наоборот. Другое дело, что функция, назначение, смысл их, а значит, и способ существования будут меняться в зависимости от целого, от системного контекста. Отдельные «орудия» заимствуют у Запада и совершенно неевропейские цивилизации: огнестрельное оружие, промышленное производство или капиталистическую эксплуатацию труда.

Запад уверен, что таким образом сами эти цивилизации «перерождаются» на западный манер. Эта самоуверенность — не более чем элемент пропаганды. В действительности Запад убеждён в своём превосходстве, его позиция в отношении незападных народов откровенно расистская, что тщательно и системно скрывается.

Характерно, что сторонники отказа от обмена и коммуникации (в пределе — и от торговли) никогда не обсуждают вопрос, с какого момента,

ВЕНА. 3 ИЮНЯ 1961 ГОДА. КАРИБСКИЙ КРИЗИС ВПЕРЕДИ.

когда именно нужно «запереться». И что делать с уже заимствованными «вирусами» западной культуры: знаниями, нормами и образцами, — насколько надо вернуться назад. А это, в общем-то, невозможно, как и «родиться назад». Мышление, история не движутся вспять, они необратимы, каждый акт мышления перестраивает всё мышление, каждое историческое событие перестраивает всю историю. Поняв что-то и осознав, мы уже не можем этого «забыть». Забвение, отказ от пройденного означают не возврат, а смерть, исчезновение.

С. 126

Такая «славянофильская» и «евразийская» точка зрения неверна уже хотя бы потому, что все продукты европейской цивилизации принципиально универсальны — как военное применение пороха. Можно, конечно, не употреблять «из самобытности», но тогда нас (и любого другого) ждёт судьба японских самураев в столкновении с ружьями. А может, надо ещё что-то воспринять «до комплекта» и только потом запереться? Кто будет это определять и как?

Европейская цивилизация живёт в процессах непрерывного обмена и коммуникации, в которых и распространяются все результаты её развития. Иначе процессы её развития предполагают такое распространение и обмен в качестве необходимых механизмов. Государства обмениваются товарами и людьми, воюют и торгуют. Культура, философия, наука имеют лишь самые общие национальные формы присвоения и являются потенциально общими для всех носителей европейской цивилизации.

Так что модернизация — это исторический процесс конкуренции за опережающее присвоение (реализацию) достижений цивилизационного развития и управление развитием, имеющий характер стратегической игры.

В её рамках нет выбора: свою культуру необходимо мыслить как общецивилизационную, а её, в свою очередь, как свою. Ничто, кроме мифологии, не мешает делать это критически. Так, западная русофобия никак не останавливает Запад в его интенсивном и непрерывном исследовании, осмыслении, заимствовании и даже возвеличивании нашей культуры.

В пятисотлетней истории современного русского государства не было моментов, когда бы активная модернизационная позиция государства (государя) не совпадала бы с подъёмом империи и укреплением власти, а отказ от модернизации и установка на консервацию достигнутого не приводили бы к проигрышу империи в борьбе за существование и кризису самой власти и государства.

Христианство было воспринято русской цивилизацией в момент её рождения. Следующей революцией европейской цивилизации после христианства, продолжающей европейское развитие, стало появление науки Нового времени и новой инженерии. Поэтому XVIII век стал для России периодом рецепции этой революции, появления русской науки и техники, на эту цель направлены были модернизации Петра Великого и Екатерины Великой. Отсюда — Ломоносов, Академия наук, Московский университет.

Ломоносов (ученик Христиана Вольфа) утвердил важнейший принцип, заключающийся в том, что наша земля может рождать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов». Что мы можем и должны рассматривать науку как собственное дело, а не заимствование. Что обучение на Западе никак этому не противоречит, поскольку западная наука должна рассматриваться как наша собственная, и наоборот. После революции и войн этот принцип пришлось вспоминать заново. Пётр Капица (ученик Эрнеста Резерфорда) писал об этом Сталину в 1946 году и получил заинтересованный отклик именно на эту тему.

Глава 4. Вызов нам

Кто бы и как бы ни относился к революции 1991 года, падению строя и распаду СССР, главный исторический факт состоит в том, что осуществили это дело предатели, члены самой правящей элиты. Никаких «низов, которые не хотят», и «верхов, которые не могут», не было, была имитация того и другого. Был умело создан резко возросший дефицит потребления, приуроченный к нужному моменту. Члены партии власти предали и дело партии, и собственную страну и осуществили радикальную десоверенизацию собственного государства.

CORBIS/FOTOSA

С. 128

Чего мы можем ожидать от них, оставшихся во власти, и от призванных ими людей, внезапно разбогатевших на разделе общенародной собственности? На кого они будут работать (и работают)? Какой морали мы ждём от них? Какого государства? О ком они будут заботиться? Ведь это они выдвинули лозунг «Теперь каждый за себя». Никакой другой исторической политической позиции у «партии Семьи» нет и взяться неоткуда.

Предательство властной элиты в 1991-м — отнюдь не первое в нашей новейшей истории. Собственно, то же самое произошло в феврале 1917 года, когда Николая II генералы в створе с депутатами Думы и крупным капиталом уговорили, вынудили отречься от престола, после чего немедленно арестовали. Никаких насущных проблем, стоявших перед страной — окончание войны, прежде всего, — этот переворот не решил. Но он лишил страну власти и государства. Дальнейшая история показала, что такое предательство смывается только кровью — кто бы ни победил в гражданской войне. Чем смыть нынешнее предательство?

Мясорубка XX века, через которую прошла Россия и в которой она трижды должна была погибнуть (в 1918-м, 1941-м и 1991-м), лишила нас гигантского слоя людей, хранящих историческую память страны в истории своих семей. Аристократия покинула нас в Гражданскую (убита, эмигрировала). Люди, просто знающие две России, полегли на полях Великой Отечественной. Носители советского проекта были деморализованы в 90-е, опустелись, многие умерли, погибли. Всех, конечно, не перебили. Но значение действительного исторического знания (при дефиците памяти), являющегося нашим собственным анализом собственного исторического опыта, рефлексией (т.е. анализом собственной деятельности и мышления), в этих условиях неимоверно возрастает. Атака на нашу историю уже началась, давление будет усиливаться. Нас заставят отказаться от всех исторических оснований самоидентификации, в том числе от Победы в Великой Отечественной войне.

В войне можно победить. Отставание в науке, технике и технологиях можно преодолеть, даже стартуя в невыгодных условиях. Это убедительно показывает XX век в России. Необходимые потребительские блага можно обеспечить: чем сегодня айпады принципиально отличаются от джинсов 80-х? Дело, однако, в том, чтобы действительно ставить серьёзные задачи, а не производить имитацию деятельности. Как любое историческое усилие, эти задачи требуют политической воли. Кто её проявит? Кто поставит эти цели? Предатели, а также люди, поверившие, что их отцы и деды — преступники, ни ставить, ни решать подобных задач не могут и не будут. Потерянные поколения на это не способны.

Нам не обойтись без поколения, знающего правду. Если власть не воспроизводится внутри политики, нужно обращаться к более широкому контуру социокультурного воспроизводства деятельности. В этом отношении образование и культурная политика становятся для нас едва ли не высшими приоритетами государственной политики. Причём в первую очередь в отношении их суверенного содержания, а не стандартов рынка труда. Этот цикл занимает минимум двадцать лет. И все эти годы надо как-то продержаться на «аварийном» режиме власти и управления. Римская демократия в таких случаях назначала диктатора.

Как бы мы ни соблазнялись чужой заграничной жизнью со всеми её действительными и мнимыми богатствами, мы должны понять, что, подражая поведению малознакомых людей, мы не получим ни действительных богатств, ни преимуществ, ни судьбы этих людей. За своё придётся поработать, своё придётся отстаивать, обыгрывать «добрых советчиков», что им понравиться никак не может. И делать нужно будет то, что мы лучше умеем, а не что предлагают. Поскольку получить чужую жизнь «взаймы» на самом деле могут только немногие предатели.

Религиозное и геополитическое противостояние

Противостояние светской веры в демократию светской вере в коммунизм, которое «как бы» завершилось, лишь внешне похоже на идеологическое противостояние «нацизм — большевизм», сопровождавшее Великую Отечественную войну. События первого года войны показывают: в глазах многих советских людей нацизм не был лишён бытового и идейного обаяния. Однако он никак не может быть поставлен в один ряд с двумя вариантами универсальной религии человекобожия — либерализмом и коммунизмом.

Если у нацизма и есть философское основание, что-то, что попало в эклектичный нацистский миф из философии жизни, то это скорее возврат в домонотеистический период философии. Жизнь как самосущее произвела человека, который точно не является её конечной целью. Жизнь в своём космическом и историческом стремлении ведёт от человека к Сверхчеловеку, который, впрочем, понимается вполне по-сторонне. Он не Бог — ни в явной, ни в скрытой форме. Философия жизни фиксирует «смерть Бога» как факт разложения европейского религиозного сознания, но не предлагает спасения в рамках новой религии «без Бога». Эти взгляды не смогли стать универсальной догматикой светской веры, предлагаемой любому человеку планеты Земля в отличие от коммунизма и либерализма.

Фашизм как таковой — без идеологии нацизма, которой он пользовался в случае гитлеровской Германии, — есть лишь доведённая до исторического предела практика укрепления власти национального государства и его противопоставления интернациональному империализму — неважно коммунистическому или либеральному. Фашизм есть национализм. Фашизм есть также утопическая идея и попытка построить империю по принципу национального государства, в этом своём имперском приложении он становится нацизмом. Нацизм есть расизм.

В этом отношении все государства континентальной Западной Европы, после Первой мировой войны утратившие исторический имперский статус, тяготели к фашистской форме организации власти, которая в том числе обещала решение конфликта труда и капитала. Именно поэтому гитлеровская Германия в той или иной форме смогла взять в свои руки в борьбе с США, СССР и Великобританией, сохранившимися империями, ресурсы всех стран континентальной Западной Европы, в том числе и «нейтральных». Именно поэтому таким лёгким оказалось завоевание других европейских стран или военный союз с ними. Вся континентальная Западная Европа

воевала с нами как непосредственно участвуя в военном противостоянии, так и передавая Гитлеру необходимые ресурсы.

Наша война с гитлеровской Германией в первую очередь была войной многонационального русского народа Советской империи России, других народов Восточной Европы с немецким национальным государством, его народом и стоящей за ними Западной Европой, а не войной коммунистов против нацистов. Представить Великую Отечественную войну как борьбу коммунистической и нацистской идеологий стремятся, прежде всего, англо-саксонские ревизионисты историки, так как в соответствии со своими геополитическими целями США и Великобритания намеревались использовать Гитлера для уничтожения СССР — России, хотя и не собирались отдавать ему Европу и допускать создания германской империи.

Бескровная победа США над СССР, приведшая к его демонтажу и беспрецедентному разграблению за счёт декапитализации реальных советских активов (для мнимой экономики США это было принципиально), дала возможность американской пирамиде (и участвующей в ней Западной Европе) продержаться ещё как минимум десятилетие. Нет никаких оснований считать, что цели такого демонтажа и грабежа сняты с повестки дня и не распространяются на Российскую Федерацию, Украину и Белоруссию в их сегодняшних границах.

Целью мировой войны, начатой в 1914 году и продолжающейся попеременно то в горячей, то в холодной фазах, является окончательное решение русского вопроса и уничтожение русского исторически преемственного государства как цивилизационной, политической и географической реальности. Разумеется, лучше всего достичь этого усилиями самих русских. Поэтому окончание собственно религиозного противостояния (и краткосрочное «принятие» восточной стороной веры западных «победителей») вовсе не означает окончательной победы Запада над нами в исходном, базовом, историческом, геополитическом противостоянии. Тем более что в исторической перспективе либеральная и коммунистическая вера показали свою практическую конвергенцию и потерю антагонизма, оказавшись тождественными в догматических основаниях: человеку должна быть обеспечена полная свобода, он сам является божеством и может создавать себя сам, государство должно исчезнуть, должно быть достигнуто изобилие и полностью удовлетворены любые потребности.

На последнем рубеже

Почему не распалась Россия — Российская Федерация? Почему также не распалась пока Украина, хотя она гораздо ближе к этой грани? Почему Белоруссию устраивает диктатура? Ведь целью импорта демократизации было создание множества самовольных субъектов, конкуренция между которыми и должна была привести к окончательному демонтажу российской и украинской государственности.

Причины делятся на две группы.

С одной стороны, народ (именно народ, а не «население») сменил веру лишь условно, в рамках краха светской веры как таковой. Вера в демократию у нас имеет крайне условный, имитационный и компенсаторный

характер, её пик пройден — он, собственно, пришёлся на перестройку и начало 90-х годов. Именно на осознании этого реального исторического факта строится сейчас внутренняя политика российской власти. Украине ещё только предстоит осознать последствия демократизации, которая не остановилась на рубеже веков, а продолжилась революцией 2004 года, поглотившей остатки советской государственности, унаследованной от СССР и УССР.

В России власть и государство имитируют демократию с согласия народа для временной передышки в противостоянии с Западом. Однако стратегической перспективы «управляемая демократия» как институт не имеет, поскольку мы всё равно подлежим «демократическому демонтажу» и никакого другого применения эти инструменты не имеют. В управляемую демократию как высшее достижение цивилизации, признаваемое Западом, не верит не только русский народ. В неё не верит и так называемая элита, новые богатые, которые не готовы передать публичные функции власти и полномочия «профессиональным политикам», которым «доверяло» бы население. Новые богатые сами лезут во власть, не полагаясь друг на друга, стремясь самостоятельно обслуживать свою долю в приватизации, лично обладать престижем власти и влияния, иметь особую защиту и реальные права. Их самая высокая социально-политическая мечта — быть «меншиковыми» при императоре. Скрывать и прятать своё богатство они не готовы и не хотят.

Наше будущее заключено в отказе от механизмов светской веры как таковых, от управляемой всеобщей демократии. Оно в возвращении к исходным принципам христианской цивилизации — и в мистическом, метафизическом плане (для этого у нас есть христианская ортодоксия), и в рациональном, онтологическом плане, в плане продолжения всех линий русской философии, всех оснований исторической жизни нашего государства, всей практики русской власти.

С другой стороны, хозяйственный и экономический разгром России в ходе революции 1985–1999 годов не смог сломать несколько единых инфраструктур, ставших материальным скелетом сохраняющегося российского государства. Это газодобывающие и газотранспортные мощности, система электроснабжения, железные дороги, космический ядерный щит со всем, что его обеспечивает. Это также реальный исторический факт. Опять-таки ничто не гарантирует сохранения этого положения в будущем, так как противник не прекращает поиска «слабых мест» в этих инфраструктурах и цели его не изменились.

В итоге мы находимся теперь в очень тяжёлом положении, напоминающем 1942 год: Москву враг не взял, но продвинулся далеко вглубь страны и угрожает жизненно важным её «органам».

Глава 5. Наш вызов

СССР построил общество фактического равенства, навязав его в качестве образца всем остальным государствам европейской цивилизации. Мы обладаем опытом современного городского коммунизма, далеко опережающим Запад. Ничего, кроме известного нам равенства и фактического бесклассового общества, за лозунгами демократии и прав человека в позитивном плане не стоит. Именно такое общество и было построено в СССР.

От реального развитого социализма СССР западный городской коммунизм отделял себя, прежде всего, утопией изобилия. Именно эта фантазия довольства и достатка (и «подпирающее» её потребительское общество) стали основным нашим соблазном, подталкивающим к разрушению собственного государства. Именно этот соблазн примирял с мыслью о допустимости многочисленных личных сверхбогатств при выполнении принципов бесклассового, эгалитарного устройства общества в целом — также построенного и на Западе, хотя и в «догоняющем» режиме.

Однако богатство народа в целом охраняется только его государством. Наше государство не могло позволить себе изобилия. Исторические причины этого очевидны и хорошо известны. Но без суверенного государства мы от неизобильного скромного достатка перейдём уже к нищете по типу Африки, Азии, Латинской Америки. Утопия изобилия должна быть разоблачена.

Светская вера как искусственная конструкция имеет короткую историческую жизнь в отличие от «естественного язычества». Идолы демократии и прав человека разделят судьбу идолов коммунизма в самом недалёком будущем. А вот реальность бесклассового эгалитарного городского коммунизма, где единственным образующим социальную структуру процессом является распределение, останется.

Светская вера представляет собой этап социального проекта, когда все имеющие власть (т.е. собственно т.н. «элита») верят в то же, во что и все остальные. И веру эту продвигают. Их программу в этот период можно охарактеризовать как честную и публичную. Далее светская вера деградирует и распадается на идеологию и утопию (Карл Мангейм, 1929), то есть на социальное знание обладающих властью, как эту власть удерживать, и на утопическую веру всех остальных, обучающую подчиняться. Программу власти на этом втором этапе можно охарактеризовать как прагматичную, опирающуюся на рекламу и пропаганду утопии. На третьем этапе массы утрачивают утопическое доверие и власть рушится. Динамику третьего этапа мы хорошо себе представляем на собственном опыте.

Идеология конца истории по Фукуяме требует прекратить всякое развитие государства. Управляемая всеобщая демократия считается оконча-

МАКСИМ КИМЕРЛИНГ / КОММЕРСАНТЪ

С. 134

тельной формой и устройством власти. Власть по своей сути может принадлежать лишь немногим. Альтернатива — это анархия. Поэтому при всеобщей демократии люди отказываются от собственного участия во власти в пользу единиц (один к миллиону по порядку величины), которые не несут никакой ответственности за последствия своих действий ни явно, ни тайно. Вряд ли такая конструкция является исторически устойчивой. Однако её предлагается считать окончательной.

Эгалитарное бесклассовое общество в принципе является кризисным в отношении власти. Все отработанные в истории европейской цивилизации конструкции государств как систем воспроизводства и нормировки власти опирались на сословно или классово структурированный социум. Так что проектирование государства — это не интеллектуальная блажь, а насущная историческая необходимость, стоящая перед всеми членами европейского цивилизационного сообщества. Эгалитаризм снимает всякие рамки и ограничения с конфликтов, делая их основной клеткой социальной реальности. Всеобщее равенство есть одновременно и всеобщий конфликт. Он не может быть разрешён представителями — только самими участниками. Поэтому кризис власти коснётся не только нас, чему весьма будет способствовать стремительное истощение ресурсов «изобилия». И практически все реальные государства нужно будет перепроектировать.

Проектируя новое государство, придётся кардинально отказаться от использования любой светской веры. В принципе каждый гражданин такого государства должен иметь действительное социальное знание, позволяющее ориентироваться в социуме и стремиться к предсказуемому социальному положению. То есть необходимо расширить «регион» социального знания далеко за пределы элиты и, соответственно, выйти за рамки такого вида действительного социального знания, как идеология. Собственно, никакой элиты — тех, кто знает нечто существенное о власти, чего не знают другие, — остаться вообще не должно. По существу, элита — это пережиток закрытых классовых и сословных обществ, остаточное явление закрытого «правлящего класса». Социальная тайна должна быть изгнана из жизни государства. Власть как функция должна быть жёстко отделена от всевозможных управленческих нагрузок, не подменяться и маскироваться ими, освобождаться ими от ответственности. Управлять должен иметь возможность каждый, опираясь на ограниченную им самим ответственность, соразмерно ей получая доступ к возможностям управления. Власть же предполагает неограниченную ответственность. Поэтому властвовать смогут только те, чья ответственность не ограничена и гарантирована их собственной жизнью. Такое государство должно консолидироваться не условным единством мнения, на котором строятся все представительные демократии, а единством социального знания, общего для всех социальных статусов.

Становясь на предлагаемый путь, нам вовсе не нужно забираться в интеллектуальные дебри. Начать надо с простого: перестать слушать враньё, как бы оно ни было соблазнительно и приятно. А для этого надо перестать врать самим, забалтывать очевидные факты и думать, что можно обманывать всех сколько-нибудь продолжительное время.

Если мы хотим выжить, то нам нужно стать не только храбрыми, что мы умеем и что мы не единожды в мировой истории доказывали. Нам нужно стать умным, мыслящим народом, как сказал бы Хайдеггер. Не умом элиты, которой узурпировано право судить, что хорошо, что плохо, а общим имперским умом, который ясно видит наши собственные проблемы и возможности, врагов и союзников. Не коротким умом, ограниченным выгодой момента, а длительным, много превышающим жизнь одного поколения. Наш ум должен быть смелым. Без суверенного русского мировоззрения мы будем обречены уйти с площадки европейской цивилизации.

Проектировать новую государственность

Рефлексия, анализ собственного исторического опыта нужны не для «покаяния», а для продолжения процесса проектирования нашей государственности. Нам представляется ошибочным искать четвёртую теорию общественного устройства, признавая первыми тремя коммунизм, либерализм и нацизм-фашизм (мы уже отметили выше, что нацизм-фашизм вообще не тянет на универсальную светскую веру, будучи лишь гипостазированной социальной практикой национального государства, национализмом — расизмом).

Да, если подталкивать Россию и к становлению национального государства, и к суверенитету, то мы придём к фашизму. А национальное государство Россия без суверенитета просто не будет существовать в сегодняшних географических масштабах. Коммунизм и либерализм — это не теории, а светские религиозные доктрины. В качестве таковых они действительно могут быть основами цивилизационной конструкции империй, однако между ними вовсе нет той онтологической разницы, которую им приписывают их правоверные адепты. И та и другая доктрина — это вера человекобожия, адаптированная к своей ресурсной схеме. Либерализм опирается на ограбление мира в пользу «золотого миллиарда», а коммунизм исходил из внутренних ресурсов одного, пусть и большого государства.

При философской разработке нового социума нужны другие ориентиры. Будет ли онтологическое основание нового государственного устройства опираться на веру в единого Бога? Спаситель этот Бог или нет? Может ли человек идти к Богу путём, имеющим цивилизационную размерность? Является ли материалом государственного организма сообщество политических животных, человек в его цивилизационном и эволюционном надживотном статусе или постчеловеческая субъективность, для которой человек — пройденный эволюционный этап, прошлое или другая, боковая, ветвь развития? Даже если последний вариант кажется отталкивающим, это вовсе не значит, что мы ему неосознанно не следуем.

Для проектирования новой государственности недостаточно идеологии нового типа — критической, развиваемой и нестатично-религиозной. Нужны ещё собственно политические механизмы осуществления проектирования государства, принуждения к проектированию. Политическое

проектирование нельзя путать с проектированием хозяйственным, экономическим, хотя последнее становится неизбежным следствием и составной частью первого.

Политическое проектирование не может не быть состязательным, конфликтным процессом, однако эта конфликтность не имеет ничего общего с конфликтностью эгоистических интересов при управляемой демократии, обслуживающей управление обществом со стороны капитала.

Сегодняшнее временное, компромиссное, олигархическое и формально демократическое правление никаким проектированием заниматься не может и не будет. Это не его историческая роль.

Никак формально не представленная в системе власти, но реально существующая партия Путина (группа власти Путина) одержала победу над точно так же формально не представленной, но абсолютно реальной партией семьи бывшего президента Ельцина, не дав последней выдвинуть Медведева на пост президента страны на второй срок. Других реальных политических партий у нас нет. Политэкономические цели правления пока не изменились — это продолжение приватизации.

Партия Путина придерживается курса на политический суверенитет (неизбежно неполноценный из-за отсутствия установки на суверенитет экономический и культурный) и социальную стабильность. Ельцинские либералы готовы вернуть в полном объёме внешнее американское управление, готовы обострять социальный конфликт и дробить страну. Однако и те и другие мыслят себя, прежде всего, крупными собственниками в глобальной (значит, пока американской) экономике. Поэтому существующее правление остается всё ещё нелегитимным, хотя и легальным.

Не стоит полагаться на высокий рейтинг Путина и партии власти.

Дело в том, что существующее правление не в состоянии строить и ту управляемую демократию, которую провозгласило. Ведь эта техническая демократия предполагает расположение всего крупного капитала за политической сценой. На сцену при этом выпускаются профессиональные политики с искусственной, специально сформированной биографией. Именно им должно быть адресовано избирательное доверие. Наша же имущественная элита — что путинская, что ельцинская, что «нейтральная» — сама стремится разместиться на должностях публичной власти. Она мотивирована не только недоверием друг к другу и к «слишком сложным» механизмам раздела государственных ресурсов, но хотела бы публично продемонстрировать своё богатство и власть. Можно сказать, что идеалом нашей имущественной элиты является Меншиков. Такая политическая конструкция вдвойне нестабильна. Люди голосуют за богатых чиновников, потому что больше не за кого, но это не значит, что они будут их поддерживать и защищать в ситуации кризиса власти.

Подлинно легитимным — неважно, через форму управляемой демократии или без неё — станет лишь то правление, которое сможет поставить перед нашими постсоветскими странами и их союзом исторические цели выживания. Трудно представить себе подобную работу без многократного и качественного роста управленческой мощности наших государств: Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Казахстана. Усиление этой мощности — прикладная задача политического проектирования.

Нужно трезво оценивать глубину «проникновения противника» на нашу территорию в прямом и переносном смысле. Сформировано множество прямых угроз и неотложных состояний, многие распределены во времени, и их пики ещё не пройдены — например, последствия разгрома образования и появление потерянных поколений, деградации технологических инфраструктур. Так что тактика, сиюминутность действий ничуть не менее важна в нашей ситуации, нежели стратегия.

Нельзя, ссылаясь на неясность стратегии и процесс её якобы продолжающейся «разработки», уступать шаг за шагом, одну ситуацию за другой. Любой проигранный эпизод может стать критическим и привести к потере государства. Глядя правде в глаза, надо учитывать и высокую вероятность войны, либо непосредственно против нас, либо в зоне наших жизненно важных интересов. Бой придётся вести, из него нельзя уйти в отпуск. Надо наконец-то вернуться к труду из состояния бездеятельного общества.

Если мы хотим правильно пройти (т.е. использовать) текущий глобальный кризис, который характеризуют как финансовый или экономический, но мы видим в нём черты более глубокого цивилизационного и религиозного кризиса, нам равным образом нужны и тактика, и стратегия. Мы равным образом должны уметь твёрдой рукой вести корабль сквозь бурю в условиях некомплекта команды и многочисленных пробоин в корпусе судна и при этом знать, куда, собственно, движемся. И не надо уповать на «планы», идола стабильности и порядка. Иметь дело приходится с постоянно меняющейся ситуацией, с игровыми «многоходовками». Адекватной формой организации в этом случае могут быть только цели, целые кортежи, комплексы и даже системы целей.

Наше преимущество: мы были в будущем

Нужно помнить о нашем главном преимуществе: мы уже прошли то минное поле, на которое только вступают (готовятся вступить) США и Западная Европа.

Утратив противника в лице СССР, они сейчас демонтируют весь аппарат «социального прогресса», который был необходим в ситуации религиозного противостояния, демонтируют социализм, поскольку финансовых средств обеспечивать социалистические институты общества вместе с аппетитами капиталистических нет возможности: глобальная долговая модель капитализма в кризисе. В то же время население этих стран как раз созрело для расширения социалистических (коммунистических) прав и свобод, прав и свобод не «от», а «для». При этом интеллектуальных инструментов для анализа реальной истории и текущей ситуации нет. Ничего, кроме тайного возвращения к марксизму, после Фукуямы «там» не появится. Нет исторического опыта, нечего рефлексировать.

И вера «сильна как никогда» — перед крушением. Демонтаж Великобритании — дело запланированного будущего, Шотландия к нему активно готовится. И демонтаж США — дело логичное, если существенно упадёт жизненный уровень населения. А ничего другого быть не может, если

заставить США по итогам глобального финансового кризиса платить по долгам или хотя бы для прекращения роста безнадежного долга добиться «честного» банкротства. Но даже и без банкротства само прекращение притока заимствований критично для государственной устойчивости США.

«Голос России из Москвы» должен был бы каждый день объяснять эту механику американскому населению на доходчивом английском языке в не очень длинных словах и предложениях. Пора уже нам перестать стесняться в выражениях. Нам нужна не только контрпропаганда (т.е. защита «своих» от «их» влияния), но и собственная встречная пропаганда, у нас есть все основания для её развертывания.

Мировая буржуазная революция вступила в стадию завершения, за ней последует мировая социалистическая контрреволюция. Вопрос только в том, будет ли она сопровождаться Третьей мировой, ядерной войной. Ведь государств — носителей цивилизаций и базовых религий никто пока не отменял. Сегодня границы континентов практически совпадают с границами «внутренних пространств» империй, а уже не просто колоний (в которых основной цивилизационный порядок метрополии не воспроизводится). Таковы США, ЕС, РФ + Украина + Белоруссия + Казахстан, Китай, Индия. Это сулит новые имперские войны и противостояния.

К живому мышлению и подлинной вере

Кризис западного религиозного сознания подходит к своему историческому концу. Путь был долог: раскол с ортодоксией — православием, включение в борьбу за светскую власть, идеологизация (Молот ведьм), прозелитизм и миссионерство, инквизиция и Реформация (включая появление не только немецких протестантов, но и англиканской церкви, а также выезд в Новый Свет многочисленных сект), «потеря» науки, провал цивилизационного проекта «университета» и замена его проектом «энциклопедии», появление светских религий, оформление и противостояние трёх главных светских религий — коммунизма, нацизма и либерализма. Именно этот путь Фукуяма попытался назвать концом истории — победой либерализма. Однако, одолев другие светские религии, либерализм угасает и сам. Оставшись без противника, он утратил механизмы воспроизводства. Это — исторический конец западной ветви цивилизации и её религии (предсказанный «закат Европы»).

Такая победа для светской религии (над другими светскими религиями) не может не быть пирровой. Нас ждёт мир, где социальный порядок будет учреждаться без организации массовой светской веры в него. Вернётся право силы. А ведь именно эта вера создавала у западного человека иллюзию его собственного участия в создании и поддержании порядка. Лишённый иллюзии, поставленный в условия внешней необходимости социальной организации, западный человек будет воспринимать эти социальные обстоятельства как насилие над его индивидуальной волей, как «тоталитаризм». И в этом смысле «тоталитаризм» неизбежен для западной ветви европейской цивилизации, какой бы ни была конкретная конструкция государства и власти.

Такой тоталитаризм сам уже стал обоснованием систем насилия, которые далеко превзойдут по мощности и жестокости «ужасы» сталинских репрессий. То, что сделали с Ираком и Югославией, что делают сейчас с арабским Востоком, — всего лишь проба пера в новом цивилизационном жанре. Разница с нами пока в одном: столетиями Запад упражняется в насилии над другими, а мы — над самими собой. Но и Запад вот-вот выйдет к пределам внешнего насилия и вынужден будет заняться самим собой, собственной социальной структурой.

У Третьей мировой войны будет новое, «человеческое» лицо, её запрещено будет ненавидеть и осуждать. Она будет цивилизованным мероприятием Запада во имя всеобщей демократии во всём мире. Будет всеобъемлющее, «мирное», повседневное насилие, основанное на тотальном знаковом (прежде всего, финансовом, имущественном, пространственном и идентификационном) контроле над каждым индивидом. Такова плата истории за принятие идеи негативной, релятивистской, относительной свободы, равной свободы индивидов друг от друга как базовой для построения социума.

Действительная, полная, позитивная свобода, свобода «для», а не «от» возможна только в отношениях человека и Бога. Бог предоставил человеку свободу воли и никак её не ограничил. Человек же и не может, и не должен ограничивать свободу Бога, так как Бог есть источник его, человека, существования.

После падения последней — либеральной — светской веры нужно искать не «четвёртую», ещё «неведомую», а быть готовым бороться за своё выживание в новом мире без социальной веры. Чем быстрее мы откажемся от попыток залатать брешь в идеологии коммунизма противостоящей ей, но также умирающей идеологией либерализма, тем больше у нас шансов для жизнеспособного самоопределения и продолжения своей истории. Мы должны вернуться от идеологии и светской веры к мышлению, причём мышлению, так или иначе включающему всё население. Назовём это русским здравым смыслом или русским умом. Мы должны стать мыслящим народом.

С другой стороны, важно вернуться к основаниям христианства — действительной, а не светской веры — и начать заново осмыслять весь философский, богословский, научный, методологический потенциал европейской истории, и в особенности её восточной ветви, Восточного Рима. Эта подлинная религиозность (цивилизованность) в рефлексивной, осознаваемой и критической форме полноты пройденного пути — то есть собственно в форме веры как таковой — возможно (и скорее всего), будет уделом немногих (так было всегда), но это вовсе не означает создания касты или сословия. Это добровольный выбор открытого для всех пути.

Восстановление статуса подлинной религии и веры будет атаковано умирающим либерализмом — будут атаковать, как сейчас атакуют ислам, навесив на нас ярлык православного фундаментализма. При этом мы должны избежать ошибки, к которой нас будут подталкивать, и пытаться подрядить церковь на задачу воспроизводства государственной власти. Это власть и государство должны обеспечивать условия свободного воспроизводства церкви и защиты веры. Сами же власть и госу-

дарство должны учреждаться и воспроизводиться на базе мышления, осмысленной и принятой пройденной истории (и значит, адекватно материалу и его организованностям), а не через светские религии — идеологии XX века.

Самое нелепое — отвергать такую власть и государство, такой социальный порядок, как насилие и тоталитаризм. Нам нужно добиться от граждан понимания (как базы и первой действительности мышления) такого государства, порядка и власти. В советском периоде истории России эта задача решена не была (во всяком случае, до конца) — иначе советский проект не был бы так оболган нашими врагами (что нормально) и поруган нами самими, пусть и с их вражеской подачи.

Интеллигенция, претендующая на «разум народа» и заменяющая у нас исторически отсутствующее общество по понятию, не выработала критического осмысления нашей истории, включая советский проект. Скорее она исполнила роль «светского клира», служителей социального культа. При этом она оказалась во власти западного кризисного религиозного сознания, находящегося «в пятой фазе» распада — в колебании между коммунизмом и либерализмом с отдельным отростком в виде нацизма. В то время как задача западной ветви европейской цивилизации, хорошо сформулированная ещё Наполеоном, величайшим модернизатором Западной Европы («загнать северных варваров в их льды»), состоит вовсе не в уничтожении коммунистической веры, а в уничтожении русского государства. А якобы уничтоженная коммунистическая-социалистическая вера, которая благополучно присутствует в той же Западной Европе в виде утопических требований привыкших к социалистическим потребительским благам граждан «стран-победителей», хорошо микшируется с верой либерально-демократической. Поэтому наша интеллигенция подлежит перевоспитанию и переобучению в начальных классах европейской школы мысли в первую очередь.

Мы должны ясно понять, что наш собственный европейский цивилизационный базис более ортодоксален и одновременно в плане исторического опыта более развит, чем западный. Нужно ещё ответить на вопрос (нужно, прежде всего, самим западникам, но и нам не помешает), чем потерпевший крушение Западный Рим заплатил в своей собственной истории за свой реванш и крушение Восточной Римской империи, за сдвиг её геополитической базы «во льды». Ведь государство, существующее ради индивидуального эгоизма его членов — граждан, враждебных друг другу, — само не может иметь никакой позитивной основы и быть чем-то иным, нежели сверхиндивидом с обращённым за свои пределы сверхэгоизмом. Недостаточно лишь регулировать конфликты индивидов друг с другом. Так, идея освоения и обустройства мира превращается в идею его завоевания и ограбления. Ссудный процент и промышленная эксплуатация труда радикально усиливают возможности коллективного эгоизма такого государства.

Западный Рим в отличие от Восточного христианскую революцию мышления не принял, а пытался всячески от неё избавиться, вернувшись к принципам цивилизационного устройства дохристианского и «единого» Рима. История западно-римской ветви европейской цивилизации — это

история антихристианской контрреволюции. Будучи лидерской верой монотеизма, подлинное христианство — православие — способно к консенсусу с другими монотеистическими вероисповеданиями относительно устройства защищающего их всех государства.

Россия — исторический пример такого государства. Государство, защищающее православную общину, способно вместе с тем защищать общину и мусульманскую, и иудейскую. Такое государство нельзя считать а-клерикальным или тем более антиклерикальным. Не будет оно и собственно православным. Государство Российской империи, защищающее православную общину и Церковь, исторически стало домом и для других религиозных общин, не создавая конфликта между ними. Это наше историческое достояние. Истинное христианство не принуждает к своей вере и не пропагандирует её. Война с исламом может быть только католической или сектантской идеей. Общие ценности вероисповеданий Книги являются содержанием Ветхого Завета, то есть Законов, то есть Государства.

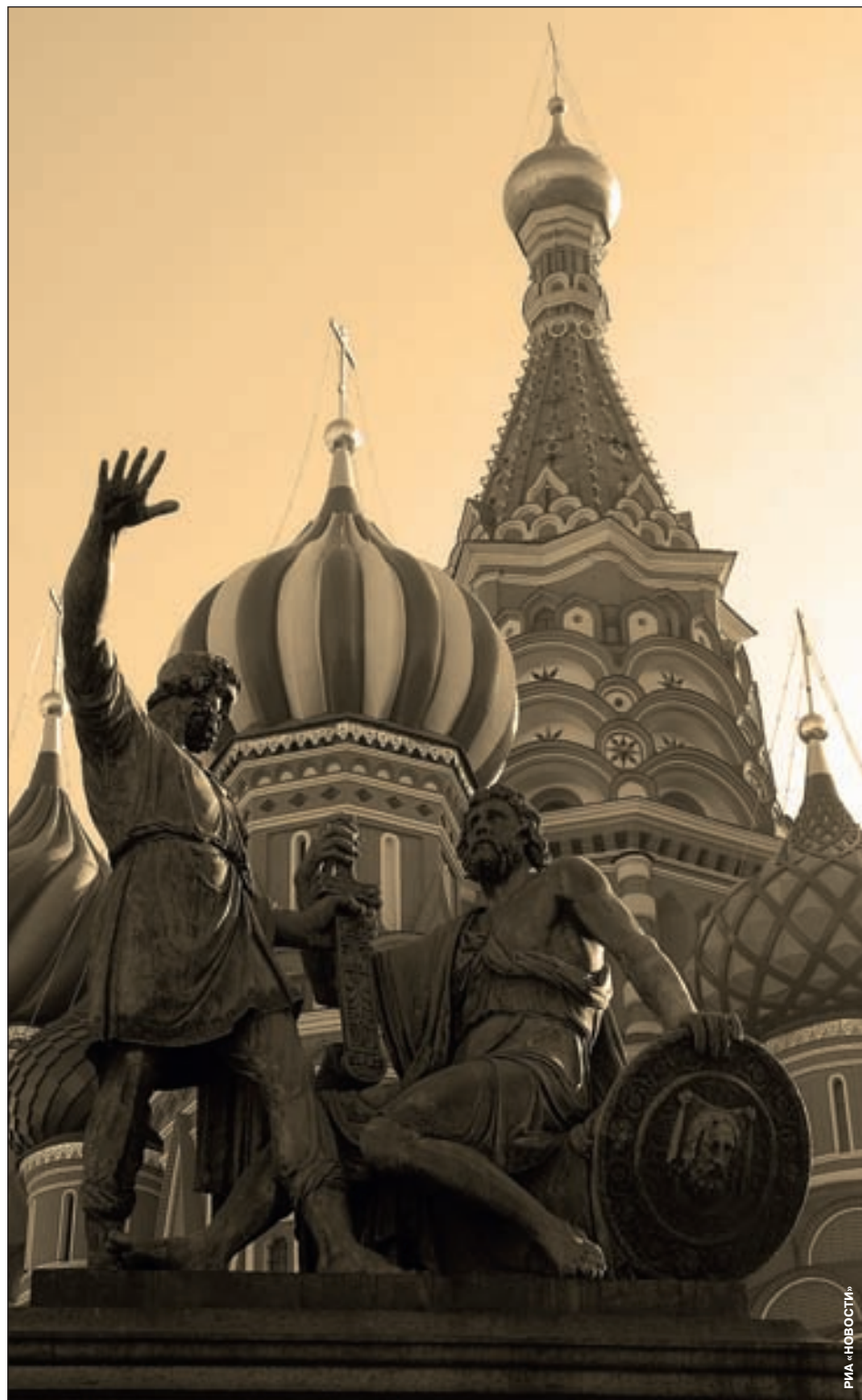
Глава 6. Наш шанс

В

2010 году США потратили на вооружение чуть менее 0,7 трлн долларов из 1,6 трлн, которые потратил мир в целом. Это без всякого НАТО. Номер второй по военным расходам, Китай, отстаёт более чем в четыре раза. А ведь Китай — единственная, кроме США, страна, обладающая суверенитетом. США нарастили расходы на военные цели за период с 2001 по 2009 год более чем на 80% — на фоне растущего неотдаваемого долга (разумеется, никто ничего отдавать не собирается).

Такой стремительный процесс вооружения свидетельствует о подготовке к мировой войне. А также о том, что концепция мирового господства уже без всякого теневого управления, финансового или идеологического, вошла в стадию реализации. Единственному сверхгосударству должны противостоять откалиброванные моноэтнические самоуправления, небольшого размера страны, заведомо неспособные противостоять его сверхмощи. Их вооружение должно быть достаточно только для конфликтов друг с другом. В «контуре управления» может на какой-то период остаться Евросоюз, фактически являющийся доминионом США, привилегированной колонией. Но и это не навсегда. Рано или поздно США заставят Старую Европу впустить всех желающих иммигрантов из Африки и Азии с целью строгого соблюдения прав человека и демократических ценностей — и с «евросоциализмом» придётся распрощаться.

Те, кто не впишется в такую модель, должны стать территорией гуманитарной катастрофы. «Нормальность», цивилизационная приемлемость

РИА «НОВОСТИ»

существования таких территорий в континентальных масштабах отрабатывается на Африке и исламском поясе. Уровень жизни американцев упадёт в результате свёртывания современной финансовой системы мира. Усилить давление на своих граждан и призвать их к порядку в этой ситуации можно, только если уровень жизни (потребления) всего мира упадёт радикально ниже.

Существование даже современной несuverенной, но сытой по африканским меркам России в такой картине ближайшего будущего не предусмотрено. Собственно, это не новость: хорошо известная идеология «золотого миллиарда» подразумевает вовсе не союз государств, а элиту нового мира в «штучном» выражении суммы индивидов — заботиться о себе, а не о стране. Действительно, должен настать конец истории, но только не «естественный», как это представляет Фукуяма, а искусственный. История всех народов и государств с их достижениями должна быть стёрта как реальность.

Наша очередь на демонтаж — сразу вслед за арабами, которые ранней весной 2011 года организовано и синхронно «устали» от своих государств. Это очень существенно. Времени у США осталось не так много. С Китаем будут разбираться уже после нас. Вложенные в вооружения средства должны дать отдачу — в этом и состоит решение долговой проблемы. Вооружения должны быть задействованы. Но американцам и в страшном сне не приснится глобальный военный конфликт, в котором они являются «стороной», а противник им хоть как-то соразмерен. Никто не хочет продолжения мировой войны XX века.

Так что не развалиться и сохранить свой меч — наша главная тактическая задача. При этом надо понимать, что механизмы развала — национальный сепаратизм под флагом демократизации и дальнейшая дезорганизация народного хозяйства и социокультурной сферы под флагами их дальнейшей либерализации — могут и будут подаваться в государственнической рекламной упаковке вплоть до великодержавной. Всё это якобы должно будет сделать нас «современными», «богатыми», «свободными», «сильными» и «гордыми».

Если же мы выстоим, не развалимся и сумеем при этом не ввязаться в глобальный военный конфликт, то мы окажемся единственным возможным партнёром очень и очень недовольных, но вполне беспомощных стран Старой Европы. Им придётся согласиться на партнёрство, возможно, в качестве младшего компаньона. Мировой англосаксонский капитализм всегда боялся такого сценария, но в будущем веке это становится реальностью. Ведь Евросоюз — организация экономическая, но никак не политическая, собственной политической воли и военной силы у него нет. И реорганизацию мира он вряд ли переживёт.

Наша общенациональная глупость в период 1985–1999 годов если и непростительна, то хотя бы объяснима. В результате мы потеряли «оболочку», но сохранили «ядро». Теперь же отступать некуда. Позади Москва.

Нам необходимо снять запрет с политического проектирования и весь кризисный «пар» выпускать через этот процесс.

Нам нужно создать открытое сословие как институт воспроизводства государственной власти, без жалости расставшись с всеобщей демократи-

ей. Это сословие должно быть способно жизнью отвечать за неограниченную ответственность государственной власти.

Нам нужно учредить действительный межконфессиональный союз, определяющий запрос на государственную защиту веры и гуманитарную политику государства.

Нам нужно восстановить суверенитет экономики и хозяйства.

Нам нужно вернуться к проектному экономизму, отказавшись от ссудного процента и порождаемой им фиктивной стоимости.

Лишь проект страны имеет экономический смысл. Нам нужно сделать главной целевой составляющей этого проекта расширенное воспроизводство человека. Нам нужно сделать русского человека, гражданина Российской империи самым умным, здоровым, сильным, имеющим желание и смелость видеть в своей жизни смысл и свободно распоряжаться ею во имя Бога, страны, человечества, планеты.

Зоной нашей планетарной ответственности должен стать континент от Атлантики до Тихого океана, от Арктики и до Гималаев. ■

круг чтения

М. Петров. «Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли».

К. Маркс. «Экономико-философские рукописи 1844 года».

О. Шпенглер. «Закат Европы».

С. Булгаков. «Два града».

В. Кожинов. «Россия. Век XX».

С. Кара-Мурза. «Советская цивилизация».

Р. Давид. «Сравнительное правоведение».

А. Зиновьев. «Запад».

Г. Щедровицкий. «Организация. Руководство. Управление».

К. Мангейм. «Идеология и утопия».

М. Вебер. «Идеальное государство».

Д. Гелбрейт. «Индустриальное общество».

Т. Кун. «Структура научных революций».

Ж. Маритан. «Человек и государство».

М. Фуко. «Надзирать и наказывать».

Платон. «Государство».

Пойа. «Доказательства и опровержения».

Уайт. «Математика: утрата определённости».

М. Хайдеггер. «Парменид».

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

НАТАЛИЯ РАЙСКАЯ
ЯКОВ СЕРГИЕНКО
АЛЕКСАНДР ФРЕНКЕЛЬ
АННА ЛОБЗОВА

ТОПТАНИЕ НА МЕСТЕ

ВЛАДИСЛАВ ЖУКОВСКИЙ

ПСЕВДОИНВЕСТИЦИИ

ИГОРЬ БЕРЕЗИН

РАСТУЩЕЕ ПОВСЕДНЕВНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

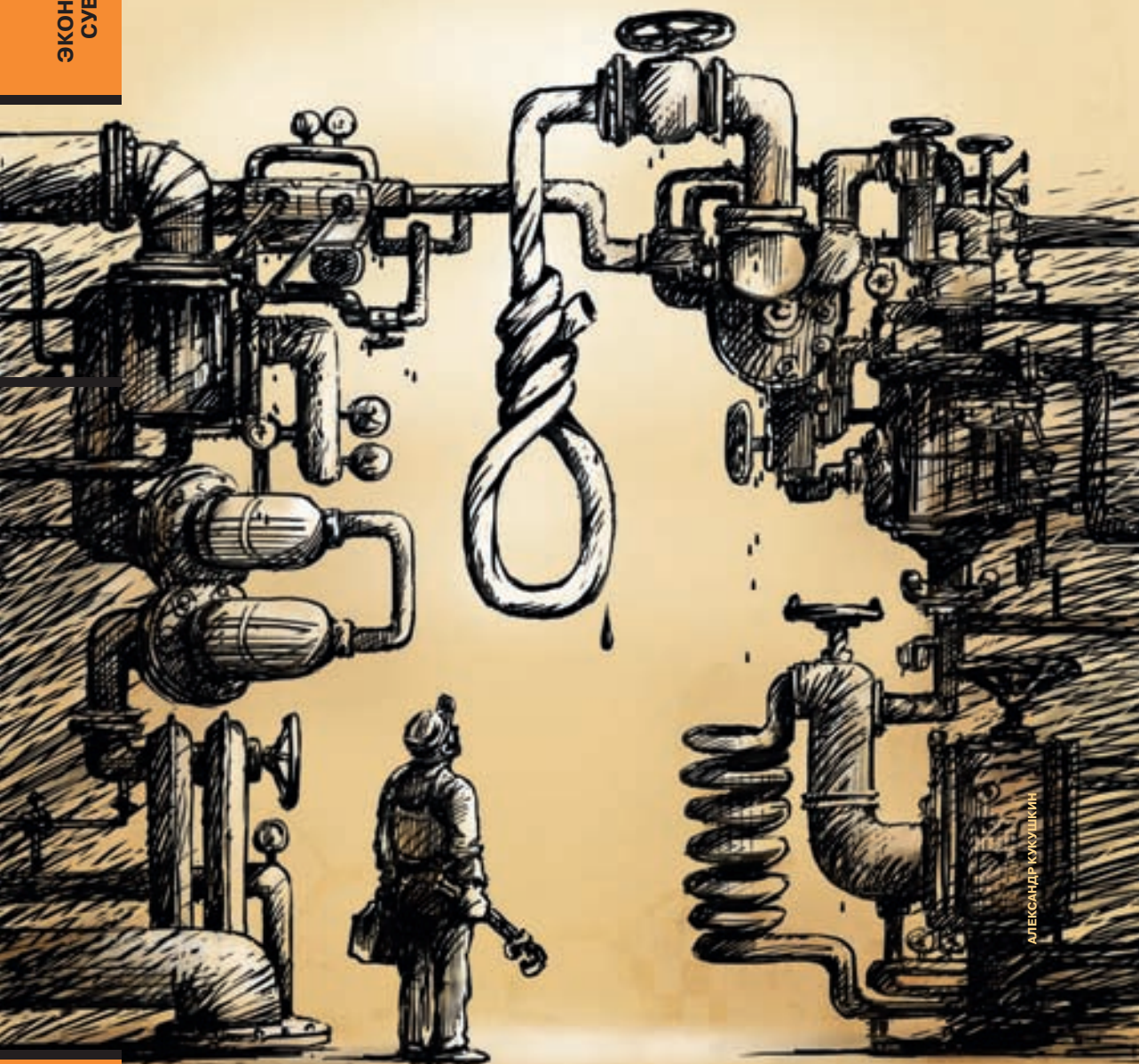

НАТАЛИЯ РАЙСКАЯ, ЯКОВ СЕРГИЕНКО,
АЛЕКСАНДР ФРЕНКЕЛЬ, АННА ЛОБЗОВА (Институт экономики РАН)

Топтание на месте

Отечественная экономика продолжает пребывать в состоянии стагнации — всё говорит о том, что России надо искать новую модель экономического роста.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СУВЕРЕНИТЕТ

АЛЕКСАНДР КУХУШКИН

Ноль — минус

Снижение темпов роста выпуска продукции и услуг по базовым видам экономической деятельности набирает обороты. Если за январь-июль они составили 0,3%, за январь-август, по оценке, 0,2%, то за январь-октябрь 2013 года, по прогнозу, они снизятся до 0,1% (таблица 1). Для сравнения: этот показатель за те же периоды 2012 года был выше, хотя и сохранял понижающийся тренд — соответственно, 4,6%, 4,4%, и 3,6%.

Аналогичная ситуация и в сфере транспорта, который отражает снижающуюся потребность экономики в перевозке массовых грузов. По данным Росстата, грузооборот транспорта по итогам восьми месяцев 2013 года сократился на 0,6% относительно аналогичного периода 2012 года. Прогноз на январь-октябрь предполагает сохранение понижающейся тенденции темпом в 1%.

Динамика строительства также устойчиво закрепились в негативной зоне. К середине года отставание объёмов строительства от докризисного максимума начала 2008 года достигло 13,8% против 10,3% в январе 2013 года. Таким образом, темпы в строительстве падают всё более выраженными темпами.

Сохранить пока ещё положительные темпы роста выпуска продукции и услуг по базовым видам экономической деятельности помогло сельское хозяйство. Минсельхоз даёт достаточно оптимистичные прогнозы урожая: сбор зерновых должен превысить 90 — 94 млн тонн против 70 млн тонн в прошлом году.

В целом прирост продукции сельского хозяйства по итогам восьми месяцев 2013 года достиг 3,3% относительно аналогичного периода прошлого года. Прогноз на январь-октябрь составит 2,9% по сравнению с тем же периодом 2012 года. Для сравнения: аналогичный показатель год назад составлял 95,9%.

Таблица 1. Макроэкономические индикаторы в РФ, % к соответствующему периоду предыдущего года

	2012			2013		
	январь-июль	январь-август	январь-октябрь	январь-июль	январь-август	январь-октябрь (прогноз)
Выпуск продукции и услуг по базовым видам экономической деятельности	104,6	104,4	103,6	100,3	100,2*	100,1
Индекс промышленного производства	103,2	103,1	102,8	100	100	99,7
Продукция сельского хозяйства	102	101,2	95,9	103,1	103,3	102,9
Грузооборот транспорта	102,7	102,9	103	99,1	99,4	99
Инвестиции в основной капитал	112,2	111,7	109,3	99,3	98,7	100
Оборот розничной торговли	107,4	107,1	106,7	103,8	103,9	103,8
Индекс потребительских цен (в % к декабрю предыдущего года)	104,5	104,6	105,6	104,4	104,5	105,3
Реальные располагаемые денежные доходы населения	102,7	103,5	103,8	104,3	104,1	104,3
Индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам (в % к декабрю предыдущего года)	102,7	103,5	104	98,6	97,4	95,9
Экспорт	105,9	104,4	103,8	97,5	97,4*	96,7
Импорт	105,7	105,1	105,6	104	102,7*	101,9

* — оценка

Источники: Росстат, Банк России, ИЭ РАН

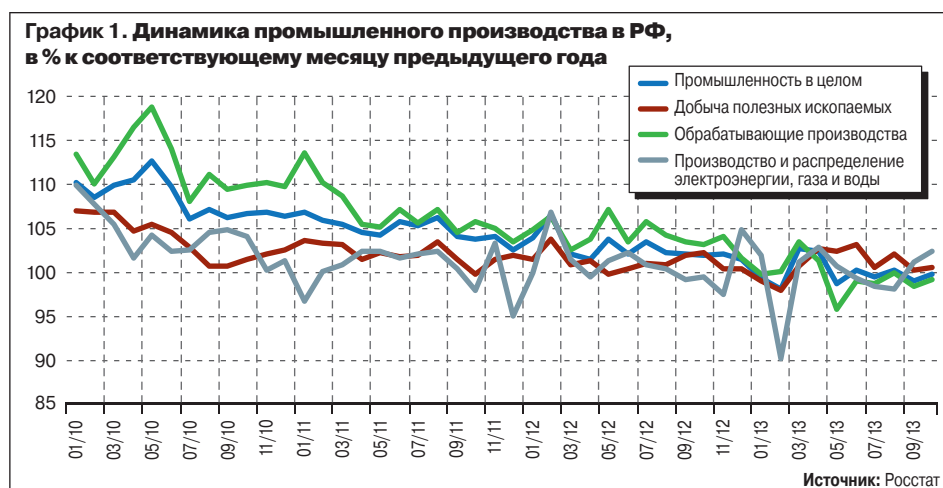
с. 148

В отличие от сельского хозяйства динамика развития промышленного производства уже перешла в стадию стагнации. По данным Росстата, индекс промышленного производства в январе-августе 2013 года остался на уровне января-июля (100,0%), то есть оба периода характеризовались нулевыми темпами роста по сравнению с аналогичными периодами 2012 года. Безусловно, важным фактором торможения стал календарный фактор. В этом году из-за продлённых майских праздников страна работала на 2,6 рабочих дня меньше, чем традиционно в 2000–2012 годах. Однако гораздо более важную роль здесь играют фундаментальные факторы, ведущие к замедлению темпов.

Неопределённость в промышленности

Сложившаяся ситуация в промышленности находит отражение и в отдельных её секторах (график 1 и таблица 2). Падение выпуска за январь-август по сравнению с аналогичным периодом прошлого года произошло в обрабатывающих производствах (-0,2%) и в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (-0,9%). В этих секторах по сравнению с прошлым годом произошёл обвал производства, поскольку темпы роста в январе-августе прошлого года были достаточно высокими — соответственно 4,8% и 1,6%. Рост производства в первые восемь месяцев 2013 года наблюдался только в добыче полезных ископаемых (1,0%). По сравнению с прошлым годом темпы роста здесь остались примерно одинаковыми.

Наибольшие потери в выпуске продукции приходятся на целлюлозно-бумажное производство (-7,2%), почти такое же снижение и в производстве машин и оборудования (-7,0%). Чуть ниже уровень снижения выпуска наблюдался в производстве кожи и обуви (-5,7%). В таких отраслях, как производство транспортных средств и оборудования, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, обработка древесины, спад был гораздо меньше (-1,9, -1,4%, -0,8%). То есть половина отраслей, входящих в обрабатывающие производства, за январь-август этого года снизили выпуск продукции.

Таблица 2. Динамика промышленных производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	2012			2013		
	январь-июль	январь-август	январь-октябрь	январь-июль	январь-август	январь-октябрь (прогноз)
Промышленность в целом	103,2	103,1	102,8	100	100	99,7
Добыча полезных ископаемых	100,9	100,9	101,3	100,9	101	100,7
<i>в том числе:</i>						
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	101,4	101,3	101,3	100,8	100,8	100,8
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	100,2	100,6	101,4	101,7	101,8	100,7
Обрабатывающие производства	104,9	104,8	104,4	99,8	99,8	99,3
<i>в том числе:</i>						
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	106	105,8	105,5	101	100,8	101,3
текстильное и швейное производство	95,2	96,1	97,6	104,2	105	106,3
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	87,3	87,5	87,7	94,9	94,3	91,2
обработка древесины и производство изделий из дерева	102,9	103	103,5	98,5	99,2	100
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	105,6	105,2	103,6	92,8	92,8	93,3
производство кокса и нефтепродуктов	102,1	102	101,8	102,1	102,2	103,4
химическое производство	101,8	101,8	101,5	103,3	103,8	104,5
производство резиновых и пластмассовых изделий	105,3	106	107,2	107,4	106,7	106,6
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	108,4	107	106,6	102,4	102,5	103,6
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	105,7	105,9	105,8	98,3	98,6	96,6
производство машин и оборудования	103	101,7	100,5	92,9	93	92,6
производство транспортных средств и оборудования	121,4	119,3	115,8	98,7	98,1	95,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,7	101,6	101,1	99,2	99,1	99,6

Источники: Росстат, ИЭ РАН

Значительные положительные результаты демонстрирует производство резиновых и пластмассовых изделий. Темпы прироста здесь за восемь месяцев достигли 6,7%. Второе место заняло текстильное и швейное производство, где темпы прироста составили 5,0% (заметим, что в прошлом году эта отрасль находилась в лидерах по снижению выпуска). Несколько ниже темпы прироста в химическом производстве, производстве прочих неметаллических минеральных продуктов, производстве кокса и нефтепродуктов и производстве пищевых продуктов (соответственно 3,8%, 2,5%, 2,2%, 0,8%). Очевидно, что существующий спад производства в половине отраслей оказал негативное влияние на рост промышленного производства в целом.

Отраслевая динамика

Рассмотрим несколько подробнее развитие отдельных отраслей. В первую очередь это отрасли ТЭКа. Добыча нефти в январе-августе 2013 года составила 347 млн тонн, включая газовый конденсат, или на 0,8% больше по сравнению с соответствующим периодом 2012 года. К началу 2013 года была введена в строй вторая очередь трубопроводной системы «Восточная

Сибирь — Тихий океан», которая позволила увеличить общую мощность системы до 45 млн тонн. В 2012 году введён в промышленную эксплуатацию нефтеналивной терминал в конечной точке Балтийской трубопроводной системы-2 в порту Усть-Луга. В 2013 году в целом будет добыто 520,1 млн тонн нефти, включая газовый конденсат, или 100,6% относительно 2012 года.

Добыча газа за восемь месяцев 2013 года составила 429 млрд кубометров, что на 0,5% больше аналогичного периода 2012 года. В 2013 году в целом ожидается рост добычи газа на 0,9% по сравнению с 2012 годом, что составит 659 млрд кубометров.

Добыча угля в январе-августе 2013 года составила 225 млн тонн, или 98,2% относительно января-августа 2012 года. Падение добычи угля произошло, несмотря на увеличение спроса на внешнем рынке. Однако к концу года, по нашему прогнозу, добыча угля вырастет на 0,5% и составит 354 млн тонн. В 2014 году также ожидается некоторый рост угледобычи, объём которой составит 368 млн тонн, или 100,4% относительно 2013 года.

Производство кокса и нефтепродуктов за восемь месяцев 2013 года увеличилось на 2,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Высокие темпы роста объёмов переработки нефти наблюдались на нефтеперерабатывающих заводах ОАО «Газпром» (110,8%), ОАО «ТНК-ВР» (114,7%) и Хабаровском НПЗ (106,2%). В структуре производства нефтепродуктов была отмечена высокая доля топочного мазута и дизельного топлива — 53,2% от общего объёма произведённых нефтепродуктов, предложения которых по-прежнему превышали спрос на внутреннем рынке, в результате чего они экспортировались как топливо и сырьё для дальнейшей переработки.

В 2013 году в целом объём производства увеличится на 1,9% относительно 2012 года, а в 2014 году — на 3,4% к уровню 2013 года. На переработку на НПЗ будет направлено в 2013 году 284 млн тонн нефти (105,2% от уровня 2012 года).

В производстве машин и оборудования в 2013 году наблюдается спад. За восемь месяцев объём производства продукции в отрасли уменьшился на 7,0% по сравнению с соответствующим периодом 2012 года. Такое сокращение объясняется в первую очередь стабилизацией спроса на данную продукцию со стороны машиностроительного комплекса после кризисных тенденций 2008 и 2009 годов, а также изменениями внутренней и внешней рыночной конъюнктуры в связи с вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую организацию. Кроме того, сдерживающее влияние на развитие производства машин и оборудования оказало снижение объёмов производства механического оборудования, что было обусловлено в основ-

» Загрузка производственных мощностей остаётся на уровне 63% уже более полугода, и 80% руководителей считают этот уровень достаточным для удовлетворения ожидаемого спроса.

ном сокращением объёмов производства отдельных видов энергетического оборудования. В целом за год произойдёт падение объёма производства на 2,2% относительно 2012 года.

В металлургическом производстве и производстве готовых металлических изделий в 2013 году также отмечена сложная ситуация. В январе-августе наблюдалось падение производства на 1,4% относительно того же периода прошлого года. В 2013 году в целом по прогнозу ожидается снижение объёма производства на 0,2% по сравнению с 2012 годом.

Негативная динамика сложилась и в производстве транспортных средств и оборудования. За январь-август 2013 года объём производства транспортных средств и оборудования сократился на 1,9% относительно января-августа 2012 года. В целом за год производство, по прогнозу, всё же вырастет, но всего лишь на 0,6% по отношению к 2012 году.

Объём производства и распределения электроэнергии, газа и воды за восемь месяцев 2013 года на всех видах электростанций составил 689 млрд кВт-ч, или 98,9% к уровню января-августа 2012 года. В 2013 году в целом темпы роста объёма производства и распределения электроэнергии, газа и воды на всех видах электростанций составят 99,8% по отношению к 2012 году. При этом будет выработано 1072 млрд кВт-часов электроэнергии (100,6%). Из них выработка на атомных и гидроэлектростанциях составит соответственно 180 млрд кВт-ч, или 101,1%, и 184 млрд кВт-ч, или 112,2% от уровня 2012 года. А на тепловых электростанциях выработка электроэнергии снизится на 2,1% и составит 708 млрд кВт-ч. Будет выпущено 1338 млн Гкал тепловой энергии, что на 1,3% больше уровня 2012 года.

Деловой климат

Неуверенность в положительном изменении ситуации сказывается на общем деловом климате. Индекс предпринимательской уверенности, рассчитываемый в Центре конъюнктурных исследований НИУ «Высшая школа экономики» (ЦКИ НИУ ВШЭ), сохраняет отрицательное значение (-2%) без признаков перехода в положительную зону. На этом фоне наблюдалось сокращение внутреннего спроса практически во всех видах экономической деятельности. Недостаточный спрос на продукцию предприятия на внутреннем рынке отмечали 46% опрошенных руководителей.

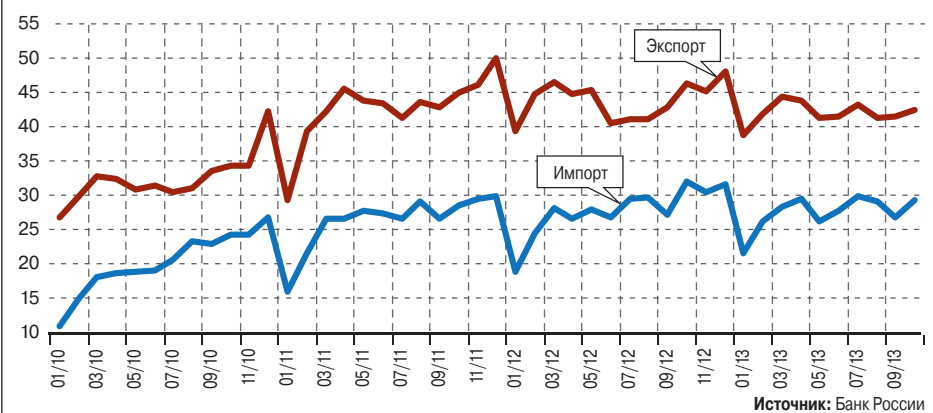
Обследование деловой активности, проводившееся Росстатом в августе, показало изменение оценок спроса продукции в худшую сторону по сравнению с прошлогодними. Если в 2012 году в августе они составляли в добывающих производствах -7% и в обрабатывающих -21%, то теперь эти отрицательные оценки возросли соответственно до -17% и -30%.

О стагнации в промышленности свидетельствует и показатель загрузки производственных мощностей, который остаётся на уровне 63% уже более полугода. И 80% опрошенных руководителей считают этот уровень достаточным для удовлетворения ожидаемого спроса.

Это свидетельствует о том, что предприниматели смирились со стабильно низким состоянием производства. Более 60% из них не ждут в ближайшие месяцы каких-либо принципиальных изменений в экономической ситуации.

График 2. Динамика экспорта и импорта в РФ, млрд долларов США

Особенная экономика

Наблюдаемое замедление российской экономики происходит на фоне общего восстановления темпов экономического роста в мире. Ожидается, что по итогам третьего квартала 2013 года американская экономика вырастет на 1,7 – 1,9% на фоне значительного потребительского оптимизма и расширения экспорта. В еврозоне положительные данные второго квартала свидетельствуют о завершении 18-месячного спада производства. Прирост ВВП Японии по итогам второго квартала достиг 0,9%.

Набирает обороты и китайская экономика, положительный торговый баланс которой в августе достиг 28,6 млрд долларов США против 17,8 млрд долларов в июле. По оценкам, промышленное производство здесь увеличилось в августе на 9,9% против 9,7% в июле. При этом прогноз экономического роста в Китае по итогам года превышает 7,5% — официальную цель правительства.

Формально российская экономика, являющаяся значимым экспортёром сырья и топлива, должна в полной мере испытать положительное влияние общего восстановления в мировой экономике.

Однако магия внешнего спроса практически перестала действовать на нашу экономику. В частности, нынешняя стагнация происходит на фоне устойчиво высоких цен на энергоносители. Средняя цена нефти марки Urals по итогам семи месяцев 2013 года составила 106,8 доллара США за баррель.

К сожалению, для дальнейшего поддержания темпов роста одного ценового фактора недостаточно. Стоимостной объём экспорта (график 2) в январе-июле сократился на 2,5% на фоне прироста импорта на 4,0% по отношению к соответствующему периоду прошлого года.

Причина такого ухудшения внешнеторговой статистики в первую очередь связана с динамикой физических объёмов экспорта. Для их наращивания требуются активные инвестиции в поддержание и развитие производства, в том числе в добывающем секторе.

А именно здесь сейчас основные проблемы.

Инвестиционный голод

По данным Росстата, инвестиции в основной капитал по итогам января-августа 2013 года сократились на 1,3% по сравнению тем же периодом 2012 года. При этом инвестиции крупных предприятий сокращаются опережающими темпами. Для справки: за первое полугодие они упали на 5,8%. Картина могла быть ещё более печальной, если бы не олимпийская стройка. В том же первом полугодии 2013 года прирост вложений в основной капитал в Южном федеральном округе превысил 21,1%. По оценкам Центра развития НИУ ВШЭ, в случае средних темпов роста инвестиций в этом регионе общая динамика капитальных вложений по стране потеряла бы дополнительных 2 процентных пункта.

Можно выделить несколько факторов снижения инвестиций в стране.

Во-первых, это сохраняющийся высокий уровень неопределённости относительно перспектив развития рыночной ситуации. По оценкам Центра конъюнктурных исследований Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, полученным на основе опроса руководителей промышленных предприятий в августе 2013 года, свыше трети директоров не понимает направленности изменений в экономике, и их доля увеличивается с каждым месяцем. Очевидно, что в этих условиях затруднительно говорить о каком-то расширении инвестиций.

Во-вторых, важным негативным фактором, влияющим на динамику капитальных вложений, является объём собственных финансовых средств предприятий. По данным Росстата, прибыль предприятий и организаций сократилась за первое полугодие 2013 года на 12% относительно соответствующего периода 2012 года.

Ещё одним ограничителем инвестиций выступает динамика банковского кредитования. Рост объёмов кредитов, выданных предприятиям в январе-августе в годовом выражении замедлился до 11,9%, тогда как за январь-май он составлял 13,6%. (Максимальный прирост в 26,1% был отмечен в декабре 2011 года.) За период с начала 2013 года прирост кредитов реальному сектору составил 3,6%. И вряд ли можно рассчитывать на активизацию кредитования до конца года.

Нехватка потребительского спроса

Можно было бы надеяться, что в условиях нехватки внешнего и инвестиционного спроса внутренний потребительский спрос станет основой для поддержания темпов экономического роста в стране. Однако этого также не происходит в той мере, которая необходима.

По данным Росстата, прирост реальных располагаемых доходов населения по итогам января-августа 2013 года составил 4,1% относительно аналогичного периода прошлого года. При этом ключевым фактором роста здесь является государство. В частности, заработные платы в номинальном выражении в бюджетном секторе в мае-июне 2013 года выросли на 22% относительно соответствующего периода 2012 года, тогда как в частном секторе этот рост не превысил 7%.

Это и неудивительно, ведь в условиях падающей рентабельности и сокращающихся объёмов выпуска реального сектора даже 7% увеличения

трудовых затрат является крайне значительной величиной, явно превышающей динамику изменения производительности труда.

При этом важно отметить, что динамика потребительских расходов населения постепенно начинает отставать от динамики наращивания доходов. По данным Росстата, оборот розничной торговли в январе-августе 2013 года вырос на 3,9%, то есть на 0,2 процентного пункта меньше, чем реальные доходы населения. Напомним, традиционно наблюдалось обратное соотношение — расходы населения опережали рост доходов. Так, год назад (в январе-августе 2012 года) реальные располагаемые доходы увеличились на 3,5%, а оборот розничной торговли — на 7,1%.

Очевидно, что усиливается тенденция к накоплению денежных средств. Так, опрос, проведенный в апреле исследовательским холдингом «Ромир», свидетельствует, что доля россиян, имеющих сбережения, выросла до рекордного уровня — 75%. И главная причина этой динамики — замедление темпов роста потребительского кредитования. Прирост объемов кредитов, выданных физическим лицам, в июне составил 2,5% (с поправкой на курс) против 3,3% в июне 2012 года и 2,6% в мае текущего 2013 года. То есть надежда на потребительский спрос для роста экономики постепенно убывает.

Инфляция

В сложившейся ситуации предприятия вынуждены переходить к увеличению цен на свою продукцию. По опросам ЦКИ НИУ ВШЭ, 22% предпринимателей предполагают повышение отпускных цен и 40% прогнозируют увеличение стоимости потребляемого сырья и материалов. Так, если в январе 2013 года промышленная инфляция составляла -0,4%, то за январь-август она составила 3,9%, а по прогнозу на январь-октябрь цены производителей промышленной продукции вырастут на 6,1%. Основная доля в промышленной инфляции приходится на добывающие производства. Рост цен в этом секторе достиг 7,3%, а их вклад в промышленную инфляцию составил 2,2 процентного пункта (таблица 3). При этом темп прироста цен производителей в отраслях, занятых добычей топливно-энергетических полезных ископаемых, равен 8,2%, что добавит в промышленную инфляцию 1,1 процентного пункта. За десять месяцев текущего года прирост цен добывающего сектора в целом, по нашему прогнозу, достигнет 13,8%, что составит 3,0 процентного пункта в промышленной инфляции.

Цены производителей в секторе «Обрабатывающие производства» за январь-август выросли гораздо меньше — на 1,8%, вследствие чего вклад в промышленную инфляцию составил 1,1 процентного пункта. Для сравнения: в 2012 году за аналогичный период цены не поднимались. Очевидно, что рост цен на топливо и энергию (что составляет львиную долю в затратах на производство) вынудило предприятия обрабатывающей промышленности увеличить цены на свою продукцию, несмотря на сокращающийся спрос.

Возрастающая динамика цен производителей продукции в данном секторе объясняется и ростом цен в отдельных отраслях. В частности, прирост цен в производстве кокса и нефтепродуктов, а также в обработке древесины составил 5,5% и 3,1% соответственно, и вклад этих показателей в про-

Таблица 3. Составляющие инфляции в промышленности

	Доля отдельных составляющих в индексе цен производителей, %		Прирост цен, %		Вклад в инфляцию, процентные пункты	
	январь-август (факт)	январь-октябрь (прогноз)	январь-август (факт)	январь-октябрь (прогноз)	январь-август (факт)	январь-октябрь (прогноз)
Добыча полезных ископаемых	29,8	22	7,3	13,8	2,2	3
<i>в том числе:</i>						
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	14	12,7	8,2	22,7	1,1	2,8
Обрабатывающие производства	63,3	72,5	1,8	3,5	1,1	2,6
<i>в том числе:</i>						
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	4,2	4,3	1,8	3	0,1	0,1
текстильное и швейное производство	4,2	4,2	2,4	2,8	0,1	0,1
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	5,4	5,2	0,9	1,9	0	0,1
обработка древесины и производство изделий из дерева	5,8	6	3,1	3	0,2	0,2
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	2,5	2,5	3,2	3,6	0,1	0,1
производство кокса и нефтепродуктов	11,8	11,7	5,5	13,7	0,6	1,6
химическое производство	8,8	8,7	1,6	1,1	0,1	0,1
производство резиновых и пластмассовых изделий	2,6	2,3	1,1	3,3	0	0,1
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	9,8	10	1,8	2,3	0,2	0,2
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	10	10,1	-2,6	-2,6	-0,3	-0,3
производство машин и оборудования	1,1	1,3	2,1	2,8	0	0
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	3,3	3,1	1,7	2,9	0	0,1
производство транспортных средств и оборудования	3,7	3,6	1	2	0	0,1
прочие производства	2,6	2,7	-0,5	2,8	0	0,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,9	5,5	8,7	9,9	0,6	0,5
<i>в том числе:</i>						
производство, передача и распределение электроэнергии	3,3	3,4	7	3,4	0,2	0,1
Всего	100	100	-	-	3,9	6,1

Источник: ИЭ РАН

мышленную инфляцию составил 0,6 и 0,2 процентного пункта. Месячная динамика цен производителей в производстве продуктов питания, включая напитки, и табака носит понижительный характер, что, однако, не сказывается на динамике цен на продовольственные товары на потребительском рынке, где наблюдается рост цен. За январь-август в наименьшей степени выросли цены в производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви на 0,9%.

За десять месяцев цены в обрабатывающей промышленности увеличатся, по нашему прогнозу, на 3,5% и их вклад в индекс цен производителей промышленной продукции будет составлять 2,6 процентного пункта.

Цены производителей в секторе «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» выросли в январе-августе на 8,7%, их вклад в рост промышленной инфляции составил 0,6 процентного пункта. За десять месяцев цены данного сектора увеличатся, по нашему прогнозу, на 9,9% и их вклад будет составлять 0,5 процентного пункта.

Таблица 4. Составляющие потребительской инфляции

	Доля отдельных составляющих в индексе потребительских цен, %		Прирост цен, %		Вклад в инфляцию, процентные пункты	
	январь-август (факт)	январь-октябрь (прогноз)	январь-август (факт)	январь-октябрь (прогноз)	январь-август (факт)	январь-октябрь (прогноз)
Продовольственные товары	37,1	36,4	4,4	4,6	1,6	1,8
<i>в том числе:</i>						
плодоовощная продукция	3,1	3,3	7,9	0,3	0,2	1
хлеб и хлебобулочные изделия	1,8	2,2	6,5	7,3	0,1	0,2
макаронные изделия	1,8	1,8	5,2	5,4	0,1	0,1
рыба и морепродукты	1,9	1,9	3,1	3,2	0,1	0,1
молоко и молочная продукция	2,7	2,8	4,4	6,7	0,1	0,2
масло сливочное	1,1	1,1	6,7	6,8	0,1	0,1
сахар-песок	1	1,1	8,5	9,4	0,1	0,1
алкогольные напитки	6,4	7,1	12,4	13,3	0,8	0,9
Непродовольственные товары	36,4	36,7	2,7	4,3	1	1,2
<i>в том числе:</i>						
одежда и бельё	5,5	5,5	3	3,4	0,2	0,2
трикотажные изделия	2,9	3	1,8	2,1	0,1	0,1
моющие и чистящие средства	0,8	1,4	2,7	3,6	0	0,1
табачные изделия	0,8	1,1	20,8	25,3	0,2	0,3
строительные материалы	2,7	2,8	2	2,5	0,1	0,1
бензин автомобильный	3,9	4,1	4,3	4,8	0,2	0,2
лекарства	2,8	3	6,4	7,1	0,2	0,2
Платные услуги населению	26,5	26,9	7,1	8,6	1,9	2,3
<i>в том числе:</i>						
услуги ЖКХ	11,6	12,5	8,7	11,2	0,9	1,4
медицинские услуги	2,5	2,7	6,2	7,3	0,2	0,2
услуги пассажирского транспорта	4,4	4,3	11,6	11,8	0,4	0,5
санаторно-оздоровительные услуги	0,5	0,5	14,2	14,5	0,1	0,1
услуги связи	2,9	3	2	2,3	0,1	0,1
Всего	100	100	-	-	4,5	5,3

Источники: Росстат, ИЭ РАН

Повышение инфляционного давления сказалось и на потребительской инфляции (таблица 4). В первую очередь это связано с увеличением тарифов в июле на газ и электроэнергию — потребительские цены в июле выросли вдвое по сравнению с июнем. Но в целом за январь-август 2013 года инфляция практически осталась на уровне 2012 года и составила 4,5%. Спадает как всегда выход на рынок продукции нового урожая.

Августовский прирост цен также повторил прошлогодний — 0,1%. Однако в восьми субъектах РФ потребительские цены выросли на 0,5% и более. Так на Камчатке в результате роста тарифов на услуги цены выросли на 1,8%. В 21 субъекте РФ отмечено снижение потребительских цен на 0,1 — 0,5%, что связано с сезонным удешевлением плодоовощной продукцией. В августе картофель стал дешевле на 23,9%, морковь, свекла, лук — на 19%. В Москве прирост индекса потребительских цен составил 0,4%, а в Санкт-Петербурге отмечено снижение цен на 0,5%.

С наступлением нового сельскохозяйственного года замедлился рост цен на продовольственные товары в целом, что привело к их снижению в августе на 0,7%. Но по итогам восьми месяцев продовольственные товары подорожали на 4,4%, что обеспечило 1,6 процентного пункта прироста индекса потребительских цен. В августе цены на продовольственные товары без плодоовощной продукции увеличились на 0,6%, а с начала года на 4,0%.

За восемь месяцев наиболее подорожали алкогольные напитки, сахарный песок и сливочное масло (на 12,4%, 8,5% и 6,7% соответственно). Несмотря на то что в августе плодоовощная продукция существенно подешевела — на 11,3%, прирост цен на неё за восемь месяцев составил 7,9%, что внесло 0,2 процентного пункта в общую величину инфляции. По нашему прогнозу, за десять месяцев этого года цены на продовольственные товары увеличатся на 4,6%, в результате чего их вклад в потребительскую инфляцию составит 1,8 процентного пункта.

Цены на непродовольственные товары в августе выросли на 0,5%, а с начала года на 2,7% (их вклад в рост инфляции за восемь месяцев составил 1 процентный пункт). По итогам августа среди наблюдаемых групп непродовольственных товаров наибольший прирост цен отмечен на автомобильный бензин — на 3,1%, а на бензин марки АИ-95 и выше — на 3,2%. За период с начала года наиболее существенно подорожали табачные изделия, медикаменты и бензин (на 20,8%, 6,4% и 4,8% соответственно). За январь-октябрь цены на непродовольственные товары вырастут на 4,3%, а их доля в потребительской инфляции составит 1,2 процентного пункта.

В августе стоимость платных услуг возросла на 0,9%, главным образом за счёт роста жилищно-коммунальных услуг, которые подорожали на 1,3%. В преддверии нового учебного года выросли цены на услуги образования — на 2,0%. В последний летний месяц также подорожали услуги зарубежного туризма — на 2,6%. За восемь месяцев 2013 года стоимость платных услуг выросла на 7,1%, и её вклад в рост инфляции достиг 1,9 процентного пункта. За десять месяцев этого года платные услуги подорожают, по нашему прогнозу, на 8,6%, что внесёт 2,3 процентного пункта в рост инфляции.

В целом индекс потребительских цен, по прогнозу, за январь-октябрь 2013 года составит 5,3% и к концу года, возможно, выйдет на планируемый Минэкономразвития уровень менее 7%.

Таким образом, российская экономика находится в зоне перехода от стагнации к рецессии. Большинство ключевых показателей выпуска устойчиво колеблется вокруг нуля. Не добавляет оптимизма и динамика спроса. Стабильное состояние около нуля долго продолжаться не может, несмотря на попытки адаптировать существующую экспортно-ориентированную модель экономики и управление национальным хозяйством к условиям снижения потока ресурсов. Выход из сложившейся ситуации требует новой модели регулирования, основанной не на ручном управлении, а на жёстких правилах экономической политики. ■

ВЛАДИСЛАВ ЖУКОВСКИЙ

Псевдоинвестиции

Вместо неоправданной ставки на привлечение иностранного капитала следовало бы реализовать комплекс мер, направленных на активизацию внутренних источников роста экономики.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СУВЕРЕНИТЕТ

Согласно официальным оценкам Росстата, по итогам первого полугодия 2013 года совокупный размер иностранных инвестиций в российскую экономику увеличился ни много ни мало на 32,1% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и достиг отметки 98,8 млрд долларов. Да, темпы роста притока иностранного капитала заметно снизились — в I квартале прирост достигал 65,4%. Однако это позволяет руководству финансово-экономического блока заявлять о якобы имеющем место буме иностранных инвестиций. В рублёвом эквиваленте 98,8 млрд долларов — это 5% ВВП России в ценах 2012 года и 25% федерального бюджета в том же году.

Особенно позитивными эти результаты выглядят на фоне стремительного затухания производственной, инвестиционной и потребительской активности — по итогам первого полугодия текущего года темпы роста производства товаров и услуг по основным видам экономической деятельности, обеспечивающим без малого три четверти ВВП России, выросли всего на 0,3%, что выглядит откровенным провалом на фоне 4,6% и 4,4% в аналогичном периоде 2012 и 2011 годов соответственно. Годовые темпы роста ВВП по итогам полугодия сжались в три раза (с 4,5% до 1,4%) по сравнению с аналогичным показателем год назад. Прирост промышленного производства на 3,2% в январе-июле 2012 года сменился нулевой стагнацией — реальный сектор экономики вошёл в депрессивно-коматозное состояние. Объём инвестиций в основной капитал после роста на 12,2% в январе-июле 2012 года показал падение на 0,7% в аналогичном периоде текущего года.

На фоне этого сильнейшего за последние четыре года спада активности ситуация с притоком иностранного капитала на первый взгляд даёт поводы для оптимизма.

Однако при ближайшем рассмотрении данного вопроса и изучения качественной структуры притекающего в Россию капитала, а также тех издержек, которые несёт российская обескровленная экономика на выплату дивидендов, процентов, ренты и прочих платежей за пользование капиталом и финансовыми ресурсами, окажется, что в сфере трансграничного движения капитала ситуация далеко не так однозначно позитивна.

Кроме того, существенный вклад в ускорение притока капитала в первые шесть месяцев 2013 года внёс статистический эффект низкой базы — годом ранее наблюдалось сокращение масштабов притока иностранных инвестиций в российскую экономику на 14,7%. В этой связи рост притока иностранных инвестиций выглядит гораздо более скромным и откровенно не тянет на «рекорды». Во многом это восстановительный рост после глубокого спада годом ранее.

Вместо технологий — кредиты

В структурном отношении рост иностранных инвестиций главным образом обусловлен расширением внешней задолженности отечественных компаний и банков перед иностранными кредиторами, а не реальным при-

током долгосрочных капиталов и наращиванием капитальных вложений в модернизацию производства (таблица 1).

По итогам первого полугодия текущего года зафиксирован скачкообразный рост прямых зарубежных инвестиций — без малого на 59,1%. Что на фоне роста на 8% годом ранее выглядит весьма неплохим результатом.

Но в абсолютном выражении прямые инвестиции, за которые российские чиновники борются уже второе десятилетие подряд в надежде на инновации и модернизацию, составили всего лишь 12,1 млрд долларов из 98,8 млрд долларов общего объёма иностранных инвестиций.

Другими словами, на долю тех самых инвестиций, которые, по мнению руководства финансово-экономического блока правительства, должны были дать стимул техническому перевооружению производств, структурно-технологической модернизации экономики и находящейся в аварийном состоянии инфраструктуры, отраслевой диверсификации промышленности, масштабному обновлению основных фондов (официально изношенных на 50–52%, реально — на все 75–80%), а также способствовать форсированному развитию научно-технического потенциала и преодолению упадка в высокотехнологичных отраслях промышленности, приходится чуть более 12,3% совокупного притока иностранного капитала.

Да, это несколько больше, чем 10,2% годом ранее. Однако до сих пор это капля в море, что-то вроде статистической погрешности. Лишь примерно десятая часть (а на самом деле ещё меньше, как будет показано дальше) притекающего в Россию капитала имеет хоть какое-то отношение к преодолению тех вызовов, которые стоят перед страной, — преодоление «сырьевого проклятия» и снятие позорного статуса «сырьевой колонии».

Отметим как отрадный факт, что на долю блуждающего «горячего» спекулятивного капитала (портфельных инвестиций), от разрушительного

Таблица 1. Поступление иностранных инвестиций в Россию в I полугодии 2013 г. по типам

	I полугодие 2013 г.			I полугодие 2012 г. (справочно)	
	млн долларов США	в % к		в % к	
		I полугодию 2012 г.	итого	I полугодию 2011 г.	итого
Инвестиции	98 795	132,1	100	85,3	100
<i>из них:</i>					
Прямые инвестиции	12 139	159,8	12,3	108	10,2
<i>в том числе:</i>					
взносы в капитал	4503	115,6	4,6	128,9	5,2
кредиты, полученные от зарубежных совладельцев организаций	6837	в 2,3 раза	6,9	91,5	4,0
прочие прямые инвестиции	798	111,9	0,8	102,4	1,0
Портфельные инвестиции	326	27,3	0,3	в 4,9 раза	1,6
<i>в том числе:</i>					
акции и паи	255	23,1	0,2	в 7,4 раза	1,5
долговые ценные бумаги	71	79,3	0,1	96,1	0,1
Прочие инвестиции	86 330	130,8	87,4	82,1	88,2
<i>в том числе:</i>					
торговые кредиты	12 869	98,3	13	109,1	17,5
прочие кредиты	72 999	152,9	73,9	71,8	63,8
прочее	462	8,9	0,5	в 2,7 раза	6,9

Источник: Росстат

воздействия которого целым рядом крупных экономически развитых и динамично развивающихся индустриальных стран активно вводятся ограничения на трансграничное движение спекулятивного капитала (Южная Корея, Таиланд, Бразилия и т.д.), пришлось не более 326 млн долларов. Это откровенно незначительная величина, которая не вызывает серьёзных опасений, — менее 0,3% совокупного притока иностранного капитала. Годом ранее на долю портфельных инвестиций приходилось порядка 1,6% суммарных вложений иностранного капитала (1,19 млрд долларов). То есть приток спекулятивного капитала в первом полугодии 2013 года не только не вырос, но даже умудрился обвалиться без малого на 72,3% после роста в 4,9 раза годом ранее.

Можно сказать, что в настоящий момент влияние «горячих» капиталов в России весьма ограничено. Вообще за исключением кризисных периодов (лето 1998 года, весна 2004-го, осень 2008-го, осень 2011-го, весна 2012-го и т.д.) этот спекулятивный капитал не оказывает практически никакого заметного влияния на российскую экономику и валютно-финансовую систему России.

Основной же вклад в рост иностранных инвестиций в Россию был обусловлен стремительным (практически на 30,8%) усилением притока капитала по статье «прочие инвестиции». В данном случае, согласно методологии платёжного баланса Банка России, речь идёт главным образом об иностранных кредитах и займах, предоставленных российским заёмщикам. А также (в гораздо меньшей степени) о приобретении российской валюты нерезидентами и открытии рублёвых счетов в российских банках иностранными физическими и юридическими лицами.

Именно ситуация с иностранными кредитами и займами вызывает наиболее серьёзные опасения.

Российские компании и банки, не имеющие доступа к долгосрочным инвестиционным ресурсам по приемлемой ставке процента, всё сильнее влезают в долговую зависимость от иностранных кредиторов. Причём процесс этот далеко не безобиден и безболезнен.

Дело в том, что российские предприятия вынуждены привлекать иностранные кредиты в силу маломощности, слабости и неконкурентоспособности отечественной банковской системы. Отметим в этой связи, что по показателю объёма выданных банками кредитов нефинансовым организациям и промышленным предприятиям (33,2% ВВП), суммарным выданным кредитам всем субъектам экономики (54,5% ВВП) и совокупным активам банковской системы (78% ВВП) Россия в 2–3 раза уступает странам Восточной Европы и БРИКС и в 4–5 раз — крупным экономически развитым странам с глубоко и широко диверсифицированной экономикой и развитым научно-техническим потенциалом. Российская банковская система не в силах обеспечить финансирование расширенного воспроизводства производительного капитала, внедрение ресурсо- и трудосберегающих технологий, техническое перевооружение производства, а также замену трудоёмкого производства капиталоемким, что является фундаментом любой модернизации и новой индустриализации. Наша банковская система по большому счёту не справляется с главной из своих функций по трансформации временно свободных финансовых ресурсов и сбережений в производительные инвестиции в развитие отечественной несырьевой промышленности и модернизацию инфраструктуры.

Из 98,8 млрд долларов, поступивших по итогам первого полугодия 2013 года в Россию из-за рубежа в виде иностранных инвестиций, на долю пресловутых «прочих инвестиций» (то есть кредитов и займов) пришлось не менее 86,3 млрд долларов — около 87,4%. Никаких заметных изменений к лучшему данного показателя в последнее время не происходит. Для сравнения: годом ранее, в январе-июне 2012-го, на долю иностранных кредитов и займов приходилось порядка 88,2% суммарного притока капитала.

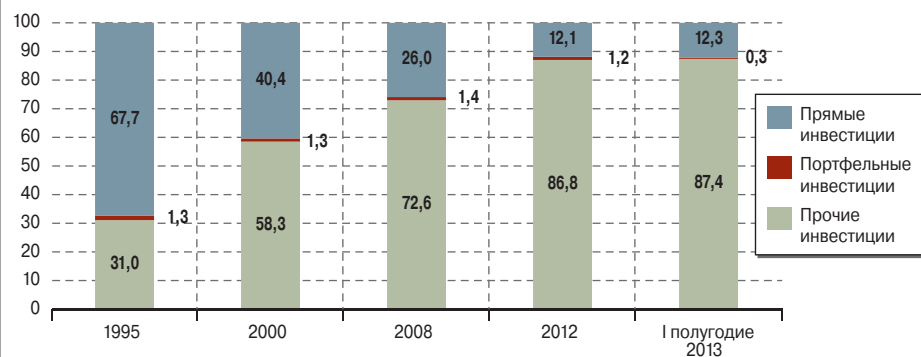
Чем дальше — тем хуже

Как правило, когда эксперты и учёные указывают российским чиновникам на то, что под видом иностранных инвестиций в Россию притекают иностранные кредиты и займы, а российские промышленные компании и банки попадают в петлю внешних займов, тратя на их обслуживание 30 — 40 млрд долларов ежегодно, чиновники пытаются списать это на неразвитость рыночных институтов и обещают, что в скором времени ситуация изменится к лучшему.

Однако процесс качественной деградации и примитивизации структуры иностранных капитальных потоков стабильно наблюдается на протяжении последних двух десятилетий (график 1).

Согласно официальным данным Росстата и ЦБ РФ, если в 1995 году, то есть в разгар разрушительных «рыночных преобразований» и либерального погрома промышленности, на долю прямых инвестиций приходилось порядка 67,7% суммарного притока иностранного капитала, то к 2000 году эта доля сократилась до 40,4%. В 2008-м этот показатель не превышал 26%, а в 2012-м и вовсе сжался до едва заметных 12,1%. Одновременно с этим удельный вес так называемых прочих инвестиций, под вывеской которых скрываются главным образом иностранные кредиты и займы, подскочил с 31,0% в 1995 году до 58,3% в 2000-м, 72,6% в 2008-м, 86,8% в 2012-м и до 87,4% по итогам первого полугодия 2013 года. Другими словами, за 17 лет доля кредитов и займов в структуре иностранных инвестиций в Россию подскочила в 2,8 раза, тогда как удельный вес прямых инвестиций сжался в 5,6 раза!

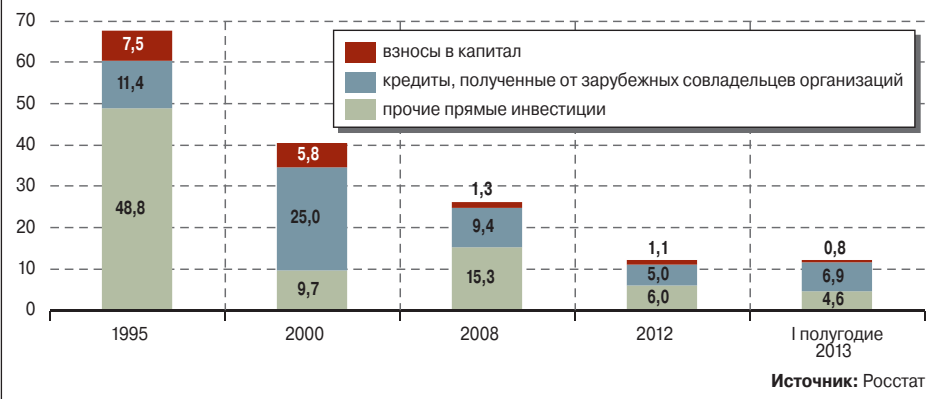
График 1. Структура иностранных инвестиций, поступивших в Россию в 1995–2013 гг. по типам (в % к итогу)

Источник: Росстат

График 2. Структура прямых инвестиций, поступивших в Россию в 1995–2013 гг., по типам (в % от общего объёма иностранных инвестиций)

Хуже того, реальные масштабы кредитов и займов в структуре притекающего в Россию иностранного капитала превышают вышеуказанные оценки Росстата — в силу особенностей статистического учёта часть предоставленных иностранными банками кредитов и займов относится не к статье «прочие инвестиции», а проходит по статье «прямые инвестиции». В статистических отчётах Росстата указывается, что в структуре прямых иностранных инвестиций, осуществлённых нерезидентами, на долю кредитов и займов, предоставленных в рамках операций внутрифирменного кредитования материнскими организациями-нерезидентами принадлежащих им на территории России «дочерних» и «внучатых» компаний, в первом полугодии 2013 года пришлось порядка 56,2% суммарного притока прямых иностранных инвестиций в Россию. То есть приблизительно 6,8 из 12,1 млрд долларов.

Таким образом, больше половины поступающего в Россию иностранного капитала, который Росстат по формальным признакам относит к прямым инвестициям, на деле является всё теми же кредитами и займами.

С учётом указанных долговых ресурсов, формально относимых ЦБ РФ к прямым иностранным инвестициям, но в действительности являющихся «прочими инвестициями», реальный удельный вес иностранных кредитов и займов в структуре притекающего в Россию иностранного капитала составляет не 87,4%, а все 94,3%! (А в I квартале текущего года эта доля составляла аж 97,2%!) На долю же действительно прямых инвестиций приходится лишь 4,6% (график 2).

Это означает, что, кроме кредитов и займов, в Россию теперь в принципе никакие другие капиталы не притекают в сколь-нибудь существенном объёме. А кроме того, это ещё является абсолютным рекордом — столь односторонней и ущербной структуры иностранных инвестиций не наблюдалось за все годы статистических наблюдений в пореформенной России.

Даже после этих констатаций может возникнуть иллюзорная надежда на то, что хотя на долю кредитов и займов и приходится львиная доля притекающего в Россию иностранного капитала, но всё же в конечном счёте эти кредитные ресурсы используются российскими заёмщиками с целью приобретения

машин и оборудования, технического перевооружения производственных мощностей, внедрения энерго-, трудо- и ресурсосберегающих технологий, повышения общего уровня капиталовооружённости производства и замены трудоёмкого производства капиталоемким на базе научно-технических достижений современного и передового технологического уклада.

Эта последняя иллюзия разрушается анализом структуры направлений использования поступивших в Россию иностранных инвестиций. Так, согласно официальным данным Росстата, по итогам первого полугодия 2013 года всего по различным статьям было использовано средств, поступивших в Россию из-за рубежа в форме иностранных инвестиций, на сумму чуть более 92,5 млрд долларов (с учётом неиспользованных ранее средств). Из которых 33,7 млрд долларов (36,4%) было направлено на приобретение ценных бумаг, 15 млрд долларов (16,3%) — на погашение ранее взятых кредитов и займов, 13,4 млрд долларов (14,5%) — на пополнение оборотного капитала, то есть оплату сырья, материалов и комплектующих изделий.

И лишь 6,1 млрд долларов (то есть менее 6,6% использованного иностранного капитала) были пущены на осуществление тех самых инвестиций в основной капитал, ради которых с формальной точки зрения и ведётся российскими чиновниками борьба за привлечение иностранного капитала.

Мнимые величины

Как уже отмечалось ранее, в составе иностранных инвестиций в российскую экономику удельный вес прямых инвестиций сокращается на протяжении последних 17 – 18 лет и в настоящий момент не превышает 10 – 12%. Более того, даже в структуре прямых инвестиций до половины инвестиций приходится на операции внутрифирменного кредитования, то есть кредиты, предоставленные иностранными компаниями и банками принадлежащим им и контролируемым ими компаниям на территории России. Однако на этом неприятные сюрпризы с прямыми инвестициями, привлечение которых правительство сделало чуть ли не главным смыслом своего существования, не заканчиваются.

подавляющая часть поступающих в Россию инвестиций практически сразу же выводится из неё в рамках операций по погашению ранее поступивших кредитов и инвестиций, а не направляется на финансирование модернизации экономики, техническое перевооружение производств, замену и расши-

рение производственно-сбытовых мощностей. Так, по итогам первого полугодия 2013 года из поступивших в Россию 98,8 млрд долларов 62,6 млрд покинули страну, то есть были погашены.

Другими словами, 63,4% средств, поступающих в Россию под видом иностранных инвести-

»Рост иностранных инвестиций
главным образом обусловлен
расширением внешней
задолженности отечественных
компаний и банков перед
иностранцами.

ций, по большому счёту вообще не пересекают границу России и вымываются обратно за рубеж в пользу иностранных кредиторов и акционеров. Весьма показательны, что есть целые отрасли, в рамках которых наблюдается отрицательное сальдо баланса инвестиционных потоков, то есть гасится и вывозится за рубеж инвестиций больше, чем привлекается оттуда. Так, в сферу транспорта и связи поступило 2 млрд долларов, а было погашено 2,4 млрд; в гостиничный и ресторанный комплекс поступило 12 млн долларов, а было погашено 59 млн; в финансовый сектор поступило 11,3 млрд долларов — погашено 18,6 млрд, в рыболовство и рыбоводство поступило 10 млн долларов — погашено 25 млн.

Не менее ошибочно преувеличивать вклад иностранных инвестиций в финансирование структурно-технологической модернизации российской экономики и инфраструктуры. На долю иностранных инвестиций приходится лишь малая часть капитальных затрат, осуществляемых в российской экономике: по итогам 2012 года в Россию из-за рубежа поступило свыше 154,5 млрд долларов иностранных инвестиций, что эквивалентно примерно 4,7 трлн рублей.

Причём на долю прямых инвестиций пришлось лишь 18,6 млрд долларов, что составляет 560 млрд рублей. На фоне 12,5 трлн рублей инвестиций в основной капитал, осуществлённых в 2012 году российскими компаниями и банками, эта сумма выглядит весьма скромно. На долю прямых иностранных инвестиций приходится менее 5% совокупных капитальных вложений в основные фонды в российской экономике. Абсолютно очевидно, что этот мизер не оказывает существенного влияния на динамику инвестиционной активности.

Картина получается поистине сюрреалистическая. Иностранные инвестиции являются чуть ли не приоритетом №1 в политике экономического блока правительства. Однако никакой серьёзной созидательной роли они в экономике России не играют.

В этой связи правительству стоило бы гораздо больше внимания уделять именно отечественному капиталу и российским инвесторам (в том числе малому и среднему бизнесу), а не мифическим иностранным инвесторам.

Не работают на развитие

Если верить заверениям российских высокопоставленных чиновников, а также международным финансовым организациям, продвигающим интересы крупного транснационального капитала и международных банков, иностранные инвестиции должны способствовать преодолению критической зависимости российской экономики от экспорта невозполнимого минерального сырья (пресловутого «сырьевого проклятия»), отраслевой диверсификации экономики и бурному подъёму инвестиционной и производственной активности в несырьевом комплексе. В настоящий момент 67% федерального бюджета, 72% корпоративных прибылей, 75% капитальных вложений и 92% экспорта обеспечивают добыча полезных ископаемых, металлургия, нефтепереработка, лесная промышленность, производство удобрений и связанные с ними единичными производственно-технологическими

цепочками создания добавленной стоимости смежные и поддерживающие отрасли низких переделов.

Однако на деле всё наоборот — иностранные инвесторы с точки зрения целеполагания и расстановки приоритетов практически ничем не отличаются от российских инвесторов. В точном соответствии с принципами капитализма они склонны вкладывать свой капитал в те отрасли, которые могут гарантировать получение высоких и сверхвысоких доходов в максимально сжатые сроки и при наименьших рисках. В данную категорию попадают как раз перечисленные выше отрасли, а также разного рода спекулятивные операции на финансовых рынках и торгово-посреднические операции.

Именно об этом и говорят официальные данные Росстата, согласно которым по состоянию на конец июня 2013 года из накопленных 370,6 млрд долларов иностранных инвестиций 17,1% (63,3 млрд долларов) приходилось на добычу сырья, 17,1% (63,3 млрд) — на оптово-розничную торговлю, 8,6% (31,8 млрд) — на транспорт и связь, а 9,6% (35,4 млрд) — на посреднические операции на рынке недвижимости.

Да, с формальной точки зрения на долю обрабатывающих производств пришлось свыше 40% суммарного накопленного в российской экономике иностранного капитала. Однако не стоит обольщаться. Во-первых, к обрабатывающей промышленности относятся и производства низких переделов, не связанные с производством готовой продукции потребительского или инвестиционного назначения, а также производством продукции с высокой добавленной стоимостью. В данном случае речь идёт о металлургическом производстве, нефтепереработке, производстве удобрений, лесной промышленности и т.д. В силу того, что хотя эти отрасли промышленности с точки зрения статистического учёта и методологии не относятся к добыче сырья, тем не менее по своей сути они относятся к производствам низких переделов, обладающих низким мультипликатором добавленной стоимости (на единицу сырья создаётся мало добавленной стоимости). Все они обеспечивают своим инвесторам получение сверхприбылей за счёт эксплуатации всё той же природно-сырьевой ренты, на которой, по сути дела, и держится вся российская деиндустриализированная экономика полуторных переделов.

А во-вторых, и это не менее важно, именно в обрабатывающей промышленности, занятой в сфере реального материального производства благ и задыхающейся от перманентного дефицита доступных кредитных ресурсов, наиболее остро стоит вопрос о доступе на международные рынки капитала. Действуя в условиях крайне острой и при этом постоянно обостряющейся конкурентной борьбы (в особенности после присоединения России к ВТО в совершенно неподготовленном виде и на кабальных условиях), отечественные промышленные предприятия просто вынуждены привлекать внешнее финансирование либо через эмиссию корпоративных облигаций, либо через банковское кредитование. И в том и в другом случае все эти операции фиксируются как привлечение иностранного капитала в форме прочих инвестиций.

Наряду с этим отчётливо видно, что иностранные инвесторы не спешат идти в те несырьевые отрасли промышленности, которые ориентиру-

ются на внутренний спрос, не обеспечивают извлечение сверхдоходов и сопряжены с высокими рисками (производственными, технологическими, сбытовыми и т.д.). Так, на долю сельского хозяйства приходится менее 0,7% (2,6 млрд долларов) суммарных накопленных иностранных инвестиций в России, на строительство — 1,1% (4,2 млрд долларов), на рыболовство — 0,03% (66 млн долларов), на систему образования — 0,01% (3 млн долларов), на здравоохранение и оказание социальных услуг — 0,1% (347 млн долларов), на оказание коммунальных и персональных услуг — 0,2% (686 млн долларов).

Те сферы экономической деятельности, которые не связаны с эксплуатацией природно-сырьевой, монополистической, административной или любой другой ренты, как показывает практика, оказываются неинтересными иностранным инвесторам. Тем не менее российские чиновники, которые рассуждают о мессианском назначении иностранного капитала, продолжают тиражировать миф о том, что зарубежные инвесторы якобы пойдут в те сферы экономики, которыми государство и частный сектор заниматься не хотят. Однако и этот миф оказался разрушен — иностранные вкладчики приходят в Россию, чтобы зарабатывать деньги, а не заниматься благотворительностью, поднимать разрушенную отечественную обрабатывающую промышленность и создавать себе конкурентов на территории России.

В целом наблюдающаяся качественная деградация и примитивизация самой структуры притекающих в Россию иностранных капиталов, с одной стороны, отражает деградацию российской экономики и разрушение научно-технического потенциала страны, а с другой стороны — усиливает структурные перекосы и дисбалансы в российской экономике, стимулирует процессы деиндустриализации хозяйства и разрушения производственной базы.

Долги и убытки

Итак, практически целиком и полностью хваленые «иностраннные инвестиции», за которые российские чиновники ведут борьбу уже третье десятилетие подряд, состоят из кредитов и займов. И никакого отношения к обещанному импорту современных управленческих и производственных технологий, техническому перевооружению производств, модернизации инфраструктуры и ЖКХ, развитию научно-технического потенциала и человеческого капитала, построению «экономики знаний» и реиндустриализации большинство этих «инвестиций» не имеют. Это в чистом виде долговая удавка, которая затянута на шее крупнейших российских компаний и банков, в том числе занятых в стратегически значимых секторах экономики и отвечающих за суверенитет и национальную безопасность России.

В то время как находящиеся у руля финансово-экономического блока правительства ученики Гайдара и Чубайса в лучших традициях эпохи «рыночных реформ» твердят мантры о пользе и необходимости иностранных инвестиций для российской экономики и пространно рассуждают о необходимости улучшения пресловутого «инвестиционного климата», российская экономика плотно сидит на игле внешних займов.

Неудивительно, что только за последние полтора года (с января 2012-го по июль 2013 года) суммарный размер внешнего долга всех субъектов российской экономики (правительства, Центрального банка, финансовых и нефинансовых организаций) подскочил на 161,9 млрд долларов (или на 29,9%) — с 541,9 до 703,8 млрд долларов (график 3).

Причём если внешний долг органов исполнительной власти не превышает 56,8 млрд долларов, то внешний долг российских компаний и банков достиг 628,3 млрд долларов (за полтора года он увеличился на 135,8 млрд долларов, или на 27,6%). Однако так называемый внешний долг государственного сектора в расширенном определении (то есть с учётом компаний и банков, принадлежащих более чем на 50% государству) за последние полтора года вырос с 224,6 до 375 млрд долларов.

Бездумное снятие ограничений на трансграничное перемещение капитала и радикальное ослабление валютного контроля, характерные для последнего десятилетия, приводят к утрате контроля над собственной экономикой.

Втягивая крупнейшие российские промышленные предприятия и банки (в том числе и прежде всего с государственным участием) в воронку внешних займов и подсаживая их на иностранные кредиты, одновременно навязывая российским чиновникам ультралиберальную и глубоко порочную политику «кудринизма» (недофинансирования экономики, количественного ограничения денежного предложения, привязки эмиссии рубля к притоку иностранной валюты и т.д.), представители транснационального капитала и крупнейшие международные банки получают в качестве залога акции предприятий из стратегически значимых секторов российской экономики.

Кроме того, баланс инвестиционных доходов, отражающий разницу между обслуживанием полученного из-за рубежа капитала и отдачей от инвестиций России за рубежом, не только сводится с отрицательным значением, но и стремительно разрастается.

Весьма показательны, что российские компании и банки занимают, по сути дела, свои же собственные ресурсы, предварительно изъятые и вывезенные за рубеж Минфином из экономики России якобы лишние и незаработанные «нефтедоллары». Неудивительно, что наблюдается крайне тесная корреляция между динамикой ЗВР и внешним долгом частного сектора: за период 2000 — 2013 годов совокупный размер ЗВР России вырос с 31 до 535 млрд долларов. Тогда как внешний долг российских финансовых и нефинансовых организаций также подскочил приблизительно с 30 до 628,3 млрд долларов.

График 3. Динамика и структура внешнего долга России, млрд долларов

По оценкам ряда видных российских экспертов (в частности, академиком Сергея Глазьева и Олега Богомолова, а также Валентина Катонова, Михаила Делягина, Юрия Болдырева, Михаила Хазина, Андрея Кобякова, Марата Мусина, Сергея Губанова и других), на одних только пресловутых «ножницах процентов», отражающих разницу между доходностью от размещения за рубежом средств «нефтегазовой кубышки» (Резервного фонда и ФНБ) и валютных накоплений Банка России, и тех процентов по иностранным кредитам и займам, которые привлекают отечественные компании и банки, Россия ежегодно теряет порядка 40–50 млрд долларов — более 10% федерального бюджета. Размещая средства под 1,5–2,5% в зарубежные ценные бумаги, правительство заставляет российские компании и банки занимать эти же средства, предварительно изъяты из российской бюджетной системы и экономики и прокрученные в финансовом секторе стратегических конкурентов России, под 7–8,5% годовых.

Центральный банк России старается не предавать широкой огласке официальные данные по разрастающимся инвестиционным убыткам российской экономики. Согласно данным платёжного баланса России, в одном только 2012 году отрицательное сальдо доходов (то есть чистый убыток) от инвестиций за границу и в Россию превысило 55,4 млрд долларов (1,65 трлн рублей, или 13,8% федерального бюджета России в 2012 году). Это — разница между теми платежами по обслуживанию иностранных кредитов и займов в виде уплаты процентов, дивидендных выплат иностранным акционерам и прочим затратам на привлекаемый капитал (для российских юридических и физических лиц они составили 98,7 млрд долларов) и теми доходами, которые были получены из-за рубежа (43,3 млрд).

Всего же за период с 2000 по 2012 год и только в рамках этого канала оттока капитала Россия потеряла свыше 322,6 млрд долларов. Именно такую цену заплатила российская экономика за хроническое нежелание Банка России и Минфина заниматься созданием полноценной и самодостаточной инвестиционно-банковской системы, способной финансировать экономический рост, модернизацию и техническое перевооружение.

Более того, к этой сумме уместно прибавить накопленный чистый вывоз капитала из России со стороны частного сектора за период 2000–2012 годов, который, согласно официальным данным ЦБ РФ, составил более

297,2 млрд долларов. В таком случае получится, что отрицательное сальдо движения капитала из России за период 2000–2012 годов в рамках финансового счёта и платежей по обслуживанию привлечённого капитала превысит отметку 619,8 млрд долларов.

Если к этой сумме инвестиционных убытков

**»» Процесс качественной
деградации и примитивизации
структуры иностранных капитальных
потоков стабильно наблюдается
на протяжении последних двух
десятилетий.**

с. 170

присовокупить тот капитал, который был изъят из российской экономики самим государством через операции Минфина и Центрального банка в размере 468,8 млрд долларов (пополнение валютных резервов), то получится, что за период 2000 – 2012 годов России был нанесён ущерб в размере 1,08 трлн долларов. В масштабе цен 2012 года это эквивалентно 50% ВВП России (по официальному курсу рубля) и 270% годового федерального бюджета в том же году.

Стоит сказать, что всего в силу крайне благоприятной ценовой конъюнктуры России удалось заработать свыше 1,41 трлн долларов по счёту внешней торговли товарами. Из этих 1,41 трлн долларов, полученных Россией в качестве профицита внешней торговли, мы фактически потеряли средства, которые могли быть использованы на цели экономического роста, на сумму 1,08 трлн долларов (то есть 76,6%).

Эти 1,08 трлн долларов были вывезены из России в результате снятия ограничений на трансграничное передвижение капитала, либерализации внешнеэкономического законодательства и демонтажа системы валютного регулирования и контроля. При этом государство сыграло в этом процессе ключевую роль: и с точки зрения изъятия денег из российской экономики под видом формирования валютных резервов, и с точки зрения бездумной либерализации валютного законодательства.

«Лишние» деньги

Некоторые высокопоставленные российские чиновники умудряются найти оправдание масштабному исходу капитала в иностранные юрисдикции из российской экономики, которая как никогда остро нуждается в доступных долгосрочных инвестиционных ресурсах для финансирования проектов по новой индустриализации экономики, техническому перевооружению производств и пр. И даже пытаются доказать, что отток капитала полезен экономике. Как правило, аргументация чиновников сводится к двум тезисам.

«**Больше половины поступающего в Россию иностранного капитала, который Росстат относит к прямым инвестициям, на деле является всё теми же кредитами и займами.**

Во-первых, из страны утекает якобы лишний и избыточный капитал, который не может быть эффективно задействован в экономике и не может найти себе применения. Соответственно, если бы он остался в России, то это спровоцировало бы раскручивание маховика инфляции и обесценения доходов и сбережений россиян, негативным образом отразившись на уровне жизни граждан, платёжеспособном спросе и перспективах производства.

Однако тезис об избыточности капитала не выдерживает никакой критики. В России уровень монетизации экономики, отражающий обеспечен-

ность народного хозяйства денежными средствами (отношение денежной массы по агрегату М2 к ВВП), менее 43% ВВП, что в 2,5 раза ниже, чем в периферийных странах ЕС и во времена СССР (порядка 95% ВВП), в 3 раза ниже, чем в Германии, Франции, Нидерландах и других крупных экономиках Старого Света (115 – 135% ВВП) и в 4 – 6 раз ниже, чем в динамично развивающихся новых индустриальных странах и у «азиатских тигров» (от 178% ВВП в Китае до 240% ВВП в Японии). В России наблюдается не избыток денежного предложения, как это пытаются выдать в Минфине и Центральном банке, а острый и перманентный дефицит денег, который лишь подстёгивает рост ставок по кредитам и раскручивание инфляции издержек.

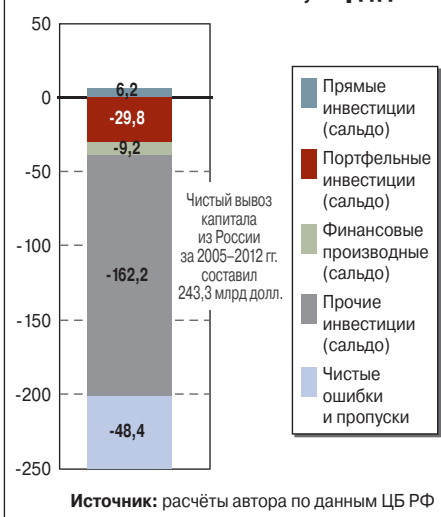
Во-вторых, аргументация сводится к тому, что якобы из России утекают «горячие» спекулятивные по своей природе портфельные инвестиции, которые бессмысленно и даже вредно удерживать. Поэтому не следует переживать и вводить ограничения на трансграничное передвижение капитала. Однако изучение структуры капитальных потоков наглядно демонстрирует, что из России утекают отнюдь не только и не столько «горячие» спекулятивные капиталы, сколько вполне себе производительные прямые и прочие инвестиции, которые могли быть направлены на нужды отечественной экономики и финансовой системы, однако работают на стратегических конкурентов России на мировом рынке.

Согласно официальным данным ЦБ РФ, за период 2005 – 2012 годов совокупный чистый вывоз капитала из России по финансовому счёту платёжного баланса со стороны компаний и банков превысил отметку в 243,3 млрд долларов (график 4). Из которых на долю портфельных инвестиций пришлось лишь не более 29,8 млрд долларов (12,2% суммарного чистого вывоза капитала), на долю производных финансовых инструментов — 9,2 млрд долларов (3,7%), на долю прочих инвестиций — 162,2 млрд долларов (66,7%), а по каналу незаконного вывоза откровенно криминальных

активов и капитала (статья «чистые ошибки и пропуски» платёжного баланса на протяжении многих лет сводится с отрицательным сальдо) из России утекло свыше 48,4 млрд долларов, что составляет порядка 19,8% суммарного чистого вывоза капитала из России за рассматриваемый промежуток времени. И лишь по статье прямых инвестиций по итогам последних 8 лет зафиксирован пуск и несущественный и едва отличимый от статистической погрешности, но всё же чистый приток капитала в размере 6,2 млрд долларов.

Несмотря на непрекращающиеся на протяжении многих лет разговоры российских чиновников о необходимости привлечения иностранных инвесторов любой ценой и

График 4. Сальдо ввоза-вывоза капитала в России частным сектором по типам за 2005–2012 гг., млрд долл.

общий оптимизм по поводу скачкообразного роста притока иностранного капитала в Россию, реальная ситуация с капитальными потоками в корне отличается от красивой картинки. На самом же деле финансовые ресурсы активно вывозятся из России, капитал утекает за рубеж, причём эту утечку определяют не спекулятивные портфельные инвестиции — капитал главным образом вымывается под видом прочих инвестиций (то есть операций кредитования, а также приобретения иностранной валюты и открытия валютных счетов в России и за рубежом).

Другими словами, в том, что процесс вывоза средств из России интенсифицировался, виноват не только спекулятивный капитал. Из России утекают вполне себе производительные формы капитала, которые должны были бы быть направлены на финансирование новой индустриализации экономики, техническое перевооружение производств и развитие человеческого капитала.

Однако всё же не частный сектор вывозит львиную долю капитала из России и обескровливает отечественную экономику. Согласно официальным данным ЦБ РФ, за период 2000 — 2012 годов совокупный чистый вывоз капитала из России со стороны частного сектора (то есть компаний и банков) накопленным итогом составил порядка 297,2 млрд долларов. Тогда как за аналогичный промежуток времени государством в лице Министерства финансов и Центрального банка России в виде накопления валютных резервов было вывезено за рубеж свыше 468,8 млрд долларов, что в 1,57 раза превышает показатели частного сектора.

Именно государство обескровливает отечественную деиндустриализованную и дезинтегрированную экономику и маломощную финансовую систему, которые и без того задыхаются от нехватки доступных инвестиционных ресурсов.

Совершенно очевидно, что для финансирования проекта новой индустриализации отечественной экономики, проведения комплексного технического перевооружения производственных мощностей, внедрения современных управленческих и производственных технологий требуется радикально нарастить инвестиционную активность. Однако вместо этого мы видим маниакальную приверженность руководства финансово-экономического блока правительства деструктивной политике «кудринизма», которая обостряет дефицит денег в экономике, поддерживает её недофинансирование, равно как инфраструктуры и человеческого капитала, усиливает сырьевую зависимость экономики и бюджетной системы («сырьевое проклятие»), а также обостряет зависимость от иностранных кредитов и офшоризацию народного хозяйства.

Стоит сказать, что существенный вклад в изъятие финансовых ресурсов из российской экономики вносит теневой сектор и запрещённые законодательством России виды предпринимательской деятельности. По сути дела, незаконный вывоз капитала из России превратился во второй по значимости после государства канал по выводу средств из страны.

Эта ситуация демонстрирует двойственность позиции российских чиновников — они готовы без устали высокопарно рассуждать на всевозможных форумах и саммитах о мессианском предназначении иностранных инвестиций и при этом не делают ничего для того, чтобы перекрыть каналы

Таблица 2. Объём накопленных иностранных инвестиций в экономике России по основным странам-инвесторам (млн долл. США)

	Накоплено на конец июня 2013 г.		В том числе		
	всего	в % к итогу	прямые	портфельные	прочие
Нидерланды	66548	18,0	22956	153	43439
Кипр	64640	17,5	40831	1144	22665
Люксембург	47989	12,9	1194	219	46576
Китай	32228	8,7	1383	15	30830
Великобритания	24855	6,7	2292	2947	19616
Германия	19812	5,3	10811	17	8984
Ирландия	18655	5,0	365	2	18288
Франция	15786	4,3	2493	34	13259
США	11491	3,1	2772	768	7951
Япония	10483	2,8	803	5	9675

Источник: Росстат

незаконного вывоза капитала и дать стимул российскому производительно-му капиталу работать в России. Вместо того чтобы бороться за российские инвестиции и капитал на деле, российские чиновники предпочитают идти более простым и понятным для них путём — бороться за мифические иностранные инвестиции.

Странные иностранные

Мифология иностранных инвестиций включает ещё один весьма анекдотический аспект.

Как у рядовых граждан, так и у чиновников и даже профессиональных экономистов возникает ощущение, что речь идёт о привлечении капитала, который радикальным образом (в качественном отношении и, несомненно, в лучшую сторону) отличается от отечественного капитала и обладает уникальными характеристиками, которых лишены внутренние источники. Иностранному капиталу приписываются чуть ли не метафизические свойства, а сам он наделяется чудодейственными способностями по исцелению экономики от всех бед (начиная от высокой инфляции и сырьевой зависимости и заканчивая технической отсталостью и коррупцией). Иностранные инвестиции как умышленно, так и по незнанию, наделяются поистине сакральным смыслом.

Как это ни парадоксально, в основном тот капитал, который поступает в Россию из-за рубежа под видом иностранных инвестиций, на деле вовсе не является иностранным, а является российским по источнику происхождения. Это те капиталы, которые законным и незаконным образом вывозятся российскими финансовыми и нефинансовыми организациями за пределы российской юрисдикции, там легализуются, получают иностранную прописку и затем под видом иностранных инвестиций возвращаются обратно в Россию, получая разного рода налоговые преференции и льготы.

Именно такие выводы можно сделать, проанализировав объём накопленных иностранных инвестиций в экономике России по основным странам-инвесторам (таблица 2). Согласно официальным данным Росстата, по состоянию на конец июня 2013 года из накопленных в России 370,6 млрд долларов иностранных инвестиций свыше 18% (66,5 млрд долларов) приходилось на Нидерланды, 17,5% (64,6 млрд) — на Кипр, 12,9%

(47,9 млрд) — на Люксембург, 6,7% (24,8 млрд) — на Великобританию и находящиеся в рамках её юрисдикции офшорные гавани, 5% (18,6 млрд) — на известную своим льготным налоговым режимом Ирландию. И лишь 8,7% (32,2 млрд долларов) приходится на Китай, 5,3% (19,8 млрд) — на Германию, 4,3% (15,7 млрд) — на Францию, 3,1% (11,4 млрд) — на США и 2,8% (10,4 млрд) — на Японию.

Более детализированная разбивка структуры притекающего в Россию из-за рубежа капитала позволяет сделать вывод, что порядка 65–70% (в отдельные годы эта доля достигала 75–80%) де-юре иностранных инвестиций в Россию де-факто имеют российское происхождение и первоначально были вывезены за рубеж (чаще всего в офшоры и налоговые гавани) российскими предпринимателями. А уже затем, сменив гражданство и прописку, получив налоговые послабления и необходимую защиту от возможных претензий со стороны российских правоохранительных органов, были возвращены в Россию. Практически никакого отношения к загранице формально иностранные, а реально российские по своему происхождению, притекающие из-за рубежа инвестиции не имеют.

Пользуясь изъянами и лазейками (а зачастую даже и откровенными «дырами») в российском законодательстве, а также осуществлённой в середине 2000-х годов по указке МВФ и Всемирного банка избыточной либерализацией внешнеэкономического законодательства (произошёл фактически демонтаж системы валютного регулирования и контроля), представители российского крупного капитала вывозят колоссальные по своему объёму финансовые ресурсы за рубеж, а затем занимаются их репатриацией в Россию.

Для сравнения: в структуре накопленных прямых иностранных инвестиций на долю того же Кипра приходится без малого 35,3% всех капитальных вложений нерезидентов — 40,8 из 115,6 млрд долларов. Тогда как по статье «прочие инвестиции» доля Кипра невелика (лишь 9,1%), а лидирующие позиции занимают Люксембург и Нидерланды — 18,3% и 17,5%.

Крупнейшие российские компании и банки являются российскими только формально. Центр прибыли и экономической деятельности находится в России, однако реальные акционеры и бенефициары, а с ними и центр принятия решений и управления отечественной экономикой — за

Таблица 3. Объём инвестиций из России, накопленных за рубежом (млн долл. США)

	Накоплено на конец июня 2013 г.		В том числе		
	всего	в % к итогу	прямые	портфельные	прочие
Виргинские о-ва (Брит.)	59 617	33,9	55 829	799	2989
Кипр	32 807	18,7	20 524	1867	10 416
Нидерланды	26 874	15,3	23 127	2154	1593
Великобритания	8887	5,1	2323	3228	3336
Швейцария	8326	4,7	3046	51	5229
Люксембург	6594	3,8	3813	2458	323
США	6433	3,7	5606	128	699
Беларусь	5842	3,3	5268	60	514
Турция	1570	0,9	1568	-	2
Австрия	1393	0,8	125	2	1266

Источник: Росстат

её пределами. Сверхприбыли, извлекаемые за счёт хищнической эксплуатации природных и трудовых ресурсов, а также доставшегося в наследство от СССР инфраструктурного и производственного потенциала, утекают в офшорные юрисдикции и фешенебельные страны. В которых, насколько можно судить, и находятся реальные, а не формальные владельцы крупнейших российских предприятий.

Офшоризация ведёт к утрате управляемости отечественной экономикой, передаче рычагов управления вовне, к дезинтеграции, десуверенизации и деиндустриализации хозяйства.

Весьма показательно, что в структуре накопленных инвестиций из России за рубежом (таблица 3) также лидируют разного рода офшорные юрисдикции и «налоговые гавани». Согласно оценкам всё того же Росстата и Банка России, из 175,6 млрд долларов, накопленных резидентами России за рубежом по состоянию на конец июня 2013 года, порядка 33,9% приходится на Виргинские острова (британская колония и один из крупнейших в мире офшоров), 18,7% — на Кипр, 15,3% — на Нидерланды и т.д.

Не там ищем

Мифологизации, во многом умышленная, выгодна тем, кто продвигает и отстаивает интересы транснационального капитала и международных финансовых спекулянтов в ущерб интересам отечественного производственного капитала и финансово-экономическому суверенитету России.

Критический анализ показывает несостоятельность устоявшихся в общественном сознании легенд и мифов.

Подавляющая часть (не менее 70 — 75%) поступающего в Россию из-за рубежа капитала, формально и на бумаге являющегося иностранным, на деле оказывается российским по источнику своего происхождения. Львиная доля иностранного капитала (85 — 95%) на деле является не прямыми инвестициями, обеспечивающими трансфер технологий, а кредитами и займами, ни в коей степени не связанными с целями новой индустриализации отечественной экономики и восстановления разрушенных вертикально-интегрированных производственно-технологических цепочек создания добавленной стоимости. Более того, как в абсолютном, так и в относительном выражении иностранные инвестиции уступают российским инвестиционным ресурсам и составляют мизерную долю от суммарных капитальных вложений в основные фонды России.

Подавляющая часть иностранного капитала (порядка 70%) направляется либо на рефинансирование ранее взятых кредитов и займов, либо на осуществление финансовых спекуляций, либо, в лучшем случае, на пополнение оборотного капитала и материально-технических запасов. Лишь малая часть идёт в основной капитал.

Очередным блефом оказались и обещания чиновников, что иностранные инвестиции помогут преодолеть «сырьевое проклятие» и отраслевую диверсификацию экономики в пользу высокотехнологичных секторов высоких переделов и базовых отраслей современного технологического уклада. На практике иностранных инвесторов главным образом интересуют те отрасли промышленности и виды экономической деятельности, которые

гарантируют извлечение сверхприбылей в сжатые сроки. Это лишь усиливает структурные дисбалансы в российской экономике, сырьевую зависимость промышленности и бюджета, обостряет процессы дезинтеграции и деиндустриализации хозяйства, а также стимулирует дальнейшее разрушение научно-технического и воспроизводственного потенциала экономики.

Искусственная мифологизация иностранных инвестиций и придание им чудодейственных свойств крайне опасно, так как, с одной стороны, усиливает зависимость России от транснационального капитала, коммерческие интересы которого зачастую могут не совпадать со стоящими перед государством приоритетами и целями развития. А с другой стороны — увеличивают потери России от участия в системе неэквивалентного внешнеэкономического обмена, масштабы чистых инвестиционных убытков и вымывания капитала, а также обостряют процессы офшоризации отечественной экономики, укрепляют внешнюю долговую зависимость, ведут к десоверенизации.

Тем не менее Россия обладает колоссальными внутренними резервами для наращивания инвестиционной активности с целью реализации своего производственного, научно-технического и инфраструктурного потенциала.

Только за счёт ужесточения валютного законодательства и финансового надзора и пресечения незаконного вывоза капитала государство могло бы увеличить производительные инвестиции в основные фонды в российской экономике как минимум на 1,6 трлн рублей.

За счёт запуска полноценной системы долгосрочного рефинансирования коммерческих банков под залог корпоративных и государственных ценных бумаг (прежде всего, инвестиционного назначения) можно было бы усилиями одного лишь ЦБ РФ как кредитора последней инстанции обеспечить создание как минимум 3–4 трлн рублей неинфляционных долгосрочных инвестиционных ресурсов. Эти ресурсы можно было бы создать за счёт адресной и целевой эмиссии со стороны Банка России (как это делают ЦБ крупнейших экономически развитых стран), и их можно было бы направить на реализацию долгосрочных капиталоемких инвестиционных проектов, которые априори являются малопривлекательными для частного капитала: развитие инфраструктуры (транспортной, портовой, жилищно-коммунальной, энергетической и т.д.), фундаментальной науки, НИОКР и т.д. С учётом действия банковского мультипликатора, мультипликатора госинвестиций и механизма госгарантий это позволило бы создать в российской экономике порядка 10–12 трлн рублей дополнительных долгосрочных инвестиционных ресурсов, тем самым удвоив объём капитальных вложений в основные фонды в российской экономике.

Только за счёт повышения уровня собираемости налогов с сегодняшних 73% до среднеевропейских 87% можно было бы дополнительно получить свыше 1,5 трлн рублей, которые вполне можно направить на новую

»На долю прямых иностранных инвестиций приходится менее 5% совокупных капитальных вложений в основные фонды в российской экономике.

индустриализацию российской экономики через так называемый бюджет развития. Вкупе с сокращением размера нецелевого использования бюджетных ресурсов, которое оценивается от 1,5 трлн рублей (официально) до 3,5 трлн рублей (по экспертным оценкам), это позволило бы практически в 1,5 раза увеличить объём внутренних капитальных вложений в основные фонды.

Благодаря усилению борьбы с незаконной предпринимательской деятельностью, декриминализации экономики и сокращению доли теневой экономики, масштабы которой оцениваются от 15% ВВП (официально) до 45–50% ВВП (по данным МВФ и Всемирного банка), можно было бы также увеличить объём инвестиций в основной капитал на 6–10 трлн рублей.

Вместо того чтобы создавать и тиражировать псевдонаучные мифы вокруг волшебных свойств иностранных инвестиций и преклоняться перед иностранным капиталом, пространно рассуждая о необходимости улучшения инвестиционного климата, российским чиновникам следовало бы реализовать комплекс мер, направленных на активизацию внутренних источников роста экономики и инвестиционной активности. Тесная, научно обоснованная и грамотная увязка денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики вкупе с демонополизацией и деофшоризацией экономики, ограничением тарифного произвола естественных монополий и реальной борьбой с коррупцией и административными барьерами способны обеспечить форсированный рост инвестиций в основные фонды и дать мощный стимул новой индустриализации. ■

ИГОРЬ БЕРЕЗИН,
президент Гильдии маркетологов, ведущий эксперт исследовательского холдинга «Ромир»

Растущее повседневное потребление

За пять лет расходы россиян на покупку товаров повседневного спроса увеличились номинально более чем в два раза, а реальный рост составил около 40%: половина его пришлась на натуральное потребление, кроме того, произошёл структурный сдвиг в сторону более дорогих ассортиментных позиций.

С

2007 года исследовательский холдинг «Ромир» проводит изучение повседневного потребления россиян на основе мониторинга покупок с использованием технологии сканирования штрихкодов.

За это время накоплен огромный массив интереснейшей информации. Как менялось повседневное потребление россиян в последние пять лет (с весны 2008 года)? Весна 2008-го была выбрана в качестве базы для сравнения неслучайно. Это был последний спокойный «предкризисный» сезон в нашей новейшей потребительской истории. Уже летом 2008 года дрогнул курс рубля и немного (до 110 долларов за баррель) снизилась цена на нефть. После чего начали нарастать тревожные настроения в ожидании предстоящего кризиса, который разразился во всю мощь осенью, а затем захватил весь 2009 год. А весной 2008-го всё было хорошо. И не просто хорошо, а «очень хорошо». Промышленное производство, торговля, ВВП и доходы населения росли высокими (и в номинальном, и в реальном выражении) темпами восьмой год подряд, восстанавливаясь после «провала 90-х». Потребители, предприниматели и государственные чиновники, в том числе и самого высокого ранга, были преисполнены оптимизма, полагая, что мировые экономические неурядицы нас не коснутся. И Россия, по выражению тогдашнего министра финансов, останется «островком стабильности в бурном море мирового кризиса». Так что весна 2008-го — это, можно сказать, наш «мини-1913 год», с которым российская статистика любила сравнивать достижения советского периода.

Рост номинальных расходов

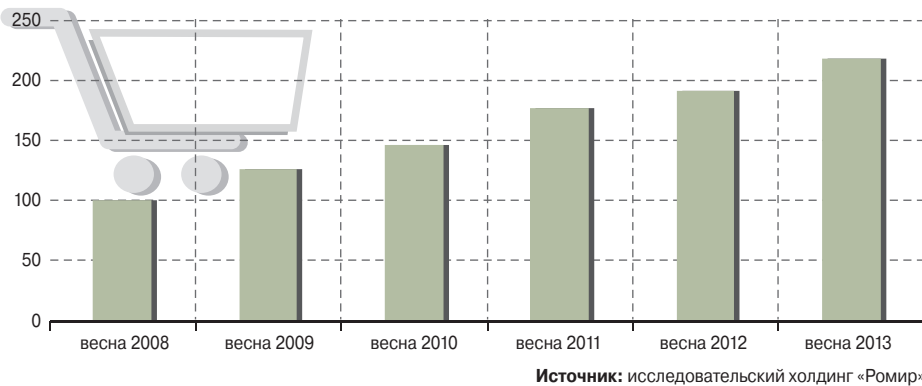
За пять лет номинальные расходы на продукты питания и товары повседневного потребления (без учёта услуг и крупных покупок типа мебели и техники) увеличились в номинальном выражении на 118% — более чем в два раза (график 1).

справка

Исследовательский холдинг «Ромир» разработал новый инструмент измерения потребительской активности — «Ромир — индексы покупательской активности», рассчитываемые на основе панели из 3600 домохозяйств, оснащённых сканерами штрихкодов. «Ромир — индексы покупательской активности» отражают динамику потребления продуктов питания и непродовольственных товаров повседневного спроса и цен на них, качественный и количественный состав потребительской корзины, изменения в предпочтениях в отношении мест покупок жителей российских городов. Базой для расчёта индексов являются ежедневно обновляемые, верифицированные данные по покупкам более 100 категорий продовольственных и непродовольственных товаров в городах России с населением 100 тыс. жителей и более.

с. 180

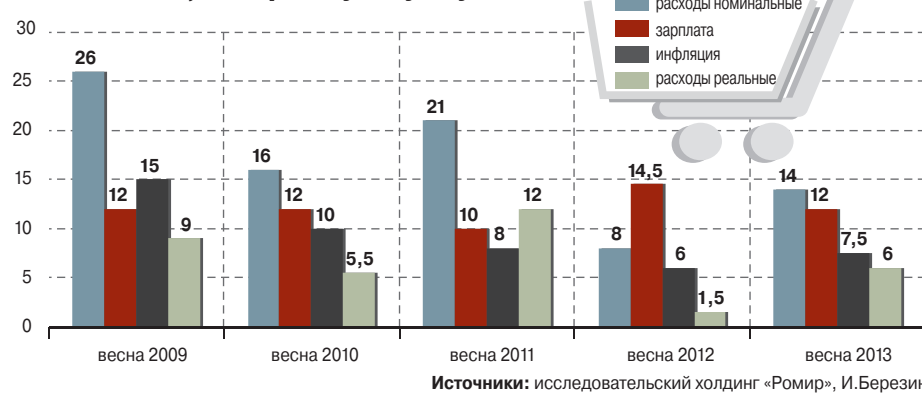
График 1. Динамика индекса повседневного потребления в 2008-2013 гг. (в текущих ценах, уровень весны 2008 г. = 100)

Средняя заработная плата (и совокупные доходы населения) за этот период выросла в номинальном выражении только на 77% — менее чем в два раза. Таким образом, темп роста повседневных потребительских расходов в номинальном выражении не только обогнал темпы роста потребительских цен (о чём будет сказано ниже), но и почти на четверть (на 23%) обогнал рост доходов населения.

Этому феномену можно дать два объяснения. Первое: происходит массовое «обнищание» широких слоёв населения. Всё большее число семей вынуждено отказываться от приобретения товаров длительного пользования и оплаты «необязательных» услуг и всё большую долю своих потребительских расходов направлять на покупку продуктов питания и товаров первой необходимости. Однако это объяснение совсем не вяжется с большинством других показателей потребления. Ни на рынке автомобилей, ни на рынке бытовой техники, ни на рынках платных услуг не наблюдается устойчивого снижения спроса. Да, возможно, темпы роста там не такие значительные, но всё же эти рынки растут. По крайней мере в номинальном выражении. При «обнищании» должен происходить сдвиг в структуре

График 2. Темпы роста расходов населения, зарплаты и потребительских цен в 2009–2013 гг., в % к предыдущему году

потребления в сторону более дешёвого ассортимента. Мы же наблюдаем противоположную картину. Наконец, при «обнищании» цены на продукты питания и товары первой необходимости должны расти темпами, превышающими темпы роста номинальных доходов. А у нас всё наоборот (график 2).

Второе возможное объяснение — происходит расширение потребительской «базы». Группы потребителей среднего достатка увеличиваются за счёт тех, кто ранее находился в «зоне бедности» и был вынужден экономить даже на продуктах питания и товарах первой необходимости. Теперь, выйдя из «зоны бедности», эти потребители навёрстывают упущенное. На покупку мебели или автомобиля их возросших доходов ещё не хватает, но на нормальную еду и приобретение повседневных товаров — вполне.

Это объяснение, на мой взгляд, куда лучше соотносится с реальностью, чем первое. Можно даже назвать эти большие социальные группы, покинувшие «зону бедности» за последние пять лет: военнослужащие и госслужащие, врачи и учителя, часть пенсионеров. Теперь очень важно, чтобы их не посадили на дорогостоящие потребительские кредиты, обслуживание которых может часть этих семей вновь привести к ситуации экономии на еде и товарах первой необходимости.

Рост реальных расходов

Итак, номинальные повседневные расходы за пять лет выросли на 118% (в 2,18 раза). Потребительские цены за эти же пять лет выросли на 55,5% (в 1,555 раза). С поправкой на инфляцию рост повседневных расходов (уже в реальном выражении) составил ровно 40%. В среднем — ровно по 7% в год. Конечно, год от года сильно отличался. Например, в 2009-м (весна к весне 2008-го) повседневные расходы выросли в реальном выражении на 9% на фоне относительно высокой инфляции. Вот тогда действительно происходило «замещение». На фоне разворачивающегося кризиса резко сократились покупки автомобилей, мебели, одежды, техники, украшений и прочих товаров не первой необходимости. А повседневное домашнее потребление выросло на привычные (по предыдущим восьми годам) 26% в номинальном выражении. Население старалось сохранить достигнутый темп роста потребления хотя бы по продуктам и товарам первой необходимости. К тому же часть «внедомашнего» потребления вернулась домой. В частности, на фоне сокращения посещений кафе и ресторанов выросли продажи полуфабрикатов и недорогого коньяка. А в 2012 году на фоне относительно низкой инфляции произошло резкое замедление темпов роста реального повседневного потребления (график 2).

Откуда же взялся (или куда ушёл) 40-процентный рост реального потребления за пять лет? Для большей корректности надо заметить, что с учётом изменения структуры потребления между продуктами питания и «несъедобными» товарами стоит говорить о примерно 30-процентном росте по продуктам питания и 60-процентном — по непродовольственным товарам повседневного спроса.

Примерно половина этого роста (14% по продуктам питания и 27% по «несъедобному») — это увеличение физических объёмов потре-

ния продуктов питания и товаров повседневного спроса. Потребление мяса птицы и свинины, по данным Мясного союза России и Росстата, за эти годы выросло более чем на 20%. На 10–15% увеличилось потребление кофе, чая, шоколада, соков и безалкогольных напитков. Резко выросло потребление (а вернее, продажи) гречки в 2010 году на фоне панической истерии вокруг темы неурожая этой крупы. Вот только продажи книг в натуральном выражении снижались всю описываемую пятилетку.

Вторая половина роста объясняется сдвигами в структуре потребления в пользу относительно более дорогих продуктов и товаров. Потребление йогуртов и пробиотиков росло быстрее, чем молока и кефира; шоколада и шоколадных конфет в наборах, быстрее, чем карамели и развесных конфет; полуфабрикатов и готовых замороженных продуктов, быстрее, чем куриных окорочков и мороженого мяса. Та же картина по зубной пасте и туалетной бумаге, моющим средствам и товарам для дома. Сдвиги в структуре потребления объясняют также известный феномен превышения «индивидуальной» инфляции над «общеекономической». Люди видят, что тратить на продукты стали существенно больше, хотя есть (как им кажется) больше не стали. И думают, что это Росстат что-то «химичит» с индексами потребительских цен в угоду правительству. А на самом деле потребители просто не учитывают изменений в своей потребительской корзине. Вот очень упрощённый, но весьма простой и показательный пример того, как это работает. В марте 2012-го потребитель приобрёл два килограмма варёной колбасы по 250 рублей и полкило сырокопчёной по 600 рублей. «Корзина колбасы марта 2012-го» — 2,5 килограмма стоит 800 рублей. В марте 2013-го тот же потребитель приобрёл 1,5 килограмма варёной колбасы по 260 рублей и килограмм сырокопчёной по 620 рублей. «Корзина колбасы марта 2013-го» — 2,5 килограмма обошлась ему в 1010 рублей. Инфляция по индивидуальной «колбасной корзине» — более 25% (26,25%, если быть точным). Инфляция по колбасе на рынке (в магазине) — менее 4%. Можно легко сконструировать пример, в котором «индивидуальная корзина» будет дорожать даже при снижении цен на все входящие в неё компоненты. Даже если бы в нашем предыдущем примере произошло снижение цен и на варёную, и на сырокопчёную колбасу на 10%, наш потребитель всё равно потратил бы на «колбасную корзину» на 10% больше рублей, чем годом ранее.

Примечательно, что какой-либо выраженной корреляции между темпами роста средней заработной платы и темпами роста реального (и номинального) потребления выявлено не было. Строго говоря, все эти пять лет темп роста номинальной средней заработной платы был стабильным — 12% в год (график 2). И только в «предвыборный» период с весны 2011-го по весну 2012-го он ускорился до 14,5%, наверстав предыдущее небольшое замедление темпов роста. Номинальный же рост расходов в этот пери-

» Половина роста повседневного потребления пришлось на изменение структуры потребляемых товаров в пользу относительно более дорогих ассортиментных позиций.

од колебался от 8% до 26% в годовом выражении, а реальный — от 1,5% до 12%. На мой взгляд, это объясняется тем, что для целей нашего анализа «средняя зарплата» и «средний душевой доход» являются слишком обобщающими макропоказателями. Нам бы следовало взять показатели по динамике доходов отдельных крупных групп потребителей. К сожалению, мы такими показателями не располагаем. И располагает ли или нет Росстат — нам неизвестно. Если и располагает, то тщательно их скрывает. Он даже данные по децильному распределению по заработной плате в стране не обновлял уже два года.

Москва и «регионы»

Вопреки расхожему мнению, что Москва живёт какой-то своей, отдельной от всей остальной страны жизнью, наши данные показывают, что процессы повседневного потребления проистекают практически синхронно в Москве, городах с населением более миллиона жителей и городах с населением 500 — 700 тыс. жителей (график 3).

Во всех типах городов номинальный рост повседневного потребления превысил двукратные значения. Да, «стартовые условия» — номинальный уровень потребления в различных городах был различным пять лет назад. Но эти различия не были очень большими. Да, эти различия в первую очередь определялись структурой и наполнением повседневной потребительской корзины в различных городах страны. Да, разрыв в уровне повседневного потребления между Москвой и другими крупными городами составляет около 60% (в пользу Москвы, естественно). Он был таким пять лет назад. И скорее всего, 10 — 15 лет назад тоже. И сейчас он такой. Не уменьшается, но и не растёт. В 2009 году чуть отстали в темпах роста города-миллионники. В 2010-м Москва чуть вырвалась вперёд. В 2011-м чуть поотстали города с населением около 500 тыс. жителей. В 2012-м все индексы совершенно выровнялись. Сейчас Москва опять чуть впереди. Но в следующем году, или ещё через год, индексы, скорее всего, опять сравняются.

Эти данные подтверждают единство экономического пространства нашей страны. По крайней мере с точки зрения повседневного потребления. Наверное, для тех, кто в теме (профессионалов в сфере сетевых форматов розничной торговли, например), эти выводы звучат достаточно банально, но отчего-то мы всё время слышим эти тухлые мантры про какую-то совершенно особую жизнь внутри МКАД.

«Богатые» и «бедные»

Ещё один устойчивый миф — о социальном расслоении. По одной его версии дифференциация по доходам (и расходам) устойчиво растёт. По другой — неуклонно сокращается под воздействием мудрой социальной политики «партии и правительства». Так вот, мы ничего подобного не наблюдаем. За пять лет повседневные потребительские расходы наименее обеспеченных представителей нашей выборки выросли в 2,2 раза; наиболее обеспеченных — в 2,1 раза. Если разрыв и сократился, то где-то на 5%, не более. (Естественно, речь идёт только о повседневном потреблении!) В наименее выигрышном положении оказались потребители с изначально средним уровнем доходов и потребления. Их повседневные потребительские расходы за пять лет выросли менее чем в два раза — в 1,95 раза, или на 95% (см. график 4). Так что немного проиграли (не абсолютно, конечно, а относительно) и «богатым», и «бедным». Не в этом ли один из источников социального недовольства «среднего класса», которое выплеснулось в виде протестного движения в конце 2011-го — начале 2012 года?

Конечно, нашей выборкой изначально (и принципиально) не охвачены 1,5% самых богатых и 15–20% наименее обеспеченных горожан. Но ни нувориши, ни представители «социального дна» не являются значимой (и кому-то интересной) группой на рынках товаров повседневного спроса и продуктов питания. Так что наша выборка вполне адекватно представляет 80% всех потребителей и 90% объёмов повседневного потребления.

Средний чек

Как можно видеть на графике 5, до весны 2010 года размер среднего чека увеличивался быстрее, чем росло номинальное потребление повседневных товаров. Это говорит о том, что покупки в тот период совершались чуть реже и центр тяжести понемногу смещался в сторону магазинов крупных форматов. А вот с весны 2011-го, и особенно сильно за последний год, темпы роста среднего чека стали значимо уступать темпам номинального роста повседневных расходов. То есть покупки стали совершаться чаще. Этот факт свидетельствует в пользу тезиса о росте рациональной компоненты в поведении потребителей. Они стали тщательнее выбирать повседневные товары, ищут «лучшую цену» и готовы в этих поисках посещать большее число торговых точек различных форматов в течение месяца.

Интересно, что наибольший вклад в рост среднего чека (на 86% за пятилетку) внесли магазины, торгующие через прилавок, — как правило, это небольшие магазины «у дома». Средний чек в магазинах такого формата за пять лет вырос почти в три раза. Только за последние два года магазины, торгующие через прилавок, увеличили показатель среднего чека почти в 1,5 раза! А вот в супермаркетах и гипермаркетах средний чек за пять лет вырос только на 60% — 10% годового роста в среднем. Но конечно, этот процесс был очень неравномерным. В гипермаркетах основной рост пришёлся на первый год (весна 2008-го — весна 2009 года), когда этот показатель вырос сразу на 40%. Зато следующие два года он топтался на месте

Группы потребителей среднего достатка увеличиваются за счёт тех, кто ранее находился в «зоне бедности» и был вынужден экономить даже на продуктах питания и товарах первой необходимости.

Зато следующие два года он топтался на месте

и возобновил очень медленный рост только после весны 2011-го. В супермаркетах первые два года средний чек рос на 15–20% в год, следующие три года — на 3–7% за год. А вот в дискаунтерах за пять лет средний чек вырос всего на 37%. Причём практически весь этот рост пришёлся на период с весны 2008-го по весну 2010 года. Так что дискаунтеры вполне оправдывают своё название и соответствуют своему позиционированию как магазинов с доступными ценами и необременительным сервисом. В результате такой динамики двукратный разрыв по абсолютному размеру среднего чека между дискаунтерами и магазинами, торгующими через прилавок, практически улетучился. А вот 2,5-кратный разрыв между размерами среднего чека в гипермаркетах и супермаркетах сохраняется на протяжении всех этих пяти лет.

Итак, основные выводы таковы:

- 1) реальное потребление продуктов питания и непродовольственных товаров повседневного спроса за пять лет выросло, причём темпы роста потребления во всех основных доходных группах отличались незначительно;
- 2) отмечается заметный качественный сдвиг в структуре потребления товаров повседневного спроса в пользу относительно более дорогих товаров;
- 3) одновременно российские потребители стали не только более разборчивыми, но и более рациональными.

Кому-то эти выводы могут показаться парадоксальными — особенно на фоне политизированных суждений по этому поводу. Но факты, как известно, упрямая вещь. ■

МИРОПОРЯДОК

АЛЕКСАНДР ТЕРЕНТЬЕВ-мл.

РОССИЯ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ

АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ

ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

АЛЕКСАНДР ТЕРЕНТЬЕВ-мл.

**АЛЬТЕРНАТИВА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ НАЦИИ:
КАК УСТРАНИТЬ ПЕРЕКОСЫ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ**

МАРИНЭ ВОСКАНЯН

ПЯТЫЙ ВАРИАНТ

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

**ЕВРОПА И РОССИЯ
В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ США И КИТАЯ**

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ

ПОРОХОВАЯ БОЧКА

Россия сосредотачивается

В современном мире очень мало государств, способных самостоятельно формулировать внешнюю политику. Помимо Соединённых Штатов это, наверное, Китай, Иран и, в меньшей степени, Индия, Бразилия и Россия. У всех этих стран есть собственный исторический проект. И даже если этот проект не носит мессианский характер, а замкнут на себя, его существование является залогом успеха и гарантией сохранения суверенитета.

К «реальному суверенитету»

В 90-е годы Россия склонилась перед Западом, с фантастической лёгкостью отказалась от собственного проекта и перестала отстаивать национальные интересы за рубежом. Она потеряла вкус к стратегическому планированию и воспринимала себя не как суверенное государство, а скорее как часть (а точнее, периферию) некоей «мировой цивилизации». Однако западные державы отводили ей в своём проекте роль подсобного рабочего и поставщика сырья. Страна, которая на протяжении веков оказывала ключевое влияние на мировую политику, была обречена на провинциализацию сознания, сужение горизонтов мироощущения и обмельчание во всех смыслах этого слова. Новая российская элита, культивировавшая в себе комплекс неполноценности по отношению к Западу, не хотела продолжать традиционную внешнюю политику, опасаясь, что это вызовет раздражение у её покровителей в США и Европе и станет препятствием к вывозу капиталов — материальных и людских. В результате Россия свыклась постепенно со своей цивилизационной вторичностью и утратила инструментарий для реализации собственного исторического проекта.

В начале нулевых с приходом к власти Владимира Путина ситуация стала меняться. Появилась концепция «реального суверенитета», которая предполагала возможность самостоятельно принимать решения относительно своей судьбы, последовательность и преемственность в проведении внешней политики. Конечно, такое радикальное содержание необходимо было прикрыть сугубо прагматичными политкорректными формулами и жестами. Ведь не только западные державы, но и представители российской элиты были абсолютно не заинтересованы в том, чтобы страна реализовывала самостоятельные стратегические цели.

Когда стало ясно, что Соединённые Штаты концепции баланса сил предпочитают концепцию силового превосходства и пытаются узаконить право западных государств на так называемые «гуманитарные интервенции» (этот оксюморон вошёл в обиход с лёгкой руки Тони Блэра, который сравнивал США и их союзников с хирургами, удаляющими раковую опухоль), Россия нашла, наконец, свою нишу. В мировой политике она принялась отстаивать такие ценности, как государственный суверенитет и невмешательство во внутренние дела иностранных государств (и это давняя традиция: ведь еще в 1648 году Россия выступила одним из гарантов завершившего Тридцатилетнюю войну Вестфальского договора, в котором эти ценности впервые формулировались).

Россия и «гуманитарные интервенции» США

С тех пор как в конце 80-х годов Россия отказалась от собственной империи, ей не раз приходилось сталкиваться с американскими «гуманитарными операциями» в странах, входивших когда-то в сферу её влияния. В 1990 году горбачёвская команда с невиданным энтузиазмом включилась в операцию «Буря в пустыне», целью которой было закрепление недавних противников СССР по холодной войне в зоне Персидского залива. В 1999-м началась военная кампания в Сербии, и хотя московские чиновники пытались

предстать в роли покровителей «православного балканского государства», в действительности их волновала лишь внутренняя политика. И знаменитый разворот над Атлантикой в первую очередь объяснялся амбициями Евгения Примакова, который считался главным претендентом на «шапку Мономаха», и только во вторую — желанием осадить американских ястребов.

В 2001 году после терактов в Нью-Йорке Соединённые Штаты заговорили о вторжении в Афганистан, и Владимир Путин, который всего за год до этого занял президентское кресло, оказался для них бесценным союзником. Он уговорил центральноазиатских правителей предоставить США военные базы и свёл американцев с лидерами афганского Северного альянса, которые традиционно ориентировались на Москву. И хотя внешне это выглядело как великодушный жест президента, тронутого событиями

анalogии

ВЕСТФАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Вестфальский договор 1648 года — завершил Тридцатилетнюю войну, в которую так или иначе были вовлечены все ведущие государства Европы (Священная Римская империя, Франция, Англия, Россия, Испания, Швеция, Нидерланды). Был заключен в результате первого современного дипломатического конгресса и положил начало новому международному порядку, основанному на концепции государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Кроме того, в договоре закреплялся принцип политического равновесия между великими державами, позволяющий сохранять стабильность в Европе и противодействовать стремлению наиболее амбициозных государств к мировому господству.

Сейчас на Западе многие эксперты призывают пересмотреть «вестфальские догмы», которые обосновывают «застарелые территориальные инстинкты национальных государств» и «бесмысленные нормы международного права». По словам американского политолога Майкла Гленнона, «создатели истинно нового мирового порядка должны покинуть воздушные замки и отказаться от ложных представлений о равенстве суверенных государств».

КАРИНА ХУДОЖНИКА
ГЕРАРДА ТЕРБОРХА «1648 ГОД.
РАТИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА МЮНСТЕРА».

11 сентября, Путин, думается, прекрасно понимал, что Афганистан является «кладбищем империй» и Америка надолго увязнет в этой стране. К тому же у Москвы появилась возможность для реванша: бывшие советские военные и дипломаты с удовлетворением наблюдали за тем, как американцы расправляются с моджахедами, которых сами же они в 80-е годы науськивали против «империи зла».

Когда в 2003 году Соединённые Штаты начали планировать операцию «Шок и трепет» в Ираке, Россия попыталась остановить их и, заручившись поддержкой Парижа и Берлина, впервые за долгое время наложила вето на резолюцию ООН. Однако предотвратить очередной поход англосаксов на Багдад не вышло. «Ведь, несмотря на то что Саддам был арабским социалистом и старым союзником Москвы, — писала *The Guardian*, — ради его спасения путинская Россия, которая только начала подниматься с колен, не готова была бодаться с ковбойской империей Джорджа Буша-младшего, заработавшего прозвище Ядовитый техасец».

В 2011 году, когда решалась судьба полковника Каддафи, на посту американского президента находился человек совершенно другого склада. Барак Обама с его вечной рефлексией только под нажимом европейских союзников согласился принять участие в охоте на берберского льва. И Москва вполне могла бы отстоять Ливийскую Джамахирию, если бы президент Медведев не находился в плену перезагрузочных иллюзий и прислушался к мнению реалистов. «Россию обвели вокруг пальца, — отмечала *The Daily Telegraph*, — и выставили в комичном свете. Она потеряла многомиллиардные контракты в Ливии и сдала своего давнего союзника, ничего не получив взамен. И наступать на те же грабли в Сирии она, похоже, не собирается».

Ещё с советских времен Москва поддерживала Дамаск во всех внутриарабских конфликтах, снабжала сирийцев оружием и использовала порт Тартус как базу для своего военно-морского флота. И если Каддафи в международном отделе ЦК называли «махновцем» и опасались его непредсказуемости, Асад всегда пользовался расположением партийных чиновников и дипломатов СССР. «На данный момент, — отмечает американский журнал *The National Interest*, — Сирия остаётся единственным стратегическим резервом России на Ближнем Востоке. И потерять его — значит полностью отказаться от своих амбиций в регионе».

Но дело не только в том, чтобы сохранить влияние на арабском Востоке. По мнению ряда экспертов, впервые с окончания холодной войны Москва становится независимым политическим центром, способным остановить американскую экспансию. Ведь сирийская эпопея, говорят они, лишь пролог к вторжению в Иран, и поскольку Америка не так сильна и самонадеянна, как в эпоху Буша, Россия в союзе с Китаем вполне может разрушить её замыслы.

Альтернатива «управляемому хаосу»

Россия — великая держава, которая не раз играла ключевую роль в мировых процессах. И теперь её основная задача — выдвинуть альтернативу концепции «управляемого хаоса», которая насаждается Соединёнными Штатами. Понятие государственного суверенитета становится всё более

размытым. Вестфальские принципы, до настоящего момента составлявшие основу международного права, того гляди уйдут в прошлое. «Тот, кто рассуждает сейчас о неприкосновенности границ, выглядит старомодным идеалистом, не чувствующим духа времени, — пишет профессор Лондонской школы экономики Джеймс Кер-Линдсэй, — крушение вестфальской системы и фрагментация мира фактически означает наступление эпохи неокOLONIALИЗМА, которая характеризуется лихорадочным переделом сфер влияния между крупными державами».

Здесь можно вспомнить британского идеолога Роберта Купера с его памфлетом «Либеральный империализм», который стал обоснованием имперского внешнеполитического курса западных стран. В постсовременном мире, говорил Купер, необходимо действовать на основе законов и коллегиальной безопасности, но, сталкиваясь с государствами старого типа, применять более жёсткие методы, соответствующие этапу развития, на котором они находятся. «По отношению к тем, кто всё ещё живёт в XIX столетии, оправдано применение силы, хитрости, превентивных ударов. Если мы находимся в джунглях, мы должны жить по законам джунглей, — писал британец. — Единственный способ справиться с хаосом — это колонизация. И сейчас потребность в колониальном управлении может быть даже больше, чем в XIX столетии».

Страны Запада, постоянно вынося вердикт о «легитимности» того или иного режима, радикально меняют привычную схему взаимоотношений между признанными государствами и сепаратистскими движениями. Россия же пытается отстоять статус-кво, воспринимая западные крестовые походы как угрозу ялтинско-потсдамской системе, в формировании которой ведущую роль играл в своё время Советский Союз (ведь именно СССР, а не англосаксонские страны настаивал на том, чтобы в Уставе ООН были зафиксированы принципы «суверенитета, территориальной неприкосновенности каждого государства, невмешательства во внутренние дела и уважения прав народа избирать свой общественный строй»). Покушение на эти принципы современная Россия воспринимает как вызов, своеобразное приглашение на дуэль. И если в эпоху Примакова рассуждения о многополярном мироустройстве казались бессмысленными заклинаниями, к которым никто не относился всерьёз, сейчас к голосу России прислушиваются.

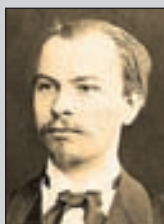
Преемственность во внешней политике

Москва берёт на себя традиционную роль по защите системы коллективной безопасности. Именно эту роль она пыталась играть в 1930-е годы, когда мир постепенно скатывался к большой войне. Именно эту роль СССР выполнял в эпоху послевоенного мироустройства. Аналогичную задачу ставил перед Россией император Александр I — победитель Наполеона и главный творец Венской системы, которая предусматривала сохранение сложившегося баланса сил, незыблемость формы правления и установленных границ (Василий Ключевский даже назвал Александра «караульным часовым чужих престолов»). И хотя многие западные историки критикуют созданный императором Священный союз монархов и называют романовскую Россию «жандармом Европы», Петербургу тогда удалось создать систему коллективной безопасности, которая в течение сорока лет обеспечивала

справка

Фёдор Мартенс — российский юрист-международник, автор фундаментального труда «Современное международное право цивилизованных народов», создатель проекта Международного суда в Гааге.

Представлял Россию почти на всех значимых международных конференциях, таких, например, как Брюссельская конференция 1889 года о торговле и морском праве, конференция о борьбе с рабством, также проходившая в Брюсселе в 1889–1890 годах. Один из организаторов созванных по инициативе Николая II Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 годов, на которых была предпринята попытка сформулировать принципы мирного урегулирования международных споров. Мартенс дважды избирался вице-президентом Европейского института международного права. Личный юрист английского короля Т. Холланд писал, что Мартенс пользовался таким спросом как арбитр в международных спорах, что его в шутку называли «лорд-канцлером Европы» и «главным судьёй христианского мира».

родный «концерт» и призывала выработать правила поведения великих держав на мировой арене. Ещё в начале XIX века один из членов Негласного комитета — влиятельного «мозгового треста», созданного Александром I, — Николай Новосильцев по поручению императора обсуждал в Лондоне инициативу по разработке кодекса международного права. В 1874 году Россия вынесла на рассмотрение Брюссельской конференции предложение о кодификации права сухопутной войны. Известный российский дипломат Фёдор Мартенс был автором идеи создания Международного суда в Гааге (и хотя сейчас эту идею извратили и суд фактически стал обслуживать интересы западных стран, российский проект предполагал независимость Гаагского трибунала и отсутствие иммунитета даже для великих держав). В 1899 году Россия сыграла инициативную роль в созыве Гаагской конференции мира, на которой была подписана Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны и разработаны механизмы контроля над вооружениями (кстати, еще в 1815 году после разгрома Наполеона Санкт-Петербург призывал к «одновременному пропорциональному разоружению европейских держав», и это была первая в истории инициатива такого рода). Безусловно, стоит сказать и о заслугах советской дипломатии в разработке и приня-

стабильность на континенте: европейские страны пытались выработать рациональные решения с помощью переговоров и не вели крупных войн.

Выступая на заседании Валдайского клуба, Владимир Путин отметил, что наша страна традиционно боролась за стабильность мировой системы, напомним, что и венские конвенции 1815 года, и ялтинские соглашения 1945 года, в выработке которых Россия сыграла ключевую роль, обеспечили долгий мир в Европе. Тогда как Версальский договор, заключённый после Первой мировой войны без участия России, охваченной в тот момент революцией, во многом стал причиной нового глобального конфликта.

Действительно, Россия всегда ратовала за многосторонний подход, гармоничный междуна-

тии целого ряда крупных многосторонних договоров в области ограничения вооружений. Среди них Договор о нераспространении ядерного оружия и Конвенция о запрещении химического оружия,

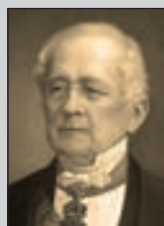
И когда Путин в диалоге с западными державами ссылается на нормы международного права — это во многом продолжение российской дипломатической традиции. На саммите «Большой восьмёрки» в Северной Ирландии российский лидер напомнил, например, что в Евросоюзе с 90-х годов действует документ, запрещающий поставки оружия в зоны конфликтов. «Демократические партнёры», ратующие за «верховенство закона», лишь отмахнулись от него и продолжили снабжать современным оружием сирийских повстанцев. Однако позиция Путина нашла понимание среди юристов и правозащитников, вынужденных признать, что Россия уже в который раз в своей истории оказывается единственной державой, отстаивающей существующие международные соглашения.

Товарищ министра иностранных дел в конце XIX века Александр Жomini утверждал, что «по существу, внешняя политика России всегда носила миролюбивый характер». По словам Василия Ключевского, объяснялось это «коллективной мудростью российской дипломатии, которая глубоко понимает национальные интересы страны». Даже после поражения в Крымской войне, когда Россия оказалась в изоляции и чуть было не потеряла голос в «концерте великих держав», дипломатам удалось переломить ситуацию.

Канцлер империи Александр Горчаков произнёс тогда свою знаменитую фразу: «Россия сосредотачивается». Он был убеждён, что, укрепив силы и восстановив ресурсы, страна сможет вернуть себе влияние на мировой арене. Так оно и произошло. В 1870 году через 14 лет после поражения в войне Горчаков поставил европейские державы перед фактом: Россия не считает себя связанной статьями Парижского договора о нейтрализации Чёрного моря. «Да, Вы сдержали ваше слово, — писал ему российский поэт и дипло-

справка

Александр Горчаков — светлейший князь, государственный канцлер Российской империи, формировал внешнюю политику Петербурга после поражения в Крымской войне. Воспитание получил в Царскосельском лицее. «Питомец мод, большого света друг, обычаев блестящих наблюдатель», — писал о нём лицейский товарищ Александр Пушкин. Рано изучил закулисные пружины европейской политики. В 1820-1822 годах состоял при графе Нессельроде на конгрессах в Троппау, Любляне и Вероне; был секретарём посольства в Лондоне и Вене. В 1856 году возглавил МИД и сумел добиться триумфального возвращения России на международную арену, отмены позорных статей Парижского трактата о нейтрализации Чёрного моря. Опирался в первую очередь на тесный союз с канцлером Пруссии Отто фон Бисмарком, который при значительном содействии Горчакова сумел создать могущественную германскую империю. «Решившись следовать прусской политике, — говорили современники, — Горчаков предпочёл отдаться ей с доверием, без сомнений и тревог».

мат Фёдор Тютчев, — не двинув пушки, ни рубля. В свои права вступает снова родная русская земля». Горчаков настаивал на том, что дипломаты должны строить свою политику в соответствии с национальными интересами, а не отвлечёнными идеологическими схемами, проявлять гибкость и прагматизм, соотносить внешнеполитические усилия с реальными возможностями государства. Он первым в своих депешах стал употреблять выражение «Государь и Россия». (На что его предшественник на посту министра граф Нессельроде с укоризной заявил: «Мы знаем только одного царя: нам дела нет до России»). Любопытно, что влиятельный американский журнал *Foreign Policy* отмечает, что именно деятельность Горчакова стала моделью для российских дипломатов нашего времени.

Отчасти это, наверное, так. Ведь крах Советского Союза, который президент Путин назвал «геополитической катастрофой», вновь вынудил страну «сосредоточиться». И только сейчас она занимает привычную нишу на мировой арене, отстаивая принципы международного права и вынуждая других игроков считаться со своим мнением.

Конечно, сохраняются и свойственные российской дипломатии «органические слабости». «В отличие от той же Франции, — писал в XIX веке директор Второго департамента МИД барон Борис Нольде, — у России нет одной задачи, которой были бы подчинены усилия государства на всех остальных направлениях внешней политики. Дипломатия, скорее, является результатом произвольной игры ума, а зачастую и импровизаций». Однако, как тогда, так и сейчас, импровизации могут быть блестящими. (Взять хотя бы идею заставить Башара Асада отказаться от запасов химического оружия, которая неожиданно озарила российских дипломатов и уже в следующий момент представлялась всем чуть ли не само собой разумеющейся).

Преемственность нынешней внешней политики заключается и в резкой антиколониальной риторике. Ведь как Российская империя, так и Советский Союз всегда критиковали западные попытки «колонизировать мир». И хотя в XIX веке Санкт-Петербург распространял свою власть на «чужие» территории, по словам большинства историков, это больше напоминало мирное собиранье земель, чем завоевательные походы против туземцев, которые организовывали англосаксы и другие народы, отягощённые «бременем белого человека». СССР поддерживал освободительные движения в европейских колониях и, несмотря на то что всегда пытался навязать новым независимым государствам свой идеологический проект (основанный, кстати, на принципах социальной справедливости), умудрялся сохранять с ними равноправные отношения.

Что же касается «западных цивилизованных стран», то и романовская Россия, и Советский Союз всегда относились к ним с недоверием, обвиняя в лицемерии и двойных стандартах. Как отмечал один из основоположников американской советологии Джордж Кеннан, «история российской государственности и дипломатии, включая советский период, несёт на себе отпечаток поразительной преемственности». Специфику собственно советского периода во внешней политике он сводил к «идеологической надстройке», которая начиная с 1917 года «накладывалась» на, в сущности, неизменное внешнеполитическое наследие прежних эпох.

Ещё великий князь Александр Невский, которого некоторые исследователи называют родоначальником русской дипломатии, завещал «крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». Сам он, собственно говоря, так и делал, разгромив два западных крестовых похода на севере Руси и заключив союз с Ордой (известно, что князь даже побратался с сыном хана Батыя Сартаком). «И хотя прозападная партия на Руси была довольно многочисленна, — пишет создатель теории пассионариев Лев Гумелёв, — очевидно, что в рамках западноевропейского суперэтнуса русичей ждала участь людей второго сорта. Сформулированная Александром доминанта поведения — альтруистический патриотизм — на несколько столетий вперед определила принципы устройства Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях». И многие современные эксперты отмечают, что территориальная конфигурация созданного при Александре Невском стратегического альянса во многом совпадает с контурами зарождающегося Евразийского союза.

В отношениях с западными державами Путин во многом продолжает линию прежних российских правителей. Об этой преемственности говорят и его противники. «Россия, с которой мы имеем дело сегодня, с её страхами перед возможным окружением и подозрительностью к иностранцам — стара как мир. Такой она стала задолго до появления коммунистов», — заявил недавно на страницах The Times бывший посол Великобритании в Вашингтоне Томас Мейер. А американский политолог Харлан Уллман провозгласил в интервью «Однако», что «Путин не будет слушать нравоучения от западных «строителей демократии», поскольку прекрасно помнит судьбу Горбачёва, который начал проводить демократические реформы по их рецептам и потерял Советский Союз».

Российский полюс

Тем не менее свои внешнеполитические амбиции российский лидер до последнего времени пытался прикрыть неброским и понятным Западу экономическим прагматизмом. Он всячески демонстрировал, что играет по западным правилам, и даже заключал контракты с крупными пиар-компаниями, обещающими помочь в создании положительного образа России в США и Европе.

Однако с каждым годом всё более отчётливым становилось стремление России играть роль альтернативного центра силы. Тем более что западная политическая и экономическая модель переживает сейчас серьёзный кризис. Последние двадцать лет Москва без особых успехов пыталась прислониться к чужому полюсу, и вот, наконец, пришло время задуматься о создании собственного проекта, который будет восприниматься в мире как самостоятельное цивилизационное явление.

Неслучайно в реальной политике Москва всё чаще идёт наперекор бывшим противникам по холодной войне и в ближневосточных религиозных войнах, например, делает ставку на шиитский блок. Это вызывает раздражение в суннитских странах, прежде всего, в консервативных мо-

нархиях Персидского залива — ключевых союзников США на Ближнем Востоке.

В период президентства Медведева они с восторгом восприняли пере-загрузочные иллюзии российской элиты и пытались подсластить для неё горечь от разрыва с Тегераном. Когда Москва согласилась поддержать антииранские санкции и отказалась от своих обязательств по поставке Ирану зенитных ракетных комплексов С-300, арабские шейхи пообещали возместить русским убытки, заключив с ними крупные военные контракты и укрепив сотрудничество в нефтегазовой отрасли. Однако стоило России вернуться к традиционной внешнеполитической линии и начать оказывать поддержку Сирии и Ирану, как нефтяные суннитские монархии провозгласили её «покровителем шиитских еретиков» и вновь стали относиться к ней как к своему геополитическому сопернику. (Ходили слухи, что саудовские принцы предлагали Москве многомиллиардную взятку в обмен на уступчивость в сирийском вопросе, получили отказ и вынуждены были перейти к угрозам.)

В арабских СМИ стали цитировать пятничную молитву влиятельного имама Салеха аль Талеба, который заявил, что странам Залива следует «проявить твёрдость и наказать покровителей Сирии и Ирана». «Можно сказать, что монархии Залива издали антироссийскую фетву, — отмечал The American Thinker. — И в ближайшее время возродят финансирование террористического подполья на Северном Кавказе».

Однако Москва не собирается им уступать. Более того, российскому президенту удалось выдержать характер на международной арене, вынудив западные страны считаться с его позицией в сирийском вопросе. И теперь главная задача российской дипломатии на Ближнем Востоке — не повторить ошибок американцев, которые давно уже идут на поводу у своих клиентов и дают повод скептикам рассуждать о том, как «арабский хвост вертит западной собакой». Россия не должна закрывать глаза на просчёты асадовских генералов, ядерные амбиции Ирана и призывы ИРИ к переделу Каспия, но и отказываться от своих ставок в регионе ей не следует. Ведь положение державы, от позиции которой многое зависит, куда престижнее, чем положение страны, с которой никто не считается. (Более подробно о положении дел на Ближнем Востоке читайте в материале Евгения Сатановского «Пороховая бочка».)

Конечно, такой сильной и инициативной политики, которую демонстрирует Россия в сирийском вопросе, никто не видел с доперестроечных времён. Вместо того чтобы завоевывать доверие западных партнёров ценой отказа от собственных принципов, российский лидер сумел проявить твёрдость и отстоять своё видение проблемы. «По Сирии двумя главными игроками выступили Путин и американский народ, — отмечает Томас Фридман в The New York Times, — что невозможно было предсказать, но что будет иметь огромные долгосрочные последствия». «Путин одержал верх, — вторит ему обозреватель The New Yorker, — ведь в отличие от других мировых лидеров он точно знает, чего он хочет и что он готов сделать для достижения своей цели».

«Он выполнил свою основную задачу, — заявил «Однако» президент Центра национальных интересов Дмитрий Саймс, — показал, что Россия является великой державой и её предпочтения невозможно игнорировать.

Он дал понять, что с российской точки зрения применение силы неприемлемо без санкции Совбеза ООН и будет восприниматься как акт агрессии. Очевидно, что Россия больше в поддавки играть не будет. И поэтому Путин для Запада — неудобный лидер, который многих может погладить против шерсти. Но он лидер серьёзный и значительный, и в Вашингтоне это понимают практически все».

Следует признать, что повысить свой авторитет на мировой арене России позволит не только твёрдая позиция в сирийском конфликте, но и решительные действия на постсоветском пространстве. Москва должна заставить Соединённые Штаты признать, что у неё есть право на собственную сферу влияния (а значит, и на проведение независимой внешней политики). «Тем странам, которые принадлежат к клубу бывших империй, — пишет британский журнал *The Spectator*, — довольно легко использовать «мягкую силу» в отношениях с экс-колониями, привыкшими ориентироваться во всем на метрополию». Постсоветское пространство из поля американских экспериментов должно превратиться в единый евразийский блок, в странах которого невозможно реализовать сценарий «оранжевых революций». Не исключено, что этому поспособствует решение США уйти из Афганистана: ведь России и её союзникам по ОДКБ придётся объединить усилия для решения афганской проблемы, и этот опыт позволит создать более тесный военный союз.

Потенциальные союзники: континентальные евразийские державы

Конечно, всем известен тезис Александра III, что единственными нашими союзниками являются армия и флот. Однако следует признать, что, не вполне доверяя своим партнёрам, сама Россия всегда скрупулёзно выполняла международные обязательства. «Лучше можно видеть, что мы от союзников оставлены будем, нежели мы их оставим, ибо честь данного слова дороже всего есть», — говаривал Пётр I. И неслучайно российское государство всегда имело репутацию надёжного и предсказуемого партнёра в мировых делах.

Важную роль во внешней политике России играют планы «альтернативной интеграции» с Западной Европой. Когда в 2000 году президент Путин во время визита в Берлин произнёс речь в бундестаге на немецком языке, у многих сложилось ощущение, что формирование стратегического альянса между Россией и ФРГ — лишь вопрос времени. Пост федерального канцлера в тот период занимал Герхард Шрёдер, который вошёл в историю как самый лояльный по отношению к Москве немецкий лидер. Правительство ФРГ установило особые отношения с Россией, а влиятельные немецкие бизнесмены рассчитывали, что, объединив усилия с таким мощным игроком, как «Газпром», они смогут бросить вызов американским конкурентам (ходили даже слухи, что Москва готова отказаться от контрольного пакета акций в «Газпроме», превратив его в транснациональную компанию).

«Энергетический союз России и Германии, — отмечалось в исследовании *The Stratfor*, — позволил бы создать в мире альтернативный центр силы и реализовать геополитические планы, которые всегда были ночным

кошмаром для англосаксов». (Ещё в 20-е годы прошлого века немецкий геополитик Карл Хаусхофер сформулировал идею «континентального союза» России и Германии: «Прочная связь двух государств сделает их неуязвимыми перед «методами анаконды» англосаксонского мира».)

Немцы рассчитывали привлечь Россию и к общеевропейским проектам в области авиастроения. Аэробус на тот момент уже был одним из главных символов единой Европы, компания ЕАДС вела ожесточённую торговую войну с американским «Боингом», и если бы немцам удалось настоять на своём и Москва в качестве одного из акционеров вошла бы в ЕАДС, конкурентоспособность компании значительно возросла бы (российские специалисты готовы были внести свою лепту в развитие не только гражданской, но и военной авиации ЕС). Эксперты уверяли, что мы находимся в шаге от формирования военно-политического союза России и объединённой Европы, ведущую роль в которой играет независимая и реалистически мыслящая Германия. Однако с приходом к власти канцлера Ангелы Меркель, которая стала проводить атлантистскую политику, такое развитие событий стало невозможно. Тем не менее следует признать, что исторический сценарий, который был неожиданно прерван, едва начав реализовываться, всегда имеет шанс на вторую жизнь. Да, в странах ЕС сейчас сильны русофобские настроения, но многие европейцы заинтересованы в усилении русского фактора. Они готовы согласиться с тем, что Москва будет играть более заметную роль в системе европейской безопасности, лишь бы избежать участия в имперских походах США.

Большой потенциал есть и у союза с Китаем. У России много общего с КНР: обе державы скептически относятся к западной концепции «гуманитарных интервенций» и постепенно теряют доверие к евро-атлантическому миру. В последнее время они весьма слаженно выступают в Совете Безопасности ООН и на заседаниях «Большой двадцатки». Трижды прокатив антисирийскую резолюцию, Пекин и Москва доказали, что могут противостоять американскому диктату. «Наши отношения, — отметил Цзиньпин, выступая перед студентами МГИМО, — позволят сделать мир более сблансированным».

Неудивительно, что в Вашингтоне забили тревогу. «Мы должны сделать всё возможное, чтобы помешать формированию оси Пекин — Москва, — заявил недавно конгрессмен-республиканец Эрик Кантор. — Сорок лет назад это удалось Никсону и Киссинджеру. Теперь — очередь за нами, ведь российско-китайский альянс не отвечает интересам национальной безопасности Соединённых Штатов».

У Китая в мире нет надёжных союзников, и Россию в Пекине рассматривают как своего рода «стратегический тыл» — государство, не представляющее угрозы для КНР, на которое при необходимости можно опереться.

Российская политика на дальневосточном направлении всегда отличалась полуинтуитивным-полусознательным подходом. Ещё царский премьер-министр Сергей Вите, который сумел в своё время протолкнуть проект КВЖД (железной дороги, проходившей через территорию Китая), отмечал, что «Россия испытывает искушение использовать китайскую карту в игре против европейских соперников». По словам большинства политологов, и нынешнее сближение с КНР в первую очередь связано не с же-

ланием Москвы усилить своё влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а с новым витком конфронтации с Западом.

Конечно, в теории формирование российско-китайского военно-политического союза вполне возможно. Уже давно ведутся разговоры о разделении зон патрулирования Мирового океана и координации действий вооружённых сил двух евразийских держав. А когда Соединённые Штаты объявили, что планируют разместить новые радары в Японии и на Филиппинах, в Пекине и Москве стали раздаваться призывы к тому, чтобы объединить усилия для создания системы преодоления американской ПРО.

Если говорить об экономических отношениях России и КНР, многие рисуют сейчас идиллическую картинку: «китайская фабрика, которая питается за счёт российской энергии». За 20 лет объём двусторонней торговли вырос в 14 раз и составил в прошлом году 88 млрд долларов. (Во взаимной торговле, кстати, страны постепенно переходят на собственные валюты.)

досье

БРИКС

БРИКС — международная организация, которую долгое время считали ни к чему не обязывающим сообществом развивающихся экономик. Термин **БРИКС** (правда, без последней буквы «С») ввёл в оборот в 2001 году ведущий аналитик крупнейшего американского инвестиционного банка «Голдман энд Сакс» Джим О’Нил. В настоящее время в этих государствах проживает 43% мирового населения, на них приходится 15% мировой торговли и 18% мировой экономической мощи. И что важнее всего, страны **БРИКС** привлекают 53% от мирового объёма инвестиций. Организация готова бросить вызов Бреттон-Вудской системе и экономической гегемонии Запада. Государства клуба борются с сохранившимся со времён холодной войны блоковым менталитетом и не желают, чтобы другим странам навязывали решения, касающиеся их внутривнутриполитического устройства. Многие политологи убеждены, что такая организация, как **БРИКС**, вполне может выработать правила грядущего многополярного мира. **БРИКС** — уникальное образование, в котором представлены все ключевые геополитические игроки, все культурно-цивилизационные типы: евразийский Север (Россия), азиатский Восток (Индия и Китай), африканский Юг (ЮАР) и дальний Запад (Бразилия).

Задача довести товарооборот к 2015 году до отметки 100 млрд долларов будет, судя по всему, выполнена с опережением. И неслучайно Владимир Путин призывает воспользоваться моментом, когда «китайский ветер дует в паруса российской экономики».

Однако огромную роль в двусторонних отношениях играют распространённые в обществе стереотипы. Китайские националисты не могут забыть о завоеваниях царской России, а в нашей стране многие по-прежнему испытывают патологический страх перед так называемой «жёлтой угрозой». Да, на российском Дальнем Востоке проживают всего 6,5 млн человек, а в приграничных районах Китая около 250 млн. И скептики уверяют, что КНР собирается поглотить Восточную Сибирь и Дальний Восток, полностью привязав их к себе экономически и заселив этническими китайцами. Но, по крайней мере, на данном историческом этапе эти опасения беспочвенны. Число китайских граждан, проживающих в России, составляет около 300 тыс. (куда больше китайцев проживало на территории Российской империи до революции 1917 года). К тому же Китай никогда, за исключением разве недолгой эпохи Юань, не стремился расширить свою территорию с помощью завоевательных походов.

Отказавшись от стереотипов, Россия могла бы решиться на более тесный союз с КНР. Ведь для неё очень важна не символическая, а реальная опора на Китай и другие страны БРИКС, вместе с которыми Москва может сформулировать основные меры по реформированию мировой экономики и международных отношений. ■

АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ

Циклы российской внешней политики

В следующем, 2014 году мы будем отмечать невесёлый юбилей: столетие начала Первой мировой войны, которая стала для России небывалым унижением, привела её к краю пропасти, сломав, казалось бы, устойчивую тысячелетнюю цивилизацию. Однако, как и после Крымской войны, страна сумела «сосредоточиться» и вернуть себе ведущую роль в мировой политике.

МИРОПОРЯДОК

Р

Россия не раз проходила этот цикл: накопление сил, стремительное возвышение и не менее стремительное и болезненное падение. Сейчас, похоже, мы находимся в начале нового цикла, когда после геополитической катастрофы, связанной с крушением СССР, государство пытается обрести себя и принять участие в формировании современного мирового порядка.

Крах Советского Союза во многом был вызван перенапряжением сил точно так же, как большевистская революция стала реакцией на непосильные тяготы Первой мировой, крымская катастрофа произошла в результате провала глобального мессианского проекта Николая I, а позорная эпоха дворцовых переворотов, когда государство потеряло любые внешнеполитические ориентиры, последовала сразу за тем, как Пётр I поднял Россию на дыбы. Попробуем более подробно разобраться в том, какие циклы прошла российская внешняя политика за последние три столетия.

Петровская модернизация: перенапряжение сил

За точку отсчёта можно взять петровскую эпоху. Ведь именно во времена Петра политика нашей страны становится глобальной. Россия в его правление уверенно присоединяется к «концерту европейских держав». (Стоит отметить, что в первый срок правления Владимира Путина многие рассматривали его как продолжателя европейской линии в российской внешней политике, наследника империи Романовых. Объяснялось это как «питерским» происхождением президента, так и конкретными внешнеполитическими инициативами, такими, например, как попытка создать ось Москва — Берлин — Париж накануне вторжения США в Ирак в 2003 году.)

Петровские реформы неоднозначно оцениваются в российской историографии. Особенно непримиримы к царю-реформатору, проводившему «революцию сверху», историки-славянофилы, творившие в середине XIX столетия. Действительно, реформы «вечного работника на троне» привели к трагическому разрыву между элитой (европеизированной аристократией и служилым дворянством) и народом, а также к колоссальному перенапряжению сил (по мнению историка Н. Покровского, в ходе правления Петра население империи сократилось на 20%). Вместе с тем с геополитической и стратегической точки зрения преобразования были абсолютно необходимы. В условиях роста колониальной экспансии европейских держав Московская Русь легко могла превратиться в полуконию более оборотистых соседей, а то и распаться на несколько удельных княжеств. Великие державы Европы были рады направить энергию молодого хищника — короля Швеции Карла XII на Восток, чтобы король-разбойник не путался под ногами в германских землях. Большую опасность для России представляла и Оттоманская Порты, ведь опустошительные набеги крымских татар на южнорусские земли приводили к колоссальным человеческим потерям (угонялись в рабство целые волости). Отсутствие у России

незамерзающих портов вело к привилегированному положению английских компаний во внешней торговле страны и лишало её экономической независимости.

Исправить это положение была призвана петровская догоняющая модернизация. Царю-реформатору действительно удалось сделать очень многое, хотя не все начинания закончились успешно. Было прорублено «окно в Европу» (завоевание Эстляндии и Лифляндии, принадлежавших до того Швеции). Прутский поход оказался неудачным в военном отношении, но продемонстрировал возросшую мощь государства и стал переломным моментом в российско-турецком соперничестве, после которого Россия из жертвы превратилась в наступающую сторону.

С середины XVIII века в Лондоне, Париже и Гамбурге распространялось так называемое «завещание Петра Первого», позже оказавшееся сфабрикованной фальшивкой. Тем не менее следует признать, что в нём были обозначены направления, действительно ставшие константами для российской дипломатии. Во-первых, династические союзы с протестантскими немецкими государствами (великие князья из дома Романовых женились, как правило, на северонемецких принцессах). Мера вполне разумная, ведь протестантские государства Германии до их объединения Бисмарком не проводили самостоятельной внешней политики. Во-вторых, настороженное отношение к Австрии и Франции, которые были в то время европейскими гегемонами. В-третьих, вмешательство в польские внутренние дела и попытка играть в них первую скрипку. В-четвёртых, поиск выхода к тёплым морям. Размах Петра был настолько велик, что в 1723 году он откликнулся даже на просьбу пиратов Мадагаскара о покровительстве и намеревался послать к берегам острова русскую эскадру. Сбыться этим планам помешала лишь смерть императора. Его преемники посчитали идею «нецелевым расходом средств» и отказались от экспедиции.

Хаос дворцовых переворотов и елизаветинская эпоха «сосредоточения»

После смерти Петра внешнеполитические успехи России становятся более скромными. Здесь сказались и перенапряжение сил в петровский период, и неискушённость его наследников в европейских дипломатических играх, и «низкопоклонство перед Западом» — немецкое засилье во времена Анны Иоанновны. Эпоху этой императрицы отчасти можно сравнить с периодом президентства Бориса Ельцина: некомпетентность, фаворитизм, отсутствие государственных ориентиров. Российская внешняя политика при канцлере Остермане была полностью подчинена интересам Австрии (точно так же козыревская внешняя политика проводилась на благо США). Возвращение к «национальным интересам» (название условно, так как Россия была империей, а не национальным государством) произошло при дочери Петра — Елизавете I. Период правления Елизаветы Петровны можно назвать эпохой «сосредоточения». Далее этот феномен будет не раз повторяться в российской внешней политике. После перегрева, слишком активной экспансии, дипломатических или военных поражений наступает этап накопления сил. На этом этапе российская элита настороженно относит-

ся к большим проектам, избегает серьёзных конфликтов, старается вести многовекторную политику. Правители сосредотачиваются на исправлении внутренних неурядиц и часто даже не могут воспользоваться плодами военных побед. Так, фактически выиграв Семилетнюю войну, Россия ничего не получила по её итогам. Сделав поправку на то, что любая историческая аналогия притянута за уши, можно сравнить эту эпоху с нашим временем — первым десятилетием XXI века.

Триумф Романовых

Накопив материальные силы и людские ресурсы, Россия совершила прорыв при императрице Екатерине Великой. Время Екатерины и её внука Александра I — период наивысшего триумфа петербургских Романовых на международной арене. В эти блистательные пятьдесят лет, по словам екатерининского канцлера Александра Безбородко, «ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без нашего разрешения». После разделов Польши Санкт-Петербург вернул принадлежавшие ему исторические земли Западной Белоруссии и Украины, населённые братскими православными народами. К империи было присоединено северное Причерноморье, что не только позволило расширить сельскохозяйственные угодья, но и обеспечило выход в Средиземное море и стимулировало экономику страны. Была ликвидирована опасность крымских набегов. В 1776 — 1783 годах, объявив о «вооружённом нейтралитете», российские дипломаты смогли очень умело сыграть на англо-французских противоречиях.

В эпоху Александра I российская дипломатия достигла поистине виртуозного уровня. То воюя с Наполеоном, то блокируясь с ним (в краткий период после Тильзитского мира), Петербург добился в конце концов того, что русские гусары и казаки оказались в Париже, а России на несколько десятилетий суждено было стать одним из европейских гегемонов. Было завершено присоединение к империи Южного Кавказа, что позволило создать дополнительный пояс безопасности в отношениях с Турцией и получить ощутимые экономические выгоды от торговли с Ираном. Впрочем, и такой опытный дипломат, как Александр, не был застрахован от промахов. Безусловной политической ошибкой императора стало включение в состав России земель исторической Польши по итогам Венского конгресса 1815 года. В дальнейшем ничего, кроме головной боли и огромных расходов, эти земли Петербургу не принесли. Кроме того, в польском общественном мнении Россия приобрела репутацию «захватчика и притеснителя», что окончательно испортило русско-польские отношения. Думается, что этот троянский конь был введён в состав империи не без подачи австрийцев и англичан. Сама же Великобритания забрала себе самые ценные призы: Цейлон и Южную Африку. Урок александровского времени — России нельзя слишком сильно вмешиваться в европейские дела, а тем более считать себя органической частью Европы. Россия является самодостаточной евразийской цивилизацией, и «просвещённые» европейцы никогда не признают в нас своих по духу и по крови, сколько бы мы их ни спасали (от татаро-монголов, Наполеона, Гитлера).

Николаевский мессианский проект и изоляция России

При Николае I Россия продолжала доминировать в Европе, но в итоге потерпела сокрушительное поражение. Здесь, наверное, роковую роль сыграло чрезмерное увлечение мессианскими идеями и забвение принципов политического реализма. Николай Павлович, укреплявший Священный союз, слишком сильно надеялся на солидарность монархов и основными своими противниками считал европейских революционеров, а не национальные государства. Между тем куда разумнее было бы видеть в европейских партнёрах не вечных союзников, а конкурентов, которые в любой момент могут отвернуться от Российской империи. Урок, который следует извлечь из ошибок николаевского периода: всякий мессианский проект необходимо соотносить с реальностью, формируя внешнеполитический курс, учитывая, какие ресурсы, имеются в распоряжении у государства. Пренебрежение же принципами политического реализма может крайне негативно сказаться на судьбе страны.

Именно в эпоху Николая I наметилась ещё одна константа российской геополитики. После разгрома Наполеона главным стратегическим противником России стал Туманный Альбион. По мнению историка А. Фурсова, Россия представляла собой одну из последних преград на пути английских банков, стремившихся установить экономическое господство над миром. Она не позволяла им окончательно закрепиться в Евразии. И отсюда феномен так называемой «Большой игры». В 30-е годы XIX века британцы засылают своего агента Д. Уркварта на Кавказ к черкесам, в Центральной Азии ведут смертельно опасную дуэль при дворе бухарского хана и афганского эмира российский разведчик Я. Виткевич и англичанин А. Бёрнс. Англия сыграла решающую роль в развязывании Крымской войны, в результате которой Россия оказалась в дипломатической изоляции.

Россия вновь сосредотачивается

Время правления Александра II представляет собой начало нового цикла. Страна опять «сосредотачивается» и пытается накопить силы. В этот период проявляется ещё одна любопытная особенность России: в периоды военной слабости и внутренней неразберихи Россия неоднократно «выезжала» за счёт умелой дипломатии. Благодаря искусству канцлера А. Горчакова Петербург сумел воспользоваться ослаблением Франции и добиться отмены унизительного Парижского трактата, ограничивавшего российское военно-морское присутствие на Чёрном море. Затем России удалось установить стратегическое партнёрство с Францией, поддерживая вместе с тем хорошие отношения с её главным противником в Европе — Германской империей Бисмарка. В 1875 году канцлер Горчаков без единого выстрела предотвратил новую агрессию Берлина против французов. Умелая игра на франко-германских противоречиях позволила Петербургу существенно укрепить свои позиции в Европе.

При Александре II достигла апогея «Большая игра». Британское правительство, обеспокоенное российской экспансией в Центральной Азии, на-

чало мощное противодействие Петербургу в Афганистане с помощью своего ставленника Абдурахман-хана. Пиком англо-русского противостояния стало столкновение афганского (с английскими советниками) и русского отрядов в оазисе Пенде в 1885 году. Вместе с тем необходимо отметить, что у Петербурга не было никаких заранее подготовленных планов по завоеванию Британской Индии. Глубокое проникновение в Центральную Азию стало возможным в результате рвения русских генералов, стремившихся соединить Петропавловскую и Уральскую пограничные линии, которые создавались для защиты от набегов кочевых племён. Генералу Черняеву показалось недостаточным взятие Чимкента, за которым последовали Ташкент и Ходжент, и это не могло не привести к новому раунду «Большой игры».

После Берлинского конгресса и отставки Горчакова внешняя политика России развивалась бессистемно, и даже убежденные монархисты вынуждены были признать слабость российского проектного мышления. Так барон Н. Врангель, отец одного из лидеров белогвардейского движения, писал: «В русской политике в последние полстолетия ни плана, ни последовательности не было. Правительственной стратегии не существовало, а была лишь политика отдельных случайных людей». Руководствуясь соображениями экономической выгоды (возможностью получения крупных займов от французских банков), российский император Александр III в 1892 году заключает военно-политическое соглашение с Францией. Тем самым романовская Россия впервые отказывается от традиционной германофильской ориентации. В 1904 году его преемник, последний российский самодержец Николай Александрович, в попытке преодолеть серьёзный внутривнутриполитический кризис устраивает «маленькую победоносную войну» на Дальнем Востоке и терпит жестокое поражение от новой великой державы — Японии, за спиной которой маячат всё те же коварные англичане.

Роковая ошибка российской дипломатии

Синдром Порт-Артура и Цусимы подтолкнул российскую элиту к сближению с заклятым врагом — Британией. В 1907 году было подписано англо-русское соглашение и заключён тройственный союз — Антанта. Интересно, что по этому соглашению Россия отказывалась от борьбы с Англией за традиционные зоны национальных интересов в Восточной Азии. И это несмотря на то, что российское влияние преобладало тогда в Монголии, Синьцзяне и Тибете (откуда до Индии рукой подать и где на Петербург успешно работал буддийский посвящённый лама Агван Доржиев). Немецкий писатель и философ Эрнст Юнгер позже отметил: «Россия в 1914 году ввязалась в самоубийственную войну с Германией, в то время как имперская экспансия на Дальнем Востоке предоставляла ей куда более заманчивые и почти безболезненные перспективы». Опрометчивое решение о присоединении к Антанте привело к тому, что Россия была вовлечена в бойню Первой мировой войны, которая закончилась крахом империи и огромными жертвами среди населяющих её народов. Историк-американист Анатолий Уткин писал в книге «Забятая трагедия»: «Складывается впечатление, что эра несчастий России началась с неверного дипломатического выбора, когда царское

правительство заключило союз с Францией и вступило в противостояние с Германией. Порочными были изначальные послышки. Ныне, в конце века, напрашивается вывод, что России нужен был союз с обеими странами: с Францией (который гарантировал от германской экспансии в Европе) и с Германией — лидером европейского экономического развития. Россия нуждалась в германских технологиях, капиталах, в германских специалистах, инженерах, организаторах, которых сегодня мы назвали бы менеджерами. Запнувшись на Запад в пику Германии, Россия стала заложницей неконтролируемых ею политических процессов. По существу, она отдала свою судьбу в чужие руки».

За участие в мировой войне страна заплатила дорогую цену. По данным Н. Головина, в Первой мировой погибли 1,3 млн русских, 3,8 млн были ранены, 2,4 млн попали в плен. Однако это было лишь предвестием новых, ещё более страшных катастроф: Гражданской войны, коллективизации, Второй мировой, которую многие серьёзные историки считают лишь продолжением Первой. Мы не можем строить альтернативную историю в жанре фэнтези и гадать, что было бы в охваченной внутренними противоречиями России, если бы она не ввязалась в Первую мировую войну. Возможно, что антимонархическая революция имела бы место и в этом случае, но она уж точно не сопровождалась бы уничтожением целых социальных страт и гибелью традиционной русской культуры.

Историк Андрей Фурсов считает, что одним из фундаментальных противоречий Российской империи в начале XX века было противоречие между сырьевой специализацией в мировой экономике и статусом великой державы в мировой политике. Отметим, что это противоречие существует и в наше время. Имея слабую экономику и не завершив толком перестройку вооружённых сил, Петербург ввязался в борьбу держав, первоклассно подготовленных к войне. И это ещё один урок из российской внешнеполитической истории: в условиях экономического отставания для нашей страны губительно вмешиваться в драку великих держав-антагонистов, особенно если в этой борьбе не затронуты наши жизненные интересы. К сожалению, история может повториться. XXI век, скорее всего, будет веком ожесточённого американско-китайского соперничества. Велика вероятность того, что это соперничество завершится военным конфликтом. Для Российской Федерации было бы губительно встать на сторону одного из участников столкновения. Куда разумнее было бы, по китайской рекомендации, играть роль хитрой обезьяны, наблюдающей за схваткой двух тигров.

Советский цикл

Трудно детально анализировать внешнюю политику советского периода: «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Но всё же некоторые выводы сделать можно. Следует признать, что большевики сохранили российскую государственность (сознательно или нет — другой вопрос), основав её на новых идеократических началах.

Идея равенства позволила сплотить народные массы, а концепция интернационализма — восстановить распавшиеся скрепы державы (к середине 1918 года большевики контролировали территорию, немногим

превышавшую земли Московского княжества времен Ивана III, а все национальные окраины так или иначе ушли в свободное плавание). Советский Союз был создан на основе мессианской идеи, и в этом одновременно была его сила и слабость. Ведь идейное сверхнапряжение не может продолжаться вечно, и когда энергия идеи начинает иссякать, исповедующее её государство ждёт неминуемый крах. Главным противоречием советской внешней политики было противоречие между всемирным коммунистическим мессианизмом (левым глобализмом) и национальными (имперскими) интересами. По мнению Гейдара Джемаля, в советской империи всегда происходила подспудная борьба между мондиалистами и почвенниками, во многом подточившая её организм. По идейным соображениям, СССР вроде бы должен был везде защищать своих союзников-коммунистов, но в то же время государственные интересы требовали установить нормальные отношения с естественными партнёрами, этих коммунистов недолюбливавшими. Дело доходило до курьёзов, когда советский лидер Юрий Андропов был награждён высшим правительственным орденом Перу за помощь в борьбе с коммунистическими повстанцами «Сендеро Луминосо» (СССР поставлял оружие и инструктировал правительственную армию). Можно вспомнить и об агрессии в Афганистане, которая ускорила распад советской державы. Во многом она была осуществлена для того, чтобы помочь «прогрессивным силам» в борьбе с исламистами. При этом в Иране те же самые исламисты через десять лет после революции 1979 года стали самыми добрыми советскими соседями и даже покупали оружие у СССР.

Следует отметить, что за советский период российская внешняя политика прошла традиционный цикл: в 20 — 30-е годы Россия «сосредотачивалась» и копила силы; в 40 — 70-е пережила триумф на мировой арене, став второй сверхдержавой и фактически управляя половиной планеты; в 80 — 90-е потерпела сокрушительное поражение и утратила представления о национальных интересах. С приходом к власти Владимира Путина начался новый цикл...

Работа над ошибками

XXI век потребует от российских дипломатов небывалой концентрации усилий. В эпоху глобализации национальные государства — далеко не единственные действующие лица на мировой арене. Дипломатия разворачивается в сложном многоуровневом пространстве, где не последнюю роль играют крупные транснациональные компании и банки, НПО и группы влияния. Отстаивать свои интересы становится всё труднее. Конечно, маловероятным представляется создание «мирового правительства», способного взять на себя планетарную ответственность. У такого правительства должна быть база в одной из стран (и хотя до последнего времени многие уверяли, что это могут быть Соединённые Штаты, сейчас становится очевидно, что Америка не справляется с управлением, несмотря на огромные военные, политические и экономические ресурсы). А значит, наступает эпоха многополярности, которая таит в себе как новые возможности, так и новые вызовы.

Какой должна быть российская внешняя политика в эту эпоху? Думается, что в первую очередь Россия должна усвоить обозначенные выше уроки. Людям, которые формируют внешнеполитический курс, необходимо обладать проектным мышлением, не полагаться на авось и не бросаться в крайности. Дипломатия должна быть активной, сочетать гибкость и прагматизм со сверхидеей, привлекательной для наших евразийских партнёров, не ставить перед собой невыполнимых задач.

Безусловно, радуется, что в последнее десятилетие наша дипломатия ставит во главу угла национальные интересы. Однако Россия явно не будет довольствоваться ролью обычного национального государства, пусть даже такого сильного, как, например, Индия или Бразилия. Ведь многие люди на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии и Латинской Америке связывают с нашей страной, может быть, последнюю надежду на разрушение бесчеловечного «нового мирового порядка».

Внешнеполитическая идеология России может быть привлекательна по двум причинам. Во-первых, Москва отстаивает идею справедливости, исконно присущую русскому характеру. По мнению российских дипломатов, в новом мире не должно быть «государств-изгоев», а права народов следует соблюдать также строго, как и права отдельных индивидов. Во-вторых, Россия продвигает интеграционные, а не конфронтационные проекты. Находясь в центре Евразии, она выступает в роли естественного «антидетонатора» конфликтов, смягчая противоречия между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном, различными государствами постсоветского пространства. Вместо конфликтов, которые разгорелись в последние двадцать лет не без помощи западной дипломатии (вспомним «поддержку меньшинств» в Косово и иракском Курдистане), Москва может выдвинуть интеграционные общевразийские проекты. По крайней мере, если мы говорим о постсоветском пространстве, Иране, Афганистане и Индии. Не провоцировать раздоры, а пытаться примирить интересы различных евразийских народов и цивилизаций — вот внешнеполитическая миссия, которая должна принести успех России. ■

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «ОДНАКО. ДЕЛОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА:

Необходимо (разборчиво, печатными буквами) заполнить подписной купон и квитанцию, оплатить подписку в любом банке (ряд банков взимают комиссию). Выслать копии подписного купона и корешка оплаченной квитанции в редакцию на e-mail: podpiska@odnako.tv или по факсу: +7 (495) 287-87-64.

Подписной купон

Я хочу подписаться на «ОДНАКО. Деловой и политический журнал»

На _____ месяца (ев) с _____ месяца _____ года

Я хочу получать журнал:

по почте курьером по Москве (в офис в рабочее время)

в редакции*

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____

Почтовый адрес: индекс _____ область/край _____

город/село _____ улица _____

дом _____ корпус _____ строение _____

квартира _____ код подъезда _____

Телефон (с кодом) _____

e-mail _____ Дата _____

* Об условиях редакционной подписки при получении журнала в редакции (115114, г. Москва, 1-й Кожевнический пер., д. 6, стр. 1, оф. 408) можно узнать по телефону +7 (495) 287-87-64. ООО «Издательская группа ОДНАКО» не несет ответственности за сроки прохождения корреспонденции.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА:

Необходимо отправить заявку (заполненный подписной купон) на e-mail: podpiska@odnako.tv или по факсу: +7 (495) 287-87-64. Оплатить выставленный счет и прислать копию платежного поручения по факсу или на e-mail.

Дополнительная информация для юридических лиц

Банковские реквизиты плательщика:

ИНН/КПП _____

Полное юридическое название _____

Юридический адрес _____

Телефон (с кодом) _____

р/с _____

к/с _____

Банк _____

БИК _____

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

Подписка осуществляется с любого последующего месяца.

Также вы можете приобрести любые ранее вышедшие номера журнала.

Квитанция об оплате (только для физических лиц)

Кассир	Расчетный счет:	ООО «Издательская группа ОДНАКО» <small>получатель платежа</small>		
		40702810300000017450		
		ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва <small>наименование банка</small>		
		к/с 30101810100000000716		
	Идентификационный №	БИК 044525716	ИНН 7725712449	
	Ф. И. О.			
	Индекс:	Адрес плательщика:		
	Телефон:			
	Наименование платежа	Дата	Сумма платежа	
	Подписка на «ОДНАКО. Деловой и политический журнал» на _____ месяцев			
Подпись плательщика:				
Квитанция Кассир	Расчетный счет:	ООО «Издательская группа ОДНАКО» <small>получатель платежа</small>		
		40702810300000017450		
		ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва <small>наименование банка</small>		
		к/с 30101810100000000716		
	Идентификационный №	БИК 044525716	ИНН 7725712449	
	Ф. И. О.			
	Индекс:	Адрес плательщика:		
	Телефон:			
	Наименование платежа	Дата	Сумма платежа	
	Подписка на «ОДНАКО. Деловой и политический журнал» на _____ месяцев			
Подпись плательщика:				

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ
с учетом почтовой доставки (вся Россия)
или курьером (только Москва в пределах МКАД):

2013 год	Цена с учетом НДС
октябрь-ноябрь	220,00 руб.
декабрь-январь	220,00 руб.

деловой и политический журнал
ОДНАКО

Альтернатива «исключительной нации»: как устранить перекосы в мировой системе

Дипломатическая победа России в сирийском вопросе и валдайская речь Путина были восприняты на Западе как серьёзный перелом в международных отношениях. О роли Москвы, её союзниках и ресурсах корреспондент «Однако» Александр Терентьев-мл. беседовал с председателем Комитета по международным делам Госдумы РФ Алексеем Пушковым.

PHOTOXPRESS

Коалиции желающих

Сирийский кризис, раскол «Большой двадцатки», отказ некоторых ключевых партнёров поддержать США, опасность большой войны — всё это заставляет задуматься о том, какая всё-таки конфигурация союзов существует в современном мире?

— После окончания холодной войны понятие «союзник» утратило свой прежний смысл. США ощутили это ещё в эпоху Буша-младшего, когда начали сколачивать коалицию против Ирака. Ряд ближайших американских союзников — таких как Франция и ФРГ — не поддержали Вашингтон. Более того, они вступили в предосудительные, по мнению Соединённых Штатов, отношения с Москвой, сформировав так называемую «тройку» государств — противников агрессии.

Конечно, это не означало, что Париж и Берлин выходят из НАТО, но быть союзниками Америки в иракской войне они не захотели, выступив с резкой критикой действий администрации Буша. Германия даже отказалась тогда предоставить свои военные базы для переброски войск США в Ирак. Сирийский кризис продемонстрировал, что тенденция сохраняется: целый ряд стран НАТО отказались поддержать военный удар США по Сирии. Согласитесь, что для союзников это не совсем классическое поведение. Предполагается, что они должны активно поддерживать лидера альянса. Но этот лидер так часто воюет, мир так часто наблюдает за тем, как американские ракеты и бомбы уничтожают очередную столицу — сначала Белград, потом Багдад, потом Триполи, что у многих стран это, естественно, вызывает отторжение. И не желая ссориться с Америкой, они предпочитают сохранять «союзнический» нейтралитет (то есть на словах они не против такой политики США, а на деле против). Не случайно российская инициатива по Сирии получила такую широкую международную поддержку. Ведь она дала возможность союзникам США, не раздражая понапрасну гегемона, высказаться за мирное разрешение конфликта. Эта инициатива стала общим знаменателем, под которым готовы подписаться практически все страны.

Что же касается военных ударов по Дамаску, как бы ни агитировали за них американцы, таким общим знаменателем они, разумеется, быть не могли. И это в очередной раз доказывает, что формализованные союзы (прежде всего, речь идёт о НАТО) переживают кризис. Причина ясна. До тех пор пока у западного военного альянса были серьёзные противники — СССР и страны Варшавского договора — в его существовании был смысл. С крушением СССР этот смысл был утрачен, политическая легитимность НАТО вызывает вопросы. Вызов со стороны международного терроризма не стал адекватной заменой советской угрозе (ведь регион, где действуют террористы, — это в первую очередь Ближний Восток, который не является зоной ответственности НАТО). В связи с этим вспоминается выступление Андерса Фога Расмуссена на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2013 года. Генсек НАТО вынужден был отбросить официальный оптимизм, который он обычно демонстрирует, и с горечью заявить, что только три государства выполняют свои финансовые обязательства перед Североатлантическим альянсом.

Союзники России и США

Есть ли, на ваш взгляд, надёжные союзники у России или мы по-прежнему, как во времена Александра III, можем полагаться лишь на армию и флот?

— На протяжении длительного периода у России практически не было союзников. Ведь после распада СССР страна резко сменила ориентацию своей внешней политики, сузила своё понимание национальных интересов и перестала претендовать на ведущую роль. Распался Варшавский договор, часть бывших клиентов России оказались в составе Североатлантического альянса. Однако в последнее время Москва приобрела множество новых ситуативных союзников. В современном мире диффузное ситуативное союзничество становится всё более распространённым феноменом: государства готовы выступать вместе по одному вопросу, но это вовсе не значит, что они выступят единым фронтом по другому. Например, страны НАТО поддержали США в Ливии, но не одобрили операцию в Ираке, Великобритания вступила в коалицию, свергавшую Саддама Хусейна, но не захотела участвовать в военных ударах по Сирии.

Конечно, есть у России и формализованная союзническая организация — ОДКБ. В неё входят бывшие республики СССР, которые пытаются обеспечить коллективную безопасность на постсоветском пространстве. Разумеется, у них существуют разногласия, но для формирования тесного союза требуется время. Вспомним, что ЕС, например, был основан в 1957 году и только через 40 лет приобрёл современные формы. Если члены организации считают её существование оправданным, значит, у неё есть перспективы. И пока за исключением страных манёвров Узбекистана, который то выходит из ОДКБ, то возвращается в эту организацию, никаких негативных тенденций здесь не наблюдается.

Что же касается ситуативных союзников, то наше стратегическое партнёрство с Китаем по ряду вопросов, причём вопросов серьёзного характера, очень близко к союзническим отношениям. В первую очередь речь, конечно, идёт о Сирии. Роль КНР в сирийской драме нередко недооценивают. Да, у Китая действительно нет желания играть здесь роль первой скрипки. Но его позиция — весьма определённая. В сирийском вопросе Пекин является сознательным и надёжным союзником Москвы, а не второстепенным игроком, который, как утверждают в западной прессе, просто следует в фарватере России.

В сирийском вопросе нас поддержали и все страны ШОС. Не только члены организации, но и наблюдатели (это ещё 15 государств). И среди них, надо заметить, ведущие региональные державы — Пакистан и Иран. И если сравнить нынешний период с эпохой 90-х, сейчас у нас на порядок больше ситуативных союзников. Причём на нынешнем историческом этапе Соединённые Штаты также вынуждены часто полагаться на ситуативных союзников (вспомним «коалицию желающих» воевать в Ираке). Но для них — это скорее негативное явление. Ведь речь фактически идёт об ослаблении американской системы формализованных союзов. Нам же новые тенденции выгодны, ведь советская система военно-политических союзов была разрушена ещё в начале 90-х. И хотя существует представление, что

у Соединённых Штатов в мире множество друзей, а у России их практически нет, — это глубокое заблуждение, западный пропагандистский штамп. В реальности мы видим, что постепенно уменьшается число несгибаемых союзников Вашингтона и растёт число ситуативных союзников Москвы, которые могут выступить с ней единым фронтом по конкретным вопросам мировой политики.

Однако Америка с её военной и экономической мощью может, наверное, обойтись и без союзников. По крайней мере, так думают в Вашингтоне некоторые ястребы, которые продолжают традиции неоконеров из администрации Буша...

— Да, пока ещё может, но с большим трудом. Обратите внимание, как отказ британского парламента поддержать войну в Сирии повлиял на готовность США начать агрессию против этой страны. Недавно Обама сообщил нам, что Соединённые Штаты — исключительная нация. Тезис этот чрезвычайно опасен, ведь исключительная нация присваивает себе исключительные права. Морально-этические основы американской философии превосходства весьма сомнительны. Ведь за последние 50 лет ни одна страна не вела такое количество войн и не принесла человечеству так много зла и горя. Американцы называют себя также «необходимой» нацией. Но насколько и кому необходима нация, которая не хочет считаться с мнением остального мира? И не является ли этот термин эвфемизмом для другого понятия — понятия гегемона?

На саммите «двадцатки» в Санкт-Петербурге «необходимая и исключительная нация» столкнулась с настоящим бунтом: только половина членов организации оказала ей политическую поддержку, другая половина выступила на стороне России. Причём воевать в Сирии оказалась готова только Франция, Саудовская Аравия же пообещала спонсировать операцию, превращая таким образом вооружённые силы США в армию наёмников, обслуживающих интересы Эр-Рияда. Весьма достойная роль для «исключительной нации».

Показательно, что планы американцев не поддержали все государства БРИКС. И что бы ни писали в западных СМИ об этой организации, не стоит забывать, что БРИКС — это большая часть человечества. В Китае проживает 1,3 млрд человек, в Индии — более миллиарда, в Бразилии — почти 200 млн. ЮАР является одной из ведущих стран Африки. Члены БРИКС — это государства, лидеры которых с каждым годом будут всё сильнее влиять на ход мировых событий. На Западе, к сожалению, до сих пор делят мир на «чистых» и «нечистых», на равных и неравных. Беседуя как-то с журналистом одного из ведущих американских изданий, я спросил его: «Почему вы называете США и их союзников мировым сообществом? Ведь в НАТО входит всего 28 государств, и есть ещё 7–10 держав, постоянно поддерживающих США, однако как быть с остальными 160 странами?» «Это — не те страны», — сказал он в ответ. Думаю, в ближайшее время Америке придётся отказаться от таких колониальных представлений. «Не те страны» начали ставить под сомнение доминирование США, в мире наблюдается рост антиамериканских настроений. А «не те страны» становятся влиятельными государствами, к мнению которых на Западе вынуждены прислушиваться.

Альтернативный центр притяжения

Можно ли утверждать, что эти государства видят миссию России в создании альтернативного центра силы?

— Я бы говорил не о миссии, а о целях нашей внешней политики. Главной целью, на мой взгляд, действительно является установление устойчивого и вместе с тем динамичного баланса в системе международных отношений, недопущение перекосов, ситуации, когда в мире доминирует одна держава или группа держав. Как учит нас история, такие перекосы могут привести к глобальному вооружённому конфликту, как это было в 1914 и 1941 годах. Пока же мы видим локальные войны (в Афганистане, Ираке, Ливии), которые дестабилизировали огромный регион от Марокко до Пакистана (хотя Вашингтон и ставит себе в заслугу свержение Каддафи, события в Мали и усиление «Аль-Каиды» в Северной Африке свидетельствуют о том, что ливийский режим был фактором стабильности в регионе).

Все эти конфликты продемонстрировали, что Соединённые Штаты превратились в избыточно мощную державу. Эта мощь развращает американцев, которые убеждены, что имеют право завоевывать другие страны, менять режимы, диктовать свои условия суверенным государствам. Бывший российский министр иностранных дел Андрей Козырев рассказывал мне, что госсекретарь США Уоррен Кристофер любил звонить ему в 4 часа утра по Москве. Козырев вскакивал как ошпаренный и бежал к телефону в полной уверенности, что разразился мировой кризис или началась война, и слышал в трубке вальяжный голос: «Как дела Эндрю? В Вашингтоне у нас прекрасный вечер!» И так было несколько раз. А когда Козырев как-то попытался объяснить ему, что не может добиться в Москве какого-то решения, нужного Америке, Кристофер похлопал его по плечу и сказал: Andrew, you should try better («Андрей, ты должен приложить больше усилий»).

Нынешний перекося чреват большой войной. В его устранении помимо России заинтересованы многие державы — от Китая до Бразилии. Америке, разумеется, это не нравится. Государство, обладающее сверхмощью, хочет реализовывать её беспрепятственно. Международное право, по мнению американцев, должно обслуживать их интересы, Совбез — подмахивать те резолюции, которые они составляют. И как только Россия начинает восстанавливать баланс в международных отношениях, в ней тут же видят противника США. Но Россия не является противником Америки, Россия является противником избыточности американской мощи, которая, кстати, бьёт по самому Вашингтону. Ведь военные авантюры ухудшают финансовое положение Америки, стоят жизни сотням тысяч людей за пределами США и тысячам — в самой Америке. Возможно, для американского руководства, глубоко «гуманистического» и «демократического», это не имеет значения, но простых американцев такое положение дел явно не устраивает. Отсюда — колоссальная оппозиция планам начала новой войны в Сирии. Задача России — удерживать в относительном равновесии мировую систему, предотвращать крупные войны и другие негативные сценарии, в которых заинтересованы мощные группы давления на Западе. И российская инициатива по Сирии — конкретное воплощение тех целей, которые стоят перед Москвой.

Прагматизм и национальные интересы

Способна ли Россия и дальше действовать столь решительно, выправляя дисбаланс в мировом соотношении сил?

— Думаю, да. Ведь у Соединённых Штатов всё меньше средств на то, чтобы активно вмешиваться в дела других государств. Многие говорят сейчас о растущем влиянии Пекина. Но роль уравнивающей силы, на мой взгляд, в любом случае отводится России. На Москву и Вашингтон приходится 95% мирового ядерного потенциала. Сколько бы ни убеждали нас американские политологи вроде Збигнева Бжезинского, что мы превратились в «региональную державу», похоже, они сами в это не верят. Согласимся: региональная держава не способна уничтожить державу глобальную.

Нельзя забывать и о нашей накопленной мощи. С распадом Советского Союза она, конечно, сократилась, но всё же остается весомым фактором в международных делах. Это и космический потенциал, и наши нефте- и газопроводы, которые позволяют России обеспечивать энергетическое кровоснабжение Евразии. Россия важна для ЕС и НАТО, и это в Брюсселе не устают подчеркивать. Как держава — победительница во Второй мировой войне, Россия обладает правом вето в Совбезе ООН. Без нашей поддержки через СБ невозможно провести никакие решения.

Именно Россия, а не Китай, играет ключевую роль в Евразии: ведь геополитику никто не отменял. КНР граничит только с азиатскими странами, Россия же выходит на пять ключевых геополитических регионов — от Северной Европы до Дальнего Востока. Протяжённость границы обеспечивает ей совершенно уникальное положение.

Россия унаследовала ту систему национальных интересов, которая объективно заложена в её географии. Точно так же, как Российская империя и Советский Союз, современное Российское государство стремится к тому, чтобы его окружали максимально дружественные страны, чтобы к её границам не подходили военные союзы государств, которые рассуждают о демократии, но при этом регулярно занимаются бомбардировками и ракетными обстрелами чужих территорий. Для нашей страны также крайне важно обеспечить стабильность в соседних регионах. Ведь, например, хаос на Ближнем и Среднем Востоке — в Сирии, Ираке и Афганистане, усиление радикальных исламистских течений вполне может привести к тому, что в России активизируются свои исламисты, которые вновь создадут зону повышенной нестабильности на Северном Кавказе.

Россия действительно во многом является преемником СССР. Но готова ли она, как это делала в своё время советская империя, насаждать свои ценности в других странах?

— Безусловно, нет. Современной России не свойственно идеологическое мессианство. Она не собирается перестраивать мир по своему образу и подобию. Кстати, это не было свойственно и империи Романовых, которая отстаивала свои интересы в Европе и прилегающих районах Азии, защищала мировое православие, но даже не помышляла о том, чтобы играть ключевую роль в Латинской Америке или на африканском континенте.

Сегодня мы наблюдаем очень интересный феномен. Раньше идеологическим государством номер один был Советский Союз. Сейчас эту роль играют США. Степень идеологизации общественной и политической жизни Америки и некоторых европейских стран в наши дни просто поразительна. В отсутствие противовеса эти государства начали ощущать себя чуть ли не носителями истины. История сделала нам прививку от чрезмерного величия, и мы воспринимаем вещи куда более рационально, чем американцы, которые сами себя называют «исключительной нацией» и уверены в своей полной вседозволенности. В Москве понимают, что российская инициатива по Сирии, например, — это большой успех нашей дипломатии, личный успех Владимира Путина, который очень предметно занимался сирийским вопросом. Но мы не собираемся провозглашать себя спасителями мира. Западным политикам (в первую очередь американским), напротив, свойственны искаженное восприятие действительности, триумфализм и идеологическая зашоренность. И в этом смысле они очень напоминают большевиков и троцкистов.

Доктрина Горчакова

Многие сравнивают современный период с эпохой канцлера Александра Горчакова, который после поражения в Крымской войне провозгласил, что «Россия сосредотачивается...»

— Доктрину Горчакова, как мы помним, пытались использовать в своих целях так называемые реформаторы во времена Ельцина. Советники президента уверяли, что до тех пор пока Россия не укрепитсЯ внутренне, ей ни в коем случае нельзя заниматься активной внешней политикой, в том числе, например, пытаться влиять на события на Балканах. «Прежде всего — экономика и благосостояние людей», — говорили они. Причём продвигали этот тезис люди, которые нещадно грабили российский народ, создавали олигархические структуры, выводили деньги за рубеж. Итог был плачевный: экономика была подорвана, а на мировой арене Россия практически утратила влияние.

Сегодня горчаковскую доктрину понимают иначе. Приоритетом для страны действительно должно быть внутреннее развитие, которое поможет эффективно отстаивать национальные интересы и восстановить наши позиции в мире. Однако смешно слушать разговоры о том, что Россия, мол, должна замкнуться в своих границах, а лет через двадцать, превратившись в прекрасного лебедя, выйти на мировую арену. Мы не можем позволить себе такую роскошь. Ведь пока мы будем вариться в собственном соку, в мире могут произойти крайне негативные для нас процессы. Один из них — расширение НАТО в направлении наших границ — процесс, который может привести к тому, что Россия будет отеснена на обочину Европы. В ближайшее время будет решаться вопрос о будущем Украины и закавказских республик: попадут ли они в сферу влияния Евросоюза, войдут ли в Североатлантический альянс? Мы не можем отойти в сторону и не заниматься этими вопросами.

«Сосредотачиваясь», мы должны тем не менее вести активную внешнюю политику, противодействовать тем тенденциям, которые вредны с точки зрения наших национальных интересов, реагировать на многочисленные вызовы, создавать новые интеграционные объединения. По сравнению

с XX веком интенсивность мировых процессов сейчас возросла. Времени нет, конкуренция очень высокая. Причём даже те страны, которые являются стратегическими партнёрами или даже выступают союзниками России, одновременно могут быть нашими конкурентами. Было бы странно, например, если бы Китай не интересовался Средней Азией как зоной приложения своих капиталов, не стремился добиться экономического присутствия, а затем и политического влияния в этом регионе. Игнорировать растущее влияние КНР в регионе было бы серьёзной ошибкой. Философия внешнеполитического бессилия навязывалась нам в течение длительного периода. Нельзя укрепиться внутренне, не пытаясь укрепиться вовне. Успеха можно достигнуть лишь в том случае, если два этих процесса идут параллельно.

Голливуд и кока-кола

Сейчас многие утверждают, что влияние на мировой арене зависит от так называемой «мягкой силы» и на смену военным империям должны прийти империи информационные...

— Не стоит сводить понятие «мягкая сила» к информационным возможностям того или иного государства. Конечно, от образа в СМИ многое зависит. Неслучайно в мире появляется всё больше англоязычных телеканалов: Russia Today, Deutsche Welle, France-24, два китайских канала, «Аль-Джазира». Английский стал языком глобального общения, и большинство государств, которые задумываются о своём имидже за границей, это понимают.

Если мы будем говорить о Соединённых Штатах, важным элементом их «мягкой силы» помимо глобальных СМИ и телевещания является университетская система. Во многом за счёт продуманной грантовой политики, этого у американцев не отнимешь. «Мягкая сила» — это и Голливуд, который развлекает людей по всему миру, но при этом проводит определённую идеологию. Даже фильмы, которые подаются как объективные, не отходят в действительности от общей линии. Скажем, в картине «Цель номер один», недавно вышедшей на экраны, режиссёр вроде бы осуждает пытки, применяемые в ЦРУ, но у зрителя в итоге создаётся впечатление, что пытки эти были необходимы, поскольку позволили выяснить, где находится Бен Ладен, и уничтожить его. Пропагандистское содержание присутствует практически в каждом американском фильме, который так или иначе связан с политикой и общественной жизнью.

Есть, наконец, и «фактор кока-колы». Ведь если то, что производит государство, считается привлекательным, от этого выигрывает и его имидж. Я, скажем, кока-колу не пью и другим не советую, но нельзя не признать, что США сумели навязать её всему миру. Более убедительный пример — французские вина, которые всегда являлись для Парижа инструментом культурного влияния. Ведь там, где вина, там и интерес к стране, связи, поездки, туризм. Важную роль играет и совместная история. Почему, например, американская «мягкая сила» в Африке никогда не была столь действенна, как французская и британская? Именно из-за культурно-языковых и исторических основ, которые связывают африканские страны с Великобританией и Францией.

«Ирония судьбы» как «мягкая сила»

Можно ли утверждать в связи с этим, что Россия обладает «мягкой силой» на постсоветском пространстве?

— Безусловно. Культурно-языковая и психологическая близость бывших советских республик во многом предопределили создание Таможенного союза. Мы понятны нашим партнёрам в Казахстане и Беларуси. И если к союзу присоединится когда-нибудь Украина, это в значительной степени будет обусловлено совместной историей. Единое культурное пространство играет гораздо большую роль, чем нам кажется. Даже в Грузии, где ко всему, исходящему из России, сейчас относятся, мягко говоря, сдержанно, на Новый год показывают «Иронию судьбы, или с лёгким паром». Это — тоже «мягкая сила», и её нельзя недооценивать. Да, между нами возник сейчас крупный политический разлом, но культурный разлом пока минимален. Вопрос, однако, в том, не увеличится ли он со временем?

Способны ли, на ваш взгляд, российские СМИ проецировать «мягкую силу»?

— Думаю, да. И доказательством тому является успех, который получил канал Russia Today, ставший одним из элементов англоязычного информационного пространства и представляющий российскую точку зрения на основные события в мире. На Западе его окрестили орудием пропаганды. Однако там дела обстоят куда хуже. Американское телевидение уже давно превратилось в оруэлловское «министерство правды». Это же относится и к «Аль-Джазире», которая открыто проводит политические интересы своих хозяев из Катара.

Потенциал российских СМИ — значителен, и не только на постсоветском пространстве. Если вы окажетесь в любом крупном городе мира — Мюнхене, Париже, Брюсселе — среди телеканалов, которые вам предложат, обязательно будет два-три российских канала. Наши передачи смотрят на Украине, в Армении, Беларуси, Молдавии, Казахстане и других странах Средней Азии.

Проблема в том, что мы никак не можем выработать правильную матрицу нашего присутствия на мировом рынке информации. Американская матрица понятна: речь идет об информационной поддержке «лидирующей роли», а точнее — гегемонии США на мировой арене. Не мешают даже критические высказывания, которые позволяют себе некоторые журналисты: они лишь создают ощущение объективности. В целом же США используют информационные ресурсы для того, чтобы утвердить своё доминирование в мире. В России же ещё не сформулирована ясная идеология, с которой мы могли бы выйти на международную арену. В 90-е годы Ельцин пытался разработать национальную идею, засадив несколько человек на бывшей даче ЦК в Вольнском. Не вышло... Ведь национальная идея не может родиться спонтанно, она возникает в результате развития элит, самосознания всего общества. Наша старая национальная идея была связана с коммунистическим учением, новая пока так и не сформулирована. Не может же, в самом деле, такой идеей стать грубая пропаганда материального достатка, как это было в 90-е годы, когда студенты называли своим кумиром Бориса Березовского. Правда, в своём недавнем выступлении на Валдайском форуме Владимир Путин попытался очертить контуры новой идеологии. И это очень важно. Мы должны, прежде всего, сами знать, что хотим сказать миру.

Информационная машина действует неслаженно

А какие государственные структуры работают над имиджем России?

— В своё время, когда в Вашингтоне этим занималось Информационное агентство США (USIA), в СССР также существовала структура, координировавшая информационную и пропагандистскую деятельность за рубежом. После распада Союза российские власти решили не преобразовать её, а упразднить. Однако, на мой взгляд, это была ошибка. Считалось, что пропагандистские инструменты нам больше не нужны, что поскольку Россия отказалась от советской системы и идеологии, то во всем мире её будут воспринимать отныне на «ура». Но ведь даже Соединённые Штаты, которые традиционно считаются лидером демократического мира, не успокаиваются на этом и продолжают выделять огромные суммы на информационно-пропагандистскую деятельность. И это правильно: в конкурентной среде надо проецировать свою «мягкую силу» на остальной мир.

К сожалению, долгое время в России этого не понимали. И до сих пор у нас нет единой информационной стратегии и направляющей структуры, которая бы её разрабатывала. Есть множество организаций, занимающихся российским имиджем. Это и МИД, и Russia Today, и «Голос России», и РИА «Новости», и западные пиар-компании вроде Ketchum. Россотрудничество действует на некоторых направлениях, работая с соотечественниками и финансируя российские центры за рубежом. Однако информационная машина функционирует недостаточно слаженно. Вспомним, когда Саакашвили атаковал Цхинвал, в течение двух месяцев на Западе утверждали, что именно Россия напала на Грузию, а не наоборот. Наши инструменты влияния явно не хватало, чтобы создать подлинную картину событий. И первую фазу информационной схватки вокруг той войны мы проиграли вчистую. Поэтому так важна единая грамотная информационная политика.

Как всё-таки научиться не проигрывать информационные войны?

— У России немало ресурсов, которые она могла бы задействовать в качестве «мягкой силы». Как она их задействует — другой вопрос. К сожалению, мы не всегда умеем использовать свои преимущества и правильно разыгрывать доставшиеся нам карты. Мы долгое время считали, что всё образуется само, но так не происходит: на Западе нас всё время пытаются записать в мировые «изгои». Во внешней политике всё ещё более или менее понятно — мы хотим восстановить мировой баланс. И хотя Москва давно уже не претендует на роль гегемона, она рассчитывает поумерить пыл тех стран, которые на неё претендуют. Очень важно, что по этому поводу у нас в стране существует национальный консенсус. Обратите внимание, что в Государственной думе все четыре фракции, включая оппозиционные, по внешнеполитическим вопросам голосуют практически единогласно. Есть у нас в обществе и либеральный прозападный фланг, но его электоральный потенциал составляет не более 8–10%. Вопрос в том, какую модель устройства общества мы предлагаем внешнему миру? Официальная доктрина заключается в том, что мы создаём рыночное общество, основанное на принципах социальной справедливости. Но на деле нам до этого ещё очень далеко. И это ослабляет потенциал нашей «мягкой силы». ■

МАРИНЭ ВОСКАНЯН

Пятый вариант

Будущее отношений между Россией и Германией зависит от способности Запада признать за нашей страной право создать собственную модель общественного устройства.

МИРОПОРЯДОК

Несмотря на успешное сотрудничество в сфере экономики и бизнеса и ежегодные рекордные показатели объёмов взаимной торговли, политические отношения России и Германии переживают не лучшие времена. По мнению экспертов, это не просто охлаждение, а возвращение к временам холодной войны. Камнем преткновения стал вопрос о ценностях.

То, что в Германии существует два подхода в отношении к России — политика ценностей и прагматичная политика интересов, известно давно. Однако именно в этом году противостояние двух лагерей перешло в открытую форму. Примером может служить произошедший в апреле инцидент, когда бывший посол Германии в России и председатель Германо-российского форума Эрнст-Йорг фон Штудниц отказался от участия в берлинской конференции по теме «иностранных агентов», организованной Андреасом Шоккенхоффом, координатором немецкого МИДа по германо-российскому межобщественному сотрудничеству. Фон Штудниц опубликовал открытое письмо, в котором обвинил Шоккенхоффа в проведении курса на конфронтацию, «что уже нанесло российско-немецким отношениям значительный ущерб», и высказал мнение, что принципы гражданского общества невозможно привить насильно и такой подход выглядит как «этически-имперское высокомерие». «Попытки господин фон Штудница дискредитировать наше мероприятие — неприличное и жалкое поведение, недостойное опытного дипломата», — ответил адресат.

Не менее провокационными становятся и формулировки, исходящие от немецкого руководства в адрес России. Достаточно упомянуть слова президента ФРГ Йоахима Гаука, прозвучавшие в июне на встрече с российской делегацией. Москве, отметил Гаук, следует использовать немецкий опыт в отношении национал-социалистского прошлого «для преодоления долгой истории отчуждения, бесправия и убийств в советском государстве».

Будущее и ценности

Итак, Германия не перестаёт клеймить Россию, защищая европейские ценности и права человека. К каким последствиям это может привести? Нынешним летом немецкий Фонд Фридриха Эберта в сотрудничестве с Уральским федеральным университетом (Екатеринбург) и Европейским университетом Виадрина (Франкфурт-на-Одере) представил четыре сценария развития отношений между ФРГ и РФ в 2030 году.

Первый вариант — «Альянс на основе ценностей»: в результате падения цен на нефть в России обостряются социальные противоречия, сопровождаемые массовыми протестными акциями, в ходе которых власть переходит к оппозиции, Россия проводит либеральные реформы, с помощью Германии осуществляет модернизацию, создаёт зону свободной торговли с ЕС, принимает европейские ценности. Правда, не совсем понятно при этом, каким образом Германия и ЕС в целом выйдут из нынешнего экономического кризиса.

Второй вариант — «Прагматичное партнёрство». Ценностные противоречия уходят на второй план. Россия создаёт Евразийский союз, Германия усиливает свои позиции в реорганизованном ЕС, от которого «отваливаются» слабые игроки.

Два региональных лидера взаимодействуют предельно прагматично.

Третий вариант — «Новый ледниковый период». Россия ориентируется на собственное понимание ценностей, успешно создаёт на их основе Евразийский союз, максимально сокращает своё взаимодействие с Западом, переориентируясь на Азию и страны БРИКС. В Германии берут верх критики России, которым удаётся избавиться от сырьевой привязки к ней. Ситуация сильно напоминает времена холодной войны.

И четвертый вариант — «Как обычно, только бизнес». Всё остаётся, как и сейчас, периоды охлаждения чередуются с периодами потепления.

В каждом из этих сценариев рассматривается такой параметр, как мотивация российской элиты. В первом варианте российской элите близки европейские ценности. В прагматическом и конъюнктурном — ценностных мотиваций у российской элиты вообще нет. А вот в сценарии новой холодной войны Россия придерживается «российско-евразийских» смыслов и традиций. Получается, что если народ и руководство России мотивированы ценностными представлениями, не идентичными европейским, ничего, кроме «войны», Европа в ответ предложить не может (удивительный вывод, с учётом базовых для современной Европы принципов мультикультурализма и уважения к «другому»). Эта точка зрения представляется глубоко ошибочной. В её основе лежат два фактора — негативная мифологизация российской идентичности и нереалистичная идеализация европейской идентичности.

Что связывало европейцев десять лет назад и не связывает сейчас

Исходящие от Запада упрёки в адрес России хорошо известны. И немецкие сторонники политики ценностей ретранслируют привычный набор обвинений. В действительности же у самой Европы хватает проблем с самоидентификацией. Десять лет назад, в 2003 году, вышла знаменитая статья Юргена Хабермаса и Жака Деррида «15 февраля, или Что связывает европейцев», в которой манифестации против войны в Ираке предлагалось считать точкой отсчёта, отталкиваясь от которой можно говорить об общеевропейской идентичности. Составными частями этой идентичности, согласно Хабермасу, являются: секуляризация; приоритет государства по отношению к рынку; социальная солидарность, доминирующая над чисто производственными достижениями; скепсис в отношении всемогущества техники, осознание парадоксов прогресса; отказ от права сильного; ориентация на сохранение мира «в свете исторического

» **Главный фактор, который сводит на нет усилия по продвижению европейских ценностей как универсальной нормы, — это двойные стандарты.**

опыта утрат». Как писал Хабермас, Европа смогла найти способы передачи полномочий на наднациональный уровень, выстроить государства всеобщего благосостояния и создать механизмы социальной справедливости, а вызов её ценностям — это агрессивная политика мирового гегемона: «Запад расколола не угроза международного терроризма, а политика нынешнего правительства США, игнорирующая международное право».

Но дальше всё пошло совсем не по идеальному сценарию. Оказались правы евроскептики, уверявшие, что «не существует единого европейского народа» — европейцы не одобрили проект конституции. Возникли проблемы с толерантностью: Швейцария с известным результатом провела «референдум о минаретах», а в Германии Ангела Меркель заявила, что политика мультикультурализма «совершенно провалилась». С развитием экономического кризиса вместо того, чтобы создавать единую общеевропейскую общность, граждане разных стран ЕС начали обмениваться взаимными обвинениями: в начале 2013 года Eurobarometer показал рекордный показатель недоверия к идее Евросоюза как института.

Идея тотальной секуляризации стала порождать светскую нетерпимость, аналоги которой находятся разве что в периодах радикального богоборчества в СССР. Так, британский парламент одобрил запрет на ношение крестиков в публичных местах, а в Европейском суде по правам человека проиграли иски несколько христиан, уволенных со службы из-за отказа снять крест или работать с однополыми парами.

ДОСЬЕ

АНДРЕАС ШОКЕНХОФФ, главный критик России в Германии

Андреас Шокенхофф, депутат бундестага, член Христианско-демократической партии (CDU), с 2006 года уполномоченный МИД Германии по германо-российскому сотрудничеству. Неоднократно заявлял, что российское руководство не предлагает обществу диалог и делает ставку на репрессии и конфронтацию, что государство в РФ страдает паранойей и боится гражданской активности своих граждан. В октябре 2012 года МИД РФ обвинил Шокенхоффа в некомпетентности и в связи с его «ложными высказываниями» о России и выступил против его нахождения на посту официального представителя Германии в германо-российском общественном диалоге.

Инициатор принятия в ноябре 2012 года декларации бундестага по России, где утверждалось, что «с особой озабоченностью бундестаг констатирует, что с момента нового вступления в должность президента Путина принимаются законодательные и юридические меры, которые в комплексе направлены на усиление контроля над активными гражданами, подвергают криминализации действия, содержащие критику, и знаменуют конфронтацию с лицами, критикующими правительство».

Но главный фактор, который сводит на нет усилия по продвижению европейских ценностей как универсальной нормы, — это двойные стандарты в военных конфликтах. Если в 2003 году Хабермас провозгласил массовые манифестации против военной кампании США в Ираке рождением «евронации», то в 2007 году он уже заговорил иначе: «Раскол Запада следует преодолеть и впредь постараться не проматывать свою и без того подмоченную нормативную репутацию». Европа должна, с одной стороны, «непредвзято смотреть на США», а с другой — «противостоять малейшим проявлениям антиамериканизма».

Однако европейцы продолжили успешно «проматывать и подмачивать» репутацию, принимая активное участие сначала в ливийской кампании, а затем в антиасадовском крестовом походе. На прошедшем недавно в Москве американо-российском семинаре, организованном влиятельным вашингтонским Центром национальных интересов, представители делегации США заявили, что вовсе не являются «застрельщиками» событий в Сирии (имеется в виду поддержка сирийской оппозиции) и что некоторые их европейские партнёры проявляют в этом отношении куда большую инициативу. А «противостояние антиамериканизму» зашло, как видим, так далеко, что позволяет с нарушением всех международных правовых норм сажать президентские самолёты.

Уолтер Лакер, американский историк и политолог, один из ведущих сотрудников вашингтонского Центра международных и стратегических исследований, в своей книге «После падения: конец европейской мечты и закат континента» пишет, что усилия ЕС по распространению европейской концепции демократии не принесут плодов ни в России, ни в Китае, по-

досье

ЭРНСТ-ЙОРГ ФОН ШТУДНИЦ Председатель Германо-российского форума, посол Германии в РФ в 1995–2002 годах

Сторонник прагматичного подхода в дипломатии. Считает, что, даже отстаивая свои интересы, Запад должен с уважением относиться к России. Неоднократно заявлял, что если Запад хочет добиться в России улучшения ситуации с правами человека, необходимо прекратить «бесполезные столкновения» из-за «дефицита демократии и правовой государственности» и в свою очередь пойти на уступки России в сфере вооружения и внешней политики. В мае 2013 года опубликовал в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* статью «Конфронтация с Россией бесполезна».

«У Запада нет методов заставить российское руководство, то есть президента России, сделать что-то, к чему он не готов. Я не убежден, что громкие протесты и возмущения, что, увы, сильно распространено в наших средствах массовой информации, возымеют какое-либо действие и произведут сильное впечатление на господина Путина». (Интервью «Дойче велле», май 2013 г.)

сколько местные элиты руководствуются лишь собственными интересами. К тому же, Евросоюзу, вполне возможно, необходимо будет отказаться от мессианской роли, поскольку, во-первых, многим в мире видна непоследовательность и избирательность обвинений в нарушениях прав человека, а во-вторых, экономический кризис неизбежно приведёт к ослаблению ЕС как геополитического игрока: «Дистанция между влиянием Европы в реальном мире и её официальными декларациями и требованиями (например, связанными с правами человека) возрастает».

Конечно, ситуация может измениться, если ЕС и США удастся создать единую Трансатлантическую зону свободной торговли. Формально экономический проект, по сути, позволит реализовать концепцию «Большого Запада», изложенную в последней работе Збигнева Бжезинского «Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной власти». Кстати говоря, одна из задач проекта «Большой Запад» — не допустить альянса между Россией и Германией. По мнению Бжезинского, именно усиление сотрудничества этих двух стран, основанное на желании немецкого бизнеса получать прибыль, участвуя в модернизации России и осваивая её рынки, является прямой угрозой концепции «свободной и единой Европы», гарантом которой выступают США.

Поэтому в более тесном и экономически сильном альянсе с США Европа, безусловно, продолжит «ценностные атаки» на Россию. Но для русских это не будет иметь уже никакого значения. Идеи евроторерантности и гипертрофированных прав меньшинств не находят отклика у россиян, а уж союз недавних пацифистов с главным проводником агрессивной политики подрывает европейский авторитет, несмотря на геополитическую мощь западного альянса. В случае его формирования Россия лишь укрепит в мысли о необходимости создать свой ценностный «полюс смысла».

Непонятая Россия

Эксперт Европейского совета по международным отношениям Яна Кобзева написала недавно: «После окончания холодной войны многие думали, что Россия превратится в большую Польшу и надо просто помочь ей с демократическими реформами». Традиционная ошибка внешнего наблюдателя — не принимать во внимание фактор истории и ментальности. Как бы критически сами россияне ни относились к своему прошлому, от идеи самостоятельного пути России они упорно не отказываются. Европу не устраивает, что Москва, по факту проиграв холодную войну, не признаёт себя проигравшей и не соглашается на правах младшего партнёра следовать за Западом. Вот как эту ситуацию комментирует известный немецкий политолог, директор по исследовательской работе Германо-российского форума Александр Рар: «На Западе должны понять, что настоящая, или подлинная, Россия, если говорить в историческом контексте, — это та, которую мы видим сегодня, а не Россия 90-х годов».

Однако европейские эксперты продолжают питать иллюзии. Неслучайно в первом из упомянутых четырёх сценариев волна социального протеста приводит к власти неких западно-ориентированных оппозиционеров. В реальности все опросы общественного мнения в России показывают, что

социальные группы, способные на протест из-за ухудшения экономической ситуации, имеют совершенно другие ценности, нежели «Болотная площадь». В реальности массовые социальные протесты могут привести к власти кого угодно, кроме западно-ориентированной оппозиции. Как написал в прошлом году шеф бюро «Шпигель» в Москве Маттиас Шепп, «немцам придётся признать, что, скорее всего, это будут националистически настроенные шовинисты».

О ком здесь идёт речь? На Западе словом «националисты» называют, к примеру, и российских этнонационалистов (постоянно участвующих в оппозиционных митингах), и патриотов-консерваторов, которые в целом поддерживают власть (хотя и критикуют) и считают этнонационалистов главными врагами российской государственности, определяя русских как «сверхнациональную нацию» (русский — любой, кто считает Россию своей страной).

Недавний опрос ВЦИОМ показал, что идея сильного государства завладевает сегодня умами всё большего числа россиян. Среди основных приоритетов возвращение к моральным ценностям, проверенным временем, и сплочение нации (17%), а также возрождение идеи великой державы, объединяющей разные народы (15%). Ценности свободного рынка и демократии, как и лозунг «Россия для русских», набрали всего по несколько процентов. Как отметил в одном из своих недавних выступлений гендиректор ВЦИОМа Валерий Фёдоров, «в российском представлении об идеале общественного устройства нет таких ценностей, как важность сменяемости власти на альтернативной основе, восприятие оппозиции как составной части политической системы, баланс разных ветвей власти, ключевая роль парламента и представительной демократии в целом, права меньшинств». Для некоторых на Западе шокирующими оказались результаты ещё двух недавних опросов ВЦИОМа: закон об «иностранных агентах» воспринят обществом как необходимый инструмент защиты от вмешательства других стран в дела России (67%), а закон о запрете пропаганды гомосексуализма поддерживают 88% россиян, причем 42% считают, что нетрадиционная сексуальная ориентация должна быть уголовно наказуема.

Запад пугает также популярность Сталина в современной России. Однако, следует понимать, что связана она не с любовью к тоталитаризму, а с существующим в обществе запросом на жёсткую диктатуру закона и репрессии в отношении коррупционеров (чего хотели бы от России и сами еврокритики).

»» Европу не устраивает, что Россия, по факту проиграв холодную войну, не признаёт себя проигравшей и не соглашается на правах младшего партнёра следовать за Западом.

Лишь некоторые западные эксперты понимают отчётливо, что у России своя дорога. «Российская демократия в будущем всё равно не будет выглядеть, как у нас в ЕС», — пишет английский журналист и политолог Бен Джуда. В частности, он ссылается на популярность в Екатеринбурге Евгения Ройзмана

quotation

Из выступления политолога ВИТАЛИЯ ТРЕТЬЯКОВА на форуме «Петербургский диалог» в ноябре 2012 года о декларации бундестага по России:

«Я уже давно не обсуждаю на встречах с западными коллегами проблемы и недостатки России. У меня претензий к нашей власти, к парламенту, к Путину больше, чем у вас. Хотя бы потому, что я лучше знаю жизнь России. Но с западными коллегами я обсуждать это не хочу, так как за двадцать лет мне надоели ваши нравоучения. Я со своими студентами так не разговариваю, как вы с Россией». «Я смею утверждать, ни у кого на это не спрашивая разрешения, что я тут ничуть не меньший европеец, чем любой находящийся в этом зале. И мне дорога европейская цивилизация. И я считаю, что легализация гомосексуальных браков ведёт к исчезновению европейской цивилизации. Я в этом убеждён, и мне всё равно, что по этому поводу думает бундестаг»

«Не знаю, существует ли по модели «Петербургского диалога» какой-нибудь «Нью-Йоркский диалог», где политики, общественные деятели и журналисты США и Германии обсуждают свои «острые вопросы». Но хотел бы я там поприсутствовать. И послушать, в каких выражениях немецкие коллеги высказывают претензии американцам. И в каких выражениях американские коллеги своим немецким друзьям отвечают».

(который на данный момент уже победил на выборах мэра). Действительно, даже те, кто позиционирует себя в России как фронду правящей партии, далеко не всегда оказываются поборниками европейских либеральных свобод.

Уолтер Лакер в *The National Interest* отмечает, что «среднестатистические россияне, согласно результатам опросов, хотят жить в сильной и процветающей стране, и свобода — это далеко не самое главное из их требований. Идеология среднестатистической России — это любопытная смесь из советизма и Солженицына, мощного национализма и православия, подозрительного отношения к иностранцам и конспирологии. Это не самая утончённая и современная доктрина, но своему предназначению она соответствует идеально». В то время как западные СМИ постоянно называют Путина диктатором, Лакер считает, что «Путин — либерал в сравнении с большинством россиян». В этом и заключается парадокс: из европейского далёка кажется, что население считает власть авторитарной и хочет от неё освободиться, а в реальности, напротив, большинство россиян требует от власти жёстких мер по наведению порядка и обузданию «бюрократов-хищников».

Конфронтация или уважение?

Но вернёмся к предложенным сценариям. Итак, какими могут быть, по мнению авторов исследования Фонда Эберта, причины резкого размежевания Москвы и Берлина? «В России усиливаются авторитарные

тенденции, что приводит к оттоку капиталов и инвестиций, на фоне ухудшающегося экономического положения в целях консолидации нации Кремль представляет официальную доктрину, основанную на националистических настроениях и идее уникальной евразийско-российской цивилизации. Русская православная церковь, госпропаганда и проправительственные НКО используются для распространения антизападных взглядов. Для получения общественной поддержки президент начинает антикоррупционные кампании против нелояльных олигархов, национализируются основные отрасли, из стратегических сегментов экономики выдавливаются западные инвесторы, экономика централизуется», — говорится в исследовании. Это, по мнению авторов, «закрывает все перспективы модернизации, в том числе из-за массовой эмиграции среднего класса. Единственным источником доходов бюджета остаётся экспорт сырья и энергоносителей». В ответ на попытки западного давления Россия аннулирует своё членство в Совете Европы и ОБСЕ, сосредоточившись на отношениях с другими членами Евразийского союза и Азией.

И вот тут возникает много вопросов. Почему Евразийский союз (и к тому же РПЦ) априори объявляются проводниками антизападных настроений? Кто такие «националисты» мы уже выяснили — это большинство, которое хотело бы видеть Россию сильной страной, самостоятельно определяющей свою политику. К централизации экономики и национализации стратегических отраслей (или хотя бы возвращению госпланирования) призывает как раз консервативная оппозиция — для развития промышленности и ухода от экспортной модели. А для новой индустриализации в боль-

quotation

АЛЕКСАНДР РАР:

Европе нужен реалистичный взгляд на Россию
 Политолог, директор по исследовательской работе
 Германо-российского форума, член координационного
 комитета форума «Петербургский диалог».

Сторонник реалистичного взгляда на Россию,
 убеждён в необходимости диалога между Россией
 и Германией.

НАТАЛЬЯ ЛЬВОВА

Из интервью «Дойче велле», декабрь 2012 года:

«В 90-е годы у нас, на Западе, бытовали абсолютно неадекватные представления, будто Россия со дня на день может стать демократичной. Вот и сегодня многим на Западе кажется, что Россию надо заставить вернуться к реформам 90-х годов, когда она была младшим партнёром Запада. Россия, естественно, этого не хочет. На Западе должны понять, что настоящая, или подлинная, Россия, если говорить в историческом контексте, — это та, которую мы видим сегодня, а не Россия 90-х годов».

«Пока, однако, Запад переживает фазу наслаждения своей победой в холодной войне, триумфа либеральных идей, которые кажутся универсальными и которым, по его мнению, должны следовать все другие народы. Россия же упрямится. Она традиционно видит себя страной Европы, но другой — византийской, а не римской».

шей степени нужны квалифицированные рабочие, учёные и инженеры, а не менеджеры, финансисты и прочие успешные, но вряд ли сильно двигающие вперед прогресс представители столичного среднего класса. Что характерно, самостоятельная Россия представляется Западу неким тёмным самодовольным монстром, обязательно кого-то поглощающим.

Однако если отойти от идеализации европейских ценностей и демонизации особенностей российского менталитета, вполне можно увидеть помимо четырёх предложенных и «пятый вариант». Когда обе стороны мотивированы собственными ценностями, но это не мешает их сотрудничеству. Когда, понимая чаяния большинства россиян, Россия проводит антикоррупционные кампании и национально-ориентированные экономические реформы. Когда в результате этих реформ в том числе и западному бизнесу становится выгодным делать инвестиции именно в те сектора, где существует индикативное планирование и программы частно-государственного партнёрства (такой опыт, например, есть у стран Юго-Восточной Азии, сотворивших «экономическое чудо»; об этом говорят в последнее время даже эксперты и руководители Либеральной платформы «Единой России»). Когда Евразийский союз становится ключевым торговым и логистическим партнёром ЕС. Когда на основе своих «российско-евразийских» ценностей Москва вырабатывает ясную внешнеполитическую доктрину. А Европа и Германия с уважением относятся к выбору соседей и не пытаются навязывать своё видение мира. А может быть, в чём-то готовы разделить с Россией её мировоззрение. Такое развитие событий выглядит сегодня фантастическим, но не более, чем радикальные варианты «азиатской империи» или России, выбравшей европейскую идентичность. Кроме того, прогнозы всегда отчасти являются вымыслом. Но также и ориентиром.

Жан-Сильвестр Монгрень, доктор геополитики и научный сотрудник Института Томаса Мора, уверяет, что «путинская Россия не находится в плену возвышенных представлений о человеке и не рассуждает о его отношении к космосу. Её нельзя считать носителем некой вселенской миссии, политическим и идеологическим центром консервативной философии». Думается, именно такое отсутствие собственной «большой идеологии» способно завести Россию в самые разнообразные тупики, как во внутренней, так и во внешней политике. Если же российские элиты и народ смогут выработать общие ценности и начать консолидацию, каким бы ни оказался международный климат, строить диалог с соседями будет гораздо проще. ■

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая*

МИРОПОРЯДОК

Своих ближних северных и дальних западных партнёров Пекин рассматривает с присущим ему прагматизмом — в качестве выгодных объектов внешнеэкономической деятельности и полезных инструментов в практике внешнеполитической.

* Сокращённый вариант, полный текст статьи будет опубликован в сборнике «Китай в глобальной и региональной политике», изд-во ИДВ РАН, 2013 год.

30

января 2012 года орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» на своём русскоязычном сайте опубликовала статью некоего Дай Сюя, научного сотрудника Центра стратегических исследований Китая Пекинского университета, под заголовком «Китаю и России следует создать Евразийский альянс». В статье, вызвавшей большой резонанс, наряду с предложением в адрес России объединить усилия в борьбе с гегемонистскими поползновениями США, говорилось и о том, что Китаю «необходимо постепенно завоёвывать западную часть Евразии». Большинство комментаторов сочли, что эти слова относятся, прежде всего, к Ближнему Востоку и нефтеносным странам Персидского залива. Однако реальная политика Пекина свидетельствует о том, что и Европа находится в фокусе внимания Китая.

Что касается предложения о союзе, сделанного Россией, то оно вполне соответствует китайским традициям геополитики, восходящим к знаменитому трактату Сунь Цзы — «объединяться со слабым в борьбе против сильного». Эти приёмы активно используются и в наше время. Вспомним, к примеру, широко рекламировавшийся руководством КНР в конце 1970-х и в 1980-х «Единый фронт борьбы с советским гегемонизмом», позволивший Китаю преодолеть международную изоляцию и перейти к масштабным реформам в экономике, опираясь на «политику открытости» и помощь ведущих западных стран во главе с США. Сегодня Китай формирует альянс тех, кто противопоставит западному (и американскому в первую очередь) диктату. И в этом альянсе помимо лидирующей роли КНР приобретает и экономические дивиденды.

Дело в том, что китайская политика практически никогда (за исключением середины 1960-х годов) не основывалась исключительно на идеологических постулатах. И в этом её отличие от внешней политики Советского Союза, в которой прагматизм, пожалуй, наблюдался только во время правления И. Сталина. Можно согласиться с мнением экспертов о том, что и сегодняшняя концепция «достижения гармонии в мире» несёт скорее пропагандистскую, чем идеологическую нагрузку.

Во внешней политике нынешнего китайского руководства многие действия по-прежнему определяются постулатами Дэн Сяопина, заслуженно считающегося творцом современного Китая (так же как Мао Цзэдун — создатель КНР первых 30 лет её существования). В соответствии с этими постулатами именно прагматические соображения и экономические интересы страны являются определяющими («неважно, какого цвета кошка...»). И в этом контексте России и странам ЕС уделяется большое внимание.

Россия: полезная сила, полезная слабость

Если попытаться кратко сформулировать отношение нынешнего китайского руководства к РФ, то Россия рассматривается Пекином как:

— важный союзник в борьбе с диктатом Запада, хоть и серьёзно ослабленный, но сохранивший рычаги влияния в мире (место в СБ ООН, ядер-

ные силы, определённое влияние на постсоветском пространстве и в некоторых других регионах мира);

— страна, способная проводить относительно независимую от США и стран Запада политику (что повышает значимость России как союзника);

— источник сырья и других ресурсов, стратегически важный с точки зрения возможного глобального противостояния (в том числе по причине меньшей доступности логистических путей для вероятного противника);

— источник современных технологий в тех областях, в которых невозможно или затруднено сотрудничество со странами Запада.

Можно отметить также и тот факт, что Россия испытывает сегодня огромную зависимость от импорта самых различных товаров (начиная от товаров лёгкой промышленности и электроники и кончая продовольствием) и является для Китая крупным рынком сбыта и источником валютных поступлений (даже несмотря на относительно небольшой объём двусторонней торговли по сравнению с товарооборотом между Китаем и его основными партнёрами — США, Японией, ЕС и соседними азиатскими странами). При этом нельзя забывать, что Россия традиционно (с начала 1990-х) — рынок сбыта товаров нижней ценовой категории и соответствующего качества, то есть тех, которые не востребованы на Западе.

Кстати, по моему глубокому убеждению, одна из причин ускорения экономического роста КНР в 1990 годах — это активное участие страны (как на государственном уровне, так и на уровне поддерживаемого государством «частного» челночного бизнеса) в разворовывании и эксплуатации оставшегося в России советского наследия, начиная от металлолома и заканчивая технологиями. Плюс выкачивание из России валюты в обмен на ширпотреб (средства в дальнейшем использовались для закупки на Западе передовых технологий и оборудования).

«Старая Европа»: плацдарм экспансии

Похоже, что сегодня эта роль — основного рынка сбыта товаров и источника валютных поступления и технологий — перешла к странам Европейского союза. Недаром именно ЕС занимает первое место по объёму товарооборота во внешней торговле КНР (и первое место по абсолютному объёму двустороннего товарооборота в мире — по официальной статистике, с июля 2011 года), причём при значительном положительном сальдо (в 1,5–2 раза) в пользу Китая.

Страны ЕС занимают также одно из первых мест по объёму инвестиций в Китай. Впрочем, и КНР в последнее время стремительно наращивает инвестиции в экономику европейских стран (только за 2011 год китайские капиталовложения в страны ЕС выросли почти на 94%). Как подчёркивает в статье «Использование возможностей, углубление торгово-экономического сотрудничества между Китаем и ЕС» заместитель министра коммерции КНР Чжун Шань, «к концу 2011 года ЕС вложил 73,3 млрд долларов прямых инвестиций в обрабатывающую промышленность, финансы, логистику и другие китайские отрасли. В то же время сумма прямых инвестиций китайских предприятий в 27 странах ЕС достигла 4,28 млрд долларов, что почти в

два раза больше, чем в предыдущем году». Однако КНР, в свою очередь, — держатель еврооблигаций на сумму 650 млрд евро.

Для Китая ЕС представляет интерес не только как крупнейший торговый партнёр, один из основных инвесторов и источник высоких технологий, но и как важнейший плацдарм для дальнейшей экономической экспансии на запад. ЕС также может рассматриваться в Пекине как один из инструментов продвижения глобальных интересов Китая и отстаивания его позиции по международным вопросам. Однако заметим, что в результате непрекращающегося финансового кризиса и занятости собственными проблемами, ЕС отходит на второй план (даже в рамках таких структур, как G8 и G20), уступая место на авансцене другим — например, странам БРИКС.

Кроме того, по мнению экспертов, Евросоюз в последнее время довольно неудобный партнёр для всех, кто с ним имеет дело (достаточно вспомнить известную дилемму Киссинджера). В первую очередь из-за чрезвычайной бюрократизированности и неповоротливости общеевропейских структур. Именно поэтому Китай (как и Россия, впрочем) предпочитает решать конкретные проблемы с конкретными странами и их руководством.

Ведущим партнёром КНР среди стран ЕС является Германия, локомотив европейской экономики. На втором и третьем местах — Голландия и Бельгия. Кроме того, Китай активно вербует новых союзников среди стран, испытывающих наиболее сильные финансовые и экономические трудности, предоставляя займы и инвестиции и активно скупая промышленные предприятия в проблемных государствах — Греции, Португалии, Испании, Венгрии и др. Сюда же можно добавить и европейские страны бывшего СССР — Украину, Белоруссию, Молдавию, государства Прибалтики. Эти государства готовы пойти на серьёзные уступки в области глобальной и европейской политики и поддержать Китай (за определённую «плату», разумеется) в тех вопросах, которые имеют для него значение.

Старые проблемы со «Старой Европой»

Проблемы двусторонних связей по линии «КНР — ЕС» сегодня практически те же, что и на протяжении последних пяти-шести лет (в начале 2000-х годов наблюдалась некоторая эйфория, но в середине 2000-х начался спад в отношениях, который усугубился с началом общеэкономического кризиса 2008 года и последующего кризиса еврозоны).

Это:

- несбалансированность торговли (отрицательное сальдо у Европы);
- эмбарго на поставки оружия и других соответствующих товаров и технологий, введённое ещё в 1989 году и до сих пор не отменённое;
- непризнание КНР страной с рыночной экономикой (Китай имеет статус страны с неполной рыночной экономикой). Этот факт, выглядящий сегодня абсурдным, тем не менее позволяет ЕС проводить антидемпинговые расследования в отношении самых разных импортируемых из Китая товаров (прежде всего текстиля и кожаной обуви). Вопрос ставится китайской стороной на каждом саммите, однако пока так и не решён. Похоже, что ничего не изменится до 2016 года, когда предоставление Китаю долж-

ного статуса последует автоматически по условиям вступления КНР в ВТО.

В последнее время Китай, особенно в связи с продолжающимся финансовым кризисом в зоне евро, ставит партнёрам из ЕС всё более жёсткие условия. Одним из показателей изменения соотношения сил в пользу Китая можно считать решение комиссии ВТО о неправомерности европейских антидемпинговых мер против импорта китайской кожаной обуви. Это новый аспект в тянущейся несколько лет истории, когда европейские производители (в первую очередь итальянские) ежегодно возбуждают антидемпинговые расследования по китайской обуви.

Ещё один пример — известный скандал в начале 2012 года, связанный с нормами авиационных выбросов в ЕС. Китай отказался выполнять требования европейцев и официально запретил своим авиакомпаниям платить Евросоюзу деньги за выбросы парниковых газов гражданской авиацией.

«Новая Европа»: тактика приручения

Важным показателем изменения соотношения сил является прошедшая в конце апреля прошлого года встреча руководителей Китая и стран Центральной и Восточной Европы.

Состоявшийся в столице Польши так называемый «Саммит Китая и стран Центральной и Восточной Европы», по сути, положил начало новому формату в отношениях КНР со странами ЕС. В саммите приняли участие премьер-министры Польши, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Македонии, Черногории, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Албании, а также вице-премьер Болгарии. С каждым из них тогдашний премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао провёл отдельные переговоры.

Выступая на Торгово-экономическом форуме сторон (втором по счёту), организованном в рамках саммита, перед премьер-министрами стран-участниц, Вэнь Цзябао сообщил, что китайская сторона вместе со странами Центральной и Восточной Европы намерена приложить усилия, чтобы сделать рынок более открытым и увеличить двусторонний товарооборот до 100 млрд долларов в 2015 году. Китай предложил также создать консультативный комитет экспертов по вопросам строительства транспортной сети, Союз Китая и стран Центральной и Восточной Европы по содействию туризму и сообщил о намерении учредить Секретариат сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы. По словам Вэнь Цзябао, в 2013 году в Китае будут организованы форум культурного сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы и форум молодых политиков Китая и стран Центральной и Восточной Европы.

6 сентября 2012 года в Пекине состоялись учредительное собрание Секретариата по сотрудничеству Китая и стран Центральной и Восточной Европы и первое заседание государственных координаторов, на котором присутствовали представители китайских учреждений, входящих в Секретариат (практически всех министерств, имеющих отношение к данным вопросам, — минкоммерции, минсельхоза, минобразования, минкультуры, МИД и др.), а также государственные координаторы, представители и дипломаты 16 стран Центральной и Восточной Европы. Возглавил Секрета-

прецедент

ДИЛЕММА КИССИНДЖЕРА

EAST-NEWS

Речь идёт об известном изречении госсекретаря США Генри Киссинджера: «Я хочу позвонить в Европу. Какой телефонный номер?»

Киссинджер намекал на чрезвычайно сложную систему управления тогдашней формой Евросоюза, где каждые полгода менялись страны-председатели, а соответственно, и лица внешнеполитических представителей ЕС.

риат заместитель министра иностранных дел КНР Сун Тао. Он же провёл первое заседание государственных координаторов, которые затем были приняты премьером Вэнь Цзябао.

В своей речи, произнесённой в Варшаве, Вэнь Цзябао сообщил, что для содействия сотрудничеству между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы правительство Китая решило учредить специальный кредитный фонд в размере 10 млрд долларов, в котором определённая часть средств будет предназначена для льготного кредитования проектов двустороннего сотрудничества в области развития инфраструктуры, высоких технологий, «зелёной экономики» и др. Кроме того, Китай намерен инициировать учреждение Фонда инвестиционного сотрудничества с

государствами Центральной и Восточной Европы. Правительство КНР также планирует содействовать тому, чтобы китайские предприятия в течение ближайших пяти лет построили по одному экономико-технологическому парку в этих странах. Также китайское правительство предоставит стипендии пяти тысячам студентов из стран Центральной и Восточной Европы, пригласит 1000 учащихся из этого региона в Китай для изучения китайского языка, а также отправит 1000 китайских студентов и учёных в страны Центральной и Восточной Европы на стажировку.

Отметим, что данная встреча (как и отсутствие заметной реакции на неё в руководстве ЕС) вносит существенные коррективы и в политику Китая по отношению к европейским странам, и в формат его связей со странами Центральной и Восточной Европы. По сути, Пекин формирует независимый от ЕС центр отношений с его членами. А если учесть активное налаживание тесных контактов КНР с Украиной, Беларуссией и Молдавией, то можно говорить о создании в центре Европы своего рода прокитайского лобби, предназначенного для продвижения интересов КНР в этом регионе мира.

Китайский арсенал в глобальном противостоянии

Нельзя не обратить внимания на ряд фраз, прозвучавших в выступлении Вэнь Цзябао. Глава китайского правительства отметил, что Китай, Польша, страны Центральной и Восточной Европы проходят важный этап в своём развитии: этим странам предстоит решить непростые задачи экономического и национального возрождения. И в случае если стороны будут осуществлять друг с другом взаимодействие, опирающееся на принципы взаимного доверия, поддержки, укрепления существующих контактов, раз-

витию их не сможет воспрепятствовать никакая враждебная сила. А Китай всегда выступал в качестве доброго друга и надёжного партнёра стран Центральной и Восточной Европы. И, несмотря на дипломатические слова о том, что «Китай поддерживает процесс интеграции данных стран в рамках ЕС», посыл вышеприведённых пассажей более чем очевиден.

Ещё один показатель изменения соотношения сил — постоянно озвучиваемые на саммитах «КНР — ЕС» и двусторонних встречах просьбы европейцев к Китаю оказать финансовую помощь для спасения еврозоны. Пекин в ответ обуславливает оказание этой помощи решением перечисленных выше вопросов — снятием эмбарго и признанием КНР страной с рыночной экономикой. Об этом недвусмысленно и неоднократно заявлялось китайской стороной, в том числе в достаточно жёсткой форме.

Таким образом, европейское направление китайской внешней политики при всей его кажущейся второстепенности на самом деле рассматривается китайской стороной как одно из важнейших в её глобальной многовекторной стратегии. При этом КНР, не надеясь исключительно на традиционные формы международной политики, старается задействовать весь арсенал доступных ей средств, включая элементы «мягкой силы». Это и активное создание так называемых институтов Конфуция, культурная экспансия, пропаганда опыта экономического строительства КНР как альтернативного пути развития — так называемый «пекинский консенсус».

Однако основной формой влияния, которое наращивает Китай по всему спектру отношений со странами европейского региона, в последнее время становится использование финансовой мощи и монетарных инструментов (кредитов, помощи, инвестиций и т.п.). Прежде всего, в тех странах, которые испытывают серьёзные финансовые трудности и готовы лоббировать китайские интересы в обмен на помощь в решении проблем и в ускорении собственного развития. К ним в европейском регионе следует отнести страны Южной Европы (страны PIGS — Греция, Испания, Португалия, отчасти Италия), Восточной Европы (в данном случае можно смело перечислять все страны этого региона, но преимущественное внимание сегодня уделяется Венгрии и Польше) и бывшие страны СССР (Украина, Белоруссия, страны Балтии, отчасти Молдавия). Объём сотрудничества КНР с этими государствами постоянно растёт, создавая вполне определённую их зависимость от Китая на правах младших партнёров.

В целом постепенно складывается ситуация, которую можно сравнить с политикой Китая в отношении государств Центральной Азии — формально оставаясь в ареале РФ (через участие в ЕвразЭс, ОДКБ и т.д.), эти страны в экономическом отношении всё больше и больше оказываются в зоне влияния Поднебесной и всё более готовы учитывать интересы последней. Отчасти это касается и России. Впрочем, РФ старается сохранить роль независимого субъекта международных отношений, используя традиционные связи с Европой, своё геополитическое положение «евроазиатского моста», а также наличие ядерных сил и вооружений, позволяющее вести относительно равноправный диалог с США и другими крупными мировыми игроками.

***

Изменение отношений КНР с ЕС и другими странами Европейского региона является не только следствием, но и вполне зримым доказательством постепенного смещения баланса сил в пользу Китая и формирования новой структуры международных отношений в мире. Фактически складывающуюся ситуацию можно назвать возвратом к биполярности, только вместо СССР в глобальном противостоянии с США на правах полноценного лидера начинает выступать Китай, как бы ни пыталось китайское руководство (по крайней мере, на словах) уклониться от этой роли. ■

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ, президент Института Ближнего Востока

Пороховая бочка

Ближний Восток всё чаще называют «евразийскими Балканами». Гражданская война в Сирии, усиление политического ислама, противостояние шиитов и суннитов, иранская ядерная проблема — всё это создаёт предпосылки для большого регионального конфликта, в который могут быть втянуты великие державы.

МИРОПОРЯДОК

АЛЕКСАНДР КУКУШКИН

перативная обстановка на Ближнем и Среднем Востоке определяется событиями на нескольких основных «фронтах», по большей части взаимосвязанных друг с другом. Это:

- последствия «арабской весны» (включая силовое отстранение от власти правительства исламистов военными в Египте и внутривластный конфликт в Тунисе) и её развитие на южном направлении, на Сахаре, Сахель и Африку в целом, а также исламизация континента, захватывающая его целиком, включая ЮАР;

- силовое противостояние шиитов (лидер — Иран) и суннитов (лидер — Саудовская Аравия), главной ареной которого является Сирия, усугубляемое проблемой иранской ядерной программы и периодически вспыхивающей борьбой Ирана с Израилем;

- конкуренция Катара, Саудовской Аравии и Турции за влияние в суннитском мире и подвижки в системе их отношений с западными союзниками, которые всё больше попадают под влияние арабских шейхов;

- приближение вывода войск США из Афганистана, рост дестабилизирующего потенциала афгано-пакистанского узла и перспективы начала «центральноазиатской весны»;

- рост активности радикальных исламистов за пределами БСВ, в том числе в США и Европе, на фоне сворачивания непосредственного присутствия крупных контингентов стран НАТО в регионе и пересмотра тактики и стратегии обеспечения там интересов западного блока;

- ослабление, с падением авторитарных светских режимов, государственности в арабском мире, децентрализация, рост сепаратизма, усиление кланово-племенного и религиозного факторов;

- напоминающая о холодной войне конфигурация в Совбезе ООН: РФ и КНР против США, Великобритании и Франции не из-за идеологического или геополитического противостояния блоков, а как новая форма «Большой игры», при сохранении диалога между великими державами.

Менее значимы, хотя и влияют на ситуацию, факторы, значение которых может вырасти в перспективе:

- рост влияния в регионе новых геополитических игроков, включая Японию, Китай и др.;

- превращение Израиля в транзитный транспортный хаб мирового значения и источник углеводородов для ЕС и АТР при окончательной исчерпанности ресурсов урегулирования палестинской проблемы;

- превращение сирийской гражданской войны в долгосрочный фактор регионального противостояния;

- Беспорядки в Турции, фокусирующиеся на фигуре премьер-министра Р.Т. Эрдогана, при пробуксовке попыток изменить формат турецко-курдского противостояния.

Рассмотрим всё вышеуказанное по понятным причинам вкратце, пунктиром.

«Арабская весна»

Свержение авторитарных лидеров, которые по 30–40 лет стояли во главе военных режимов Магриба, АРЕ и Йемена, привело к власти в этих странах представителей племенной элиты и сторонников политического ислама, свело к нулю перспективы экономической модернизации этих государств и поставило на грань гражданской войны. Общей тенденцией является противостояние салафитов с остатками светского истеблишмента и суфиями, а также их борьба за власть с египетскими «Братьями-мусульманами» и родственной им тунисской «Ан-Нахдой».

В Ливии разгорается конфликт между племенными альянсами и региональными лидерами. В Тунисе исламистское руководство страны борется со светскими силами, балансируя на грани гражданской войны. В племенном Йемене нарастает угроза распада страны и восстановления независимости Юга.

Особняком в ряду стран «арабской весны» стоит вновь контролируемый военными Египет. После того как исламисты установили монополию на власть, а президент Мурси фактически превратился в нового диктатора армия вынуждена была устроить переворот. Альтернативными вариантами для АРЕ были гражданская война или исламская революция, по своим последствиям более серьёзная, чем события в Иране в 1979 году.

Нараставшее давление исламистов на христиан-коптов, сепаратизм городов Суэцкого канала, независимость от Каира бедуинов Синайского полуострова, захват северных и центральных районов Синай террористическими группировками, многомиллионные выступления с требованием отставки президента Мурси и не менее масштабные демонстрации его сторонников — всё это поднимало вопрос о физическом выживании страны. Ситуацию в Египте усугубляет развитие Эфиопией и другими странами, расположенными в верховьях Нила, гидропроектов, которые угрожают Египту водным голодом (он может начаться уже с 2017 года).

Характерна различная реакция крупнейших региональных игроков на отстранение от власти в Египте «Братьев-мусульман». Иран, Катар, Тунис, Судан и Турция резко выступили против и в той или иной мере поддерживают борьбу исламистов с армией. ХАМАС в секторе Газа вступил в открытое противостояние с египетскими генералами, которые проводят операцию против исламистских террористов на Синае. Израиль поддержал военных АРЕ, лоббируя их интересы в США и обмениваясь с ними разведанными. Поддержали их и саудовцы, которые вместе с малыми монархиями Залива (за исключением Катара, разумеется) вкладывают значительные финансовые средства в египетскую экономику и отстаивают интересы Египта в ЛАГ и на Западе. Для Саудовской Аравии такое поведение особенно необычно, учитывая тот факт, что незадолго до своего отстранения от власти президент Мурси разорвал отношения АРЕ с Сирией и разрешил египтянам отправляться на джихад против Асада. Однако конкуренция саудовцев с Катаром и ссора Мурси с египетскими салафитами привели именно к такому развитию событий.

При этом салафиты не поддержали египетских «Братьев-мусульман» отнюдь не из симпатии к военным или, тем более, их партнерам из числа светских политических партий и коптов. Просто через некоторое время

они сами рассчитывают прийти к власти. По их прогнозам, такой шанс появится у них, после того как египетское правительство, поддерживаемое военными, ослабнет из-за неизбежных экономических трудностей.

Сирийская оппозиция, несмотря на два с половиной года интенсивных боевых действий против правящего режима, при масштабной финансовой, логистической и кадровой поддержке со стороны Турции, Катара и Саудовской Аравии, содействии «Аль-Каиды» и палестинского ХАМАСа, открывшего боевикам путь в центральные районы Дамаска, свергнуть Асада не смогла. Правительственные войска при поддержке Ирана и ливанской «Хезболла» нанесли повстанцам ряд поражений. Боевики из Йемена, Афганистана (талибы), Центральной Азии и с Северного Кавказа вместе с джихадистами из арабского Магриба и Машрика не смогли переломить ситуацию в пользу противников Асада. Против исламистов в конечном счёте выступили сирийские курды. Война приобрела хронический характер, постепенно распространяясь на Ливан и приграничные районы Турции и Ирака.

Единственный шанс на перелом в войне в пользу поддерживаемой Западом и Турцией Сирийской свободной армии — внешняя интервенция. Поводом для неё должно было стать использование химического оружия. Однако неоднократные попытки оппозиции сослаться на то, что Асад воюет с применением отравляющих газов, включая провокацию в пригороде Дамаска, так и не привели к необходимому оппозиции результату. Многие потенциальные сторонники антиасадовской коалиции, в том числе из числа стран НАТО, отказались от участия в ней.

Предложение России поставить химические арсеналы Сирии под международный контроль приостановило интервенцию на неопределённый период времени. К тому же в Совбезе ООН РФ и КНР противятся принятию резолюции, оправдывающей внешнее вмешательство. И это, как мы видим, совпадает с позицией парламента Великобритании и критиков военных планов в США.

Таким образом, сирийской оппозиции и её спонсорам придётся искать другой повод для втягивания Запада в войну. Не исключено, что таким поводом станет атака Израиля с применением химического оружия, компоненты которого повстанцы при поддержке Саудовской Аравии и, не исключено, Катара уже получили. Последствия развития событий по этому сценарию прогнозировать сложно.

В случае падения режима Асада в Сирии последней светской республикой арабского мира останется Алжир, переживший в 90-х годах свою собственную гражданскую войну с исламистами. Подъём радикального исламизма в Сахаре и Сахеле, приход исламистов к власти во всей Северной Африке, кроме разве что не слишком дружественно относящегося к политическому исламу Марокко, наследие гражданской войны, преклонный возраст и слабое состояние здоровья президента Бутефлики превращают Алжир в поле для экспериментов монархий Залива и Турции, мечтающих о продолжении «арабской весны» в Магрибе. Об этом свидетельствует атака террористов на газовый комплекс «Ин-Аменас» в ходе операции Франции и её африканских союзников в Мали.

Нарастает угроза выступления исламистов против умеренных арабских монархий в Марокко и Иордании. Особые опасения вызывает ситуа-

ция в Иордании, поскольку большинство населения королевства составляют традиционно нелояльные Хашимитам палестинцы, а исламисты являются ведущей политической силой страны.

Кроме палестинских беженцев Иордания за последние десять лет приютила более 2 млн выходцев из Ирака и Сирии. Экономика и социальная сфера в этой стране чрезвычайно перенапряжены и могут не выдержать дальнейшего ухудшения ситуации. Причём как падение Асада и неизбежный после этого распад Сирии, так и успехи его армии в борьбе с оппозицией, которые могут вызвать новые волны сирийских беженцев, одинаково плохи для Иорданского Хашимитского Королевства.

После уничтожения авторитарных режимов в ходе революций и войны в Ливии исчезли препятствия для нелегальной эмиграции из Африки в страны ЕС, которая набирает обороты, взрывая ситуацию в южно-европейских регионах. Увеличение потока от десятков тысяч нелегальных мигрантов до сотен и миллионов каждый год — перспектива более чем реальная. Как именно справиться с этой проблемой, европейские правительства и политики не знают.

Ещё одной трудностью стало то, что исламистские радикалы Магриба и Машрика завладели значительной частью арсеналов Каддафи и фактически взяли под контроль страны «арабской весны» с их современными арсеналами вооружений и военной техники. В случае с Египтом это реально воскрешало перспективы очередной масштабной арабо-израильской войны, если бы президент Мурси и его «Братья-мусульмане», выполняя свои предвыборные обязательства, разорвали Кэмп-Дэвидский договор.

Исламизация Африки

Радикальная исламизация Африки проходит при поддержке стран Залива, Турции и международного движения джихадистов. Пересмотр постколониальных границ, замещение светских властей исламистами и возникновение крупных шариатских зон отмечается повсеместно. Эксперты говорят об «африканской весне». Демографический кризис в большинстве стран континента создаёт идеальные условия для доминирования мусульман над христианами, с последующим вытеснением и физическим уничтожением приверженцев местных традиционных культов и светского населения.

Основными конкурентами в продвижении исламских проектов в африканских странах являются Турция, Саудовская Аравия и Катар. В экономике их соперниками по ряду направлений являются Китай, другие страны АТР и корпорации Запада, который, впрочем, чаще сотрудничает с «большой суннитской тройкой». Однако в религиозно-идеологической сфере они действуют практически без ограничений. Иран не столь активен в Африке и с религиозной точки зрения в любом случае не является для них серьёзным соперником на Чёрном континенте.

Пока единственным африканским государством, предпринявшим серьёзные меры по ограничению влияния местных салафитских группировок, стала Эфиопия, которая имеет опыт борьбы с сепаратизмом исламистов. После того как эфиопские власти стали чинить препятствия саудовцам, финансирующим местных исламистов и сепаратистов, Эр-Рияд быстро свернул свою инвестиционную активность в стране.

В случае с Африкой мы можем говорить не только о деятельности «Боко-Харам» в Нигерии, «Аш-Шабаб» в Сомали, ДЗЕДЗА и других исламистских движений в Мали или «Аль-Каиды» в странах исламского Магриба, во всех государствах Сахары и Сахеля, но и об исламизации таких традиционно христианских стран, как ЮАР, где в радикальный ислам обращается «цветное» население (пакистанцы, уроженцы Бангладеш и выходцы из Индии, среди которых традиционно высок процент мусульман).

Шииты против суннитов

Основная линия раскола в современном исламском мире (в первую очередь, конечно, на Ближнем Востоке) проходит между последователями суннитского и шиитского направления ислама. Сунниты имеют несколько основных центров, которые враждуют между собой и способны лишь на краткий период объединиться против общих противников. Главный центр шиитского мира, как это и было всегда в исторической ретроспективе, — Иран. Сунниты, прежде всего монархии Залива, утверждают, что ведут борьбу против шиитской экспансии в тесном альянсе с Западом, эксплуатируя проблему ядерной программы ИРИ.

Шииты борются за своё существование, постоянно сталкиваясь с угрозой «демократизации» по иракско-ливийскому образцу, которая в случае её успеха поставит их общины в арабском мире и Афганистане на грань геноцида. Основными фронтами этой борьбы являются Сирия, Ливан, Ирак, Йемен, Бахрейн, Восточная провинция Саудовской Аравии и Афганистан.

Фетвы теологов-салафитов и духовного лидера «Братьев-мусульман» шейха Юсефа Кардауи, посвящённые противостоянию сирийских суннитов с сирийскими алавитами, многие интерпретируют как разрешение воевать с джафаритами, исмаилитами, зейдитами, друзьями и вообще всеми теми, кто на взгляд ультраортодоксальных суннитов является приверженцем «джахилии». То есть неверными, «притворяющимися» мусульманами.

Турция — сосед Ирана, заинтересована в сохранении с ним прочных экономических отношений, дистанцируется от антииранской риторики аравийских монархий, хотя в Сирии и выступает на их стороне. Значительное число шиитов, живущих на территории собственно Турции, включая алевитов, статус которых для турецких теологов до сих пор неясен, делает этот союз чрезвычайно рискованным для будущего режима ПСР, правящего в Анкаре.

Участие «Аль-Каиды» (отрядов «Джабхат ан-Нусра» и других группировок) в сирийской гражданской войне превращает борьбу шиитов и суннитов из обычного геополитического соперничества в полноценный джихад. При этом обе стороны ведут ещё и информационную войну, обвиняя своих противников в том, что они действуют в интересах Израиля.

Борьба суннитских центров за гегемонию

Если говорить о суннитском мире, основная конкуренция за влияние на Ближнем Востоке и в Африке идёт между Турцией (неоосманизм и нурсизм), Катаром («умеренный салафизм» — «Братья-мусульмане») и Саудов-

ской Аравией (ортодоксальные салафиты всех типов и группировки близкие к «Аль-Каиде»). Перетягивание на свою сторону радикалов (ХАМАС), борьба за политическое, идеологическое и экономическое доминирование в отдельных странах и регионах сопровождается схваткой за африканское наследство Каддафи.

Основные дивиденды из «арабской весны» извлек Катар. Курируемые им группы и движения прибрали к рукам Тунис, до лета 2013 года удерживали власть в Египте и контролировали ряд ключевых постов в Ливии. Несмотря на возникновение некоторых проблем в отношениях с Францией после атаки исламистов на французские интересы в Сахеле, Доха смогла сохранить свой имидж западного союзника. Саудовской Аравии это удастся с куда большим трудом.

Турция как член НАТО, имеющий длительную историю отношений с США и ЕС, продолжает рассматриваться Вашингтоном и Брюсселем как идеальный проводник интересов Запада в Центральной Азии. Однако её финансовые ресурсы несопоставимы с возможностями монархий Залива. Положение «прифронтового государства», граничащего с Сирией, противостояние светского населения исламистской политике Эрдогана и продолжающийся конфликт с курдами ставит под вопрос будущее Турции как одного из главных политико-идеологических центров исламского мира, выявляя несоответствие амбиций её высшего руководства и ресурсов, которыми оно располагает.

Уход США из АфПака и угроза «центральноазиатской весны»

Вывод американской армии из Афганистана при всей позитивной риторике администрации Обамы по этому поводу на деле означает победу талибов, а также их пакистанских кураторов из Межведомственной разведки (ISI) и полное стратегическое поражение Вашингтона в борьбе против международного терроризма. Восстановление в Афганистане ситуации, предшествовавшей западной оккупации, с разделом страны на враждующие этнические анклавы — вопрос ближайшей перспективы.

Ослабление безопасности в Афганистане и Пакистане в целом, значительное увеличение числа терактов против этноконфессиональных меньшинств, усиление талибов и вытеснение в Центральную Азию базирующихся в АфПаке непуштунских джихадистских группировок — события, практически неизбежные. Главные направления близящейся «центральноазиатской весны»: Таджикистан с его исламистами и криминализованный Киргизия с её наркомафией. Высока степень угрозы также для авторитарных Туркменистана и Узбекистана.

Последний особенно уязвим в связи с неизбежной сменой высшей власти по естественным причинам, которой наверняка воспользуется исламистская оппозиция. Речь не только о вытесненных из республики боевиках Исламского движения Узбекистана (ИДУ), но и об их союзниках в самом Узбекистане, в том числе в местных администрациях (в первую очередь в Ферганской долине). Для России и Казахстана эта ситуация представляет значительную угрозу — среди джихадистов афгано-пакистанского пограничья значительное число выходцев из РФ и РК.

Вестернизация джихада и новая ближневосточная стратегия Запада

Радикальные исламисты с успехом «осваивают» США и Европу в качестве территорий джихада. Они вербуют здесь джихадистов, собирают средства на ведение борьбы за создание халифата. Внутри западного мира с его свободами и гарантиями свобод их деятельность зачастую куда эффективнее и результативнее, чем на самом Ближнем Востоке. Джихад вестернизируется — это демонстрируют последние теракты в США, Великобритании и Франции. Политика Запада, направленная на союз с «умеренными» исламистами и монархиями Залива против «Аль-Каиды» и светских авторитарных режимов, провалилась.

Страны Западной Европы и США, поддержав «арабскую весну», открыли двери для джихадистов, которые окончательно обосновались на их территории. Теракты «бостонских братьев» и «тулузского стрелка» стали символом провала курса на сотрудничество американских и европейских спецслужб с пакистанской ISI и мухабаратами стран Залива — в первую очередь саудовской разведкой.

Не исключено, что в странах Запада начнут пересматривать внешнеполитический курс, хотя и с колоссальным опозданием. Издержки от его продолжения вне зависимости от текущей ситуации, как это было после мегатеракта 11 сентября и всех последующих терактов меньшего масштаба, слишком велики и могут обрушить карьеры ряда представителей высшего политического и разведывательного руководства в странах западного блока.

Сворачивание присутствия армий стран НАТО в регионе вследствие неэффективности, высокой стоимости и неизбежности потерь не означает, однако, что Запад перестанет отстаивать здесь свои интересы. Просто операции будут проводиться точно, без попыток установить контроль над территориями. Расширение применения обычных и ударных БПЛА, возрождение работы с агентурой, не зависящей от исламистских «субподрядчиков», — часть новой стратегии.

Похоже, что теракт в Бостоне стал «соломинкой, сломавшей спину верблюда»: при всех усилиях «замести под ковер» саудовский след, американские СМИ и конгресс США информацию о нём, пусть ограниченную, всё-таки получили. Последствия этого для будущего сотрудничества с арабскими монархиями Залива ещё предстоит оценить.

По мнению экспертов, не исключено, что высшее руководство Соединённых Штатов выбор сделало и по мере достижения Америкой энергонезависимости на базе сланцевого газа и других ресурсов намерено обанкротить Саудовскую Аравию так же, как в 80-е вместе с Эр-Риядом обанкротило СССР. В какой мере это станет солидарным решением западного блока — сказать невозможно, однако для проведения в жизнь политики такого рода достаточно одних Соединённых Штатов.

Завершение постколониального периода арабской государственности

После распада Оттоманской Порты в арабском мире появились колонии и зависимые территории Франции, Великобритании, Италии и Испа-

нии. Крушение колониальной системы во второй половине XX века привело к формированию арабской государственности, основой которой был баланс между традиционными монархиями и светскими республиками авторитарного типа. Свержение Саддама Хусейна в Ираке и последующие события на Ближнем Востоке, включая «арабскую весну», уничтожение или ослабление автократических правительств в интересах монархий, поставивших на «исламскую демократию», — всё это можно считать началом нового периода, периода реставрации традиционного арабского общества.

Данное общество, живущее мифом о халифате, состоит из больших семей-хумул, территориальных кланов, племён и племенных союзов, а также этнических и этноконфессиональных меньшинств и сект, которые де-факто осуществляли управление «на местах» в период сильной государственности и полностью взяли его на себя в её отсутствие.

Восстановление сильного государства — не в их интересах. Государственный аппарат необходим каждому из местных «баронов-разбойников» исключительно для себя и своего окружения (именно такая модель существует в Заливе, в том числе в крупнейшей «заливной» монархии — Саудовской). Нормальное государство современного типа в этих условиях построено быть не может: демократия и парламентаризм носят имитационный характер.

Новая-старая «Большая игра»

Голосование по Сирии в Совбезе ООН — Россия и Китай против США, Великобритании и Франции — напоминает о временах холодной войны, когда в рамках противостояния двух идеологических систем, а позднее двух сверхдержав, по ключевым вопросам войны и мира расклад сил был именно таков, по крайней мере, до «развода» СССР и КНР.

Вместе с тем это не повторение ситуации середины прошлого века, а скорее возвращение к его началу, притом что число игроков в новой «Большой игре» выросло, а некоторые её фигуры сами стали игроками. Конкуренция «великих держав» и «новых тигров» за доступ к ресурсам и контроль над коммуникациями идёт по классическим правилам того периода, который окончился Первой мировой войной. Однако несмотря на высокий уровень противоречий, опыт XX века позволяет надеяться на отсутствие не только вооружённых столкновений, но и холодной войны.

Экономическую и политическую конкуренцию никто не отменял, борьба за сферы влияния на Ближнем Востоке ведётся и будет вестись, однако интересы России и Китая в западном мире, как и интересы Запада в РФ и КНР, скорее всего, позволят избежать жёсткого конфронтационного сценария.

Сирийско-иранский узел демонстрирует, что если в одних случаях интересы внешних игроков в регионе противоположны, в других они совпадают, или частично совпадают. И уж во всяком случае, ни Россия, ни Китай не будут рвать отношения с западным блоком из-за Ирана и Сирии, хотя противостоять западной политике в своих собственных интересах они готовы.

Создание военной базы Японии в Джибути — первой базы за пределами этого государства после мировой войны — и набирающий ход процесс превращения японских сил самообороны в полноценные вооружённые

силы означает появление в бассейне Тихого и Индийского океанов нового игрока, заинтересованного в обеспечении безопасности морских путей, в том числе ближневосточных.

Более активную политику проводит и Китай, интересы которого пока не получили в регионе полноценного военного прикрытия. Однако учитывая объём китайских инвестиций на ближневосточно-африканском направлении — это вопрос времени. Традиционный военно-политический союз с Пакистаном против Индии позволяет КНР гарантировать безопасность проектов в АфПаке. Вложения в Африку намного масштабнее и в меньшей степени требуют защиты.

Другими крупными игроками в регионе становятся Индия, Южная Корея и прочие страны АТР, а также ряд ведущих государств Латинской Америки. Все они пытаются балансировать между Ираном и аравийскими монархиями Залива, развивая при этом военно-техническое сотрудничество с Израилем.

Роль Израиля

Сирийская политика Эрдогана настолько осложнила отношения Турции с Ираном и Ираком, что Анкара оказалась отрезана от арабского мира и вынуждена вести торговлю со странами Залива через Израиль (маршрут на Иорданию и Саудовскую Аравию), хотя с официальным Иерусалимом Эрдоган, поддерживав ХАМАС и радикалов из «Флотилии свободы», снизил уровень сотрудничества со стратегического союза до нуля.

Это означает, что Анкара потеряла доступ к израильским оборонным технологиям последнего поколения, а также перспективы кооперации по газовому шельфу Восточного Средиземноморья. Иерусалим планирует экспортировать природный газ в страны ЕС и АТР, усиливая свои позиции в этих регионах.

В сфере безопасности Израиль переориентировался на Азербайджан, Кипр, Грецию и Балканские страны. Решение о создании системы железнодорожного грузового и пассажирского скоростного сообщения между портами средиземноморского побережья и расположенным на Красном море Эйлатом (инвестор и оператор проекта — КНР) означает возникновение сухопутной транспортной альтернативы Суэцкому каналу.

Перспективы последнего, несмотря на усилия египетской армии по предотвращению террористических атак против инфраструктуры канала и следующих по нему судов, под большим вопросом. Это повышает значимость Израиля для мировой экономики и снижает зависимость международных грузоперевозок от ситуации в Египте.

Когда началась гражданская война в Сирии, ХАМАС довольно быстро «сдал» Асада, который на протяжении десятилетий поддерживал палестинцев, и в итоге палестино-израильское урегулирование было вытеснено на периферию региональных проблем. Эксперты подчёркивают бесперспективность и истощённость так называемого «мирного процесса». Реальная возможность для палестинцев — согласование с Израилем статуса, аналогичного статусу Пуэрто-Рико (государства, ассоциированного с США), неприемлема для нынешнего поколения лидеров.

Палестинцы в нарушение «соглашений в Осло» продолжают в одностороннем порядке добиваться через Генассамблею ООН создания независимого государства. Однако учитывая высокую вероятность распада Сирии и Иордании, надвигающуюся войну с Ираном, а также возможность реставрации исламистского режима в Каире и военного столкновения с Египтом, в Израиле это мало кого интересует.

Ливанизация сирийской гражданской войны и «турецкое лето»

Война в Сирии перешла в противостояние этноконфессиональных общин, которое грозит как проигравшим, так и не участвующим в ней шиитам и христианам, геноцидом. На стороне Асада воюет «Хезболла», его союзни-

ком является Иран, а Багдад и Бейрут сохраняют позитивный нейтралитет. Позиция Китая и России в Совбезе ООН, препятствуя интервенции, даёт им всем выигрыш во времени.

Сирийские «Братья-мусульмане», поддерживаемые Катаром, и джихадисты-салафиты из «Джабхат ан-Нусра», за которыми стоят Саудовская Аравия и «Аль-Каида», более активны, лучше организованы и вооружены, чем протурецкая Сирийская свободная армия. Фактически Сирия превратилась в большой Ливан. Здесь идёт война всех против всех, и война эта — на десятилетия, вне зависимости от того, будет ли возглавлять страну Башар Асад или она расколется на несколько враждующих территориальных образований.

В Турции продолжаются массовые волнения, начавшиеся с протеста против застройки стамбульского парка Гези, в котором находится мемориал Кемаля Ататюрка (мемориал, кстати, посвящён событиям начала XX века,

с. 252

когда верные Ататюрку войска подавили выступления турецких подразделений, отстаивающих исламский путь развития страны).

Ближайшие два года, по планам действующего руководства страны, должны стать переломными в её истории. Сценарий премьер-министра Реджепа Эрдогана — создание новой Оттоманской Порты и возвращение к исламской традиции. Его собственное будущее во власти может обеспечить рокировка с президентом Гюлем и превращение Турции из парламентской республики в президентскую.

В результате напряжённой политической борьбы Эрдоган поставил под контроль армию: судебные процессы над генералитетом не вызвали сопротивления. Но кадровые перестановки в командном составе, включая спецслужбу МИТ, не прибавили премьеру популярности среди военных. То же самое касается жестоких приговоров, вынесенных «путчистам» и генералам, которые в соответствии с конституцией и принятой Ататюрком доктриной лаицизма участвовали в отстранении от власти исламистских правительств в предшествующие десятилетия. Кроме того, армия не хочет воевать в Сирии, опасаясь значительных потерь, и с большим сомнением относится к переговорам с курдскими боевиками из РПК.

Наличие на турецкой территории почти 500 тыс. сирийских беженцев — чрезвычайно серьёзная проблема для безопасности страны, не говоря уже о её экономике. Однако с точки зрения военных, куда опаснее боевики Сирийской свободной армии и джихадисты в приграничной полосе. Их обвиняют в контрабанде оружия, в том числе химического (по некоторым данным, из Ирака в Сирию через турецкую территорию переправлялся зарин), и организации терактов-провокаций в Турции с целью втянуть её в войну. Ряды «эрдоганоскептиков» пополнило население южных провинций, граничащих с Сирией, в первую очередь алевиты и другие турецкие шииты.

Ключевой вопрос для Эрдогана — принятие новой конституции Турции, закрепляющей его власть. Идея превращения страны из парламентской республики в президентскую сплотила против Партии справедливости и развития остальные парламентские фракции, роль которых в новой системе власти будет минимальной. Главный вопрос — о наследии кемализма. Де-факто решается, останется страна Турцией Кемаля Ататюрка или станет Турцией Реджепа Тайипа Эрдогана.

Единственный шанс изменить конституцию — заключить альянс с курдскими депутатами парламента. Неслучайно Эрдоган начал переговоры с лидером РПК Оджаланом о прекращении турецко-курдского противостояния, что вызвало жесточайшую критику со стороны турецких националистов, армии и полиции, на протяжении десятков лет боровшихся с террористами Рабочей партии Курдистана. Тем более что на сегодня число жертв этого конфликта составляет уже более 40 тыс. человек, а вывод боевиков РПК с турецкой территории в Северный Ирак был приостановлен, после того как сирийские курды вступили в военные действия против отрядов антиасадовской оппозиции.

Турецкий премьер авторитарен, у него много личных врагов, и его отношения с прессой, не считая «социально-близкую», чрезвычайно плохие.

Он непопулярен и в либеральных кругах, в том числе во влиятельных университетах. Протесты против Эрдогана как «нового султана» и ПСР как партии власти имеют объективные причины и прочную социальную базу. Единственное, что пока его выручает, — это разрозненность оппозиции. Пёстрый, не имеющий единой платформы конгломерат сил, участвующих в уличных демонстрациях, не способен на объединение, а лидеры парламентской оппозиции не спешат присоединиться к протестам и тем более не готовы их возглавить.

Сценарий развития событий в Турции во многом зависит от того, как будет складываться ситуация в Сирии и в регионе в целом. Премьер-министр опирается на провинцию, предпринимательское сообщество и, по крайней мере на данном этапе, на полицию. У его противников нет лидеров, способных конкурировать с ним на выборах. Как следствие, отставка Эрдогана маловероятна.

Вместе с тем длительные протесты, которые, возможно, будут сопровождаться жертвами, дадут оппозиции шанс сплотиться и выдвинуть альтернативу ПСР. Не исключено, что экономические проблемы или военное столкновение с Сирией спровоцируют кризис, последствия которого окажутся фатальными для правящей партии. А значит, высока вероятность раскола в её руководстве: лидеры исламистов скорее предпочтут сохранить власть над страной, чем уйти с политической арены вместе с Эрдоганом. ■

Михаил Леонтьев

Главный редактор журнала «Однако». Родился в 1958 году в Москве. Окончил общезаочный факультет Московского института народного хозяйства им. Плеханова. Работал в изданиях «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Business МН», «Сегодня», «Профиль», на телеканале «ТВ Центр». С 1999 года — автор и ведущий программы «Однако» на Первом канале (ранее ОРТ).

Игорь Березин

Экономист, специалист в области исследований рынка, маркетинга и комплексных исследований среднего класса. Президент Гильдии маркетологов. Автор около полутора десятков монографий и более 300 статей.

Искандер Валитов

Окончил Казанский медицинский институт (1973–1979), Московский методологический кружок (1984–1990). Кандидат медицинских наук. Сфера интересов — философия и методология здравоохранения, образования.

Андрей Виноградов

Редактор интернет-проекта odnako.org, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования российско-китайских отношений, РИК, БРИКС и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

Маринэ Восканян

Обозреватель журнала «Однако». Эксперт Института динамического консерватизма и аналитического центра Изборского клуба. Член координационного совета Конфедерации общественных сил за евразийскую интеграцию.

Владислав Жуковский

Старший экономист финансовой группы «Риком», преподаватель МГИМО (У) МИД РФ. Инвестиционный консультант, советник ряда общественных движений и партий. Автор и ведущий программы «Точка зрения» на телеканале «Красная линия».

Александр Кузнецов

Преподаватель Высшей школы классической истории при Московском государственном университете культуры. Вице-президент Ассоциации Geo-Arabica. Кандидат политических наук. Сфера интересов: политические процессы на Ближнем Востоке, исламоведение.

Дмитрий Куликов

С 1987 года — в Москве. Сфера интересов — философия управления, философия истории. Методолог, продюсер (фильмы «Матч», «Вождь разнокожих», «Пустой дом»).

Анна Лобзова

Старший программист Института экономики РАН. Специалист в области программирования, прикладной статистики, инфляции, уровня жизни. Автор более 60 опубликованных работ.

Наталья Райская

Ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. Специалист в области прикладной статистики, эконометрики, макроэкономики, инфляции. Автор более 300 опубликованных работ в России и за рубежом. Кандидат экономических наук.

Евгений Сатановский

Президент Института Ближнего Востока. В 2003–2004 гг. — президент Российского еврейского конгресса (РЕК). Один из ведущих российских экспертов по Ближнему Востоку. Автор книг «Россия и Ближний Восток. Котёл с неприятностями», «Если б я был русский царь. Советы Президенту».

Тимофей Сергейцев

Родился в 1963 году. Окончил МФТИ. Методолог школы Московского методологического кружка (ММК).

Яков Сергиенко

Доктор экономических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. Обладатель премии молодых учёных РАН и золотой медали РАН. Автор более 400 опубликованных работ в России и за рубежом.

Александр Терентьев

Политолог, кандидат наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, выпускник Лондонской школы экономики. Редактор отдела «Заграница» журнала «Однако», обозреватель телепрограммы «Постскриптум». Автор книг «Великая Тэтчер», «Эпоха Обамы», «Британия Кэмерона».

Александр Френкель

Доктор экономических наук, профессор. Руководитель Центра макроэкономического анализа и прогнозов Института экономики РАН. Известный специалист в области прогнозирования, прикладной статистики, эконометрики, макроэкономики, экономики труда. Автор более 30 книг.

В ДЕКАБРЬСКОМ ВЫПУСКЕ

ОДНАКО

МАКРОЭКОНОМИКА:
**КУРСОМ
НА ДНО**

Политика деградации
и политэкономия развития

